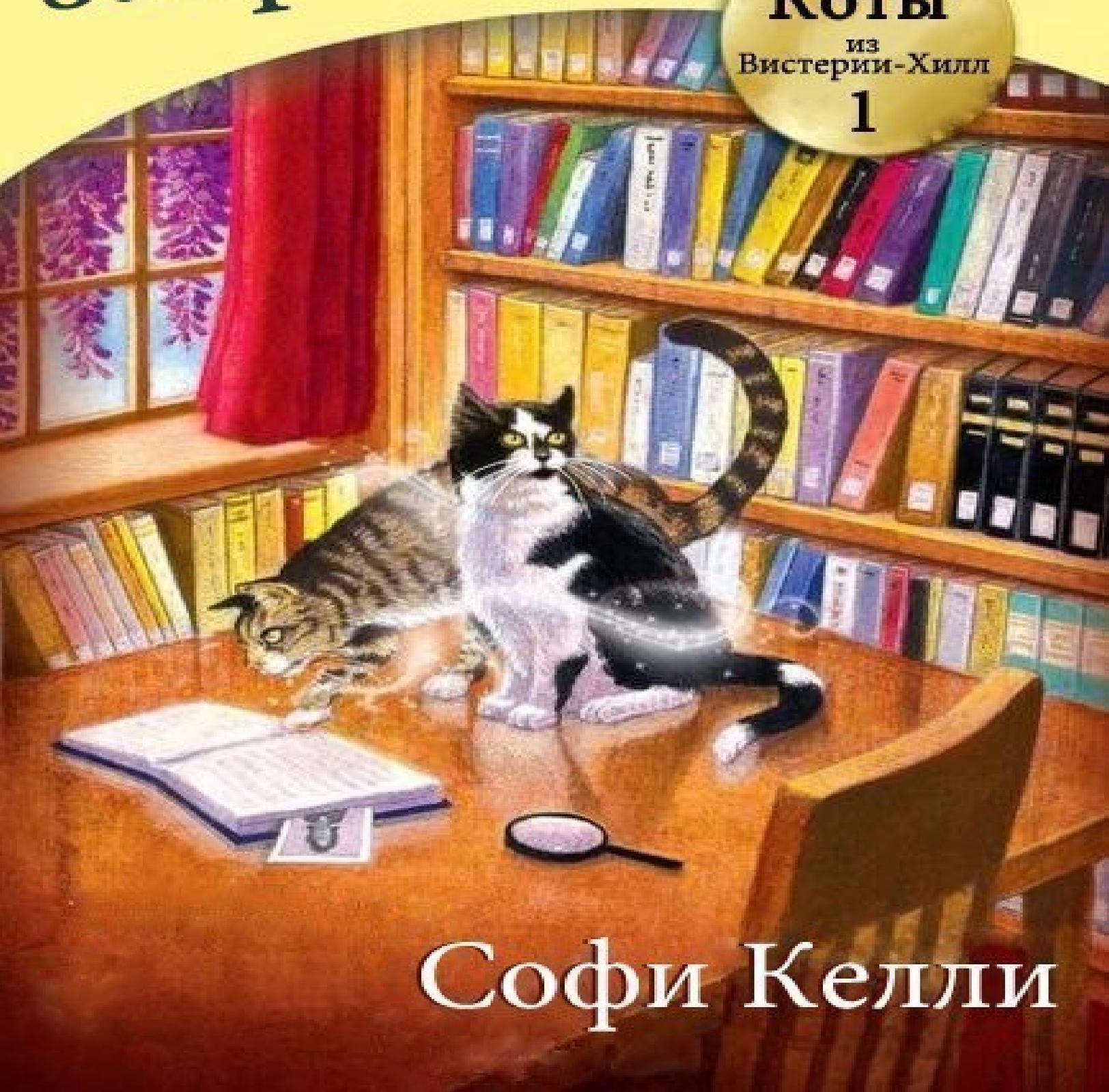

СКВОЗЬ ЗАКРЫТУЮ ДВЕРЬ

КОТЫ
из
Вистерии-Хилл
1

Софи Келли

Переезжая из Бостона в маленький городок Мейвилл Хайтс, Миннесота, библиотекарь Кэтлин Поулсон понятия не имела, что два бездомных кота - полосатый Оуэн, любитель кошачьей мяты, и чёрно-белый Геркулес проникнут в её жизнь. Летний музыкальный фестиваль внезапно прерывает убийство дирижёра, Кэтлин оказывается главной подозреваемой, но необычные способности четвероногих друзей спасают её и помогают раскрыть преступление...

Прыжок из-за угла

Тело валялось посреди только что вымытого кухонного пола. Весёлый Цыплёнок Фред, без головы.

— Оуэн, — сердито позвала я.

Ничего.

— Оуэн, мелкий клубок шерсти, я знаю, что это ты. Ну, где ты?

От задней двери послышалось приглушённое «мяу». Я заглянула за шкаф с посудой. Оуэн растянулся на спине перед сетчатой дверью, изо рта у него торчали неоново-желтые перья. Кот перекатился на бок и посмотрел на меня одуревшим взглядом, какой мне случалось видеть у обкуренных студентов в университетской библиотеке. Я присела рядом с серо-белым полосатиком.

— Оуэн, ты убил Фреда, — сказала я. — Это третий цыплёнок за неделю.

Кот неторопливо сел, потянулся, не спеша подошёл, положил лапу мне на колено и, наклонив голову, посмотрел золотистыми глазами. Я села рядом с посудным шкафом, Оуэн влез ко мне на колени, положил передние лапы на грудь. Изо рта у него по-прежнему торчали перья. Я протянула к ним руку.

— Давай сюда голову Фреда. — Кот не моргая смотрел на меня. — Ну, Оуэн, выплюнь её.

Он повернул голову и уронил в мою руку то, что осталось от головы Весёлого Цыплёнка Фреда — мокрый комок ваты с одиноким жёлтым пёрышком.

— У тебя проблема, Оуэн, — я бросила остатки цыплячьей головы на пол и вытерла руку о штаны. Кот ткнулся носом в мой подбородок, прижался головой к моей майке, прикрыл глаза и заурчал. Я погладила его по голове.

— У тебя зависимость, меховой шарик, а Ребекка — твой дилер.

Оуэн продолжал урчать, не обращая внимания. Из-за угла появился Геркулес.

— Твой братик — мятный наркоман, — сказала я маленькому чёрно-белому коту.

Геркулес подошёл к моим ногам, понюхал остатки головы Весёлого Цыплёнка Фреда. Потом посмотрел на Оуэна, урчащего, как работающий дизель, пока я чесала ему голову. На лохматой морде Геркулеса явно читалось презрение. Кошачья мята заставляла Оуэна впадать в экстаз. А вот Геркулес оставался к ней равнодушен.

Толстенький чёрно-белый кот тоже залез ко мне на колени, положил лапу на плечо и шлёпнул по волосам.

— За ухо? — спросила я.

— Мяв, — ответил кот.

Посчитав это «да», я заправила прядь за ухо. Я всегда носила длинные волосы, а несколько месяцев назад постриглась и ещё не привыкла к новому стилю. Но, по крайней мере, не поддавалась порыву сменить тёмно-каштановый цвет на блонд.

— Может, я спрошу Ребекку насчёт своих волос, — сказала я. — Она должна вернуться сегодня вечером.

Услышав имя, Оуэн поднял голову. Он привязался к ней с первой встречи, недели через две после того, как я принесла этих котов домой.

Геркулес и Оуэн были дикими котятками. Я нашла их, или, вернее, они нашли меня, примерно через месяц после того, как я приехала в этот город. Понятия не имею, сколько им

было. Они ласкались ко мне, но не позволяли никому к ним приближаться, не говоря уж о том, чтобы погладить. Но это не остановило Ребекку, мою соседку по заднему дворику. Она уже много недель покупала обоим котам игрушки с кошачьей мятой и в результате превратила Оуэна в мятного наркомана, отрывающего головы игрушечным цыплятам. Сейчас она была в отпуске, но Оуэн, похоже, приспособился добывать цыплят из каких-то её тайников. Я опять погладила его по голове.

— Спи дальше, — сказала я. — Пора тебе завязывать... с цыплятами, то есть. Скажу Ребекке не давать тебе больше игрушек с мятой. Ты становишься ленивым.

Оуэн опустил голову, а Геркулес боднул мою свободную руку.

— Тоже хочешь внимания?

Я почесала пятно на макушке Геркулеса — белый мех вокруг рта и на носу сменялся чёрным выше переносицы — и он тоже замурлыкал. Теперь я как будто сидела на станции техобслуживания автоцентра «Фольксваген». Я посмотрела на часы.

— Ладно, отпустите меня. Мне почти пора идти, а надо ещё позаботиться о безвременном усопшем.

Переезжая в Миннесоту из Бостона, я продала машину и до сих пор не купила новую: в Мейвилл-Хайтс куда угодно можно дойти пешком. Поскольку у меня не было машины, первые несколько недель я много бродила по окрестностям. Тогда-то я наткнулась на Вистерия-Хилл, заброшенное имение Хендерсонов. Эверетт Хендерсон нанимал меня на работу в библиотеку.

Оуэн и Геркулес вылезли из кучи засохших веток малины и следовали за мной по заросшему английскому саду. Я видела ещё несколько взрослых кошек, но все они исчезали при попытке к ним приблизиться. Когда я уходила, Оуэн и Геркулес пошли за мной по разбитой дорожке, посыпанной гравием. Я относила котят назад, к пустому дому, но это их не останавливало. Я осмотрелась вокруг, но не смогла найти их мать. Они были такие маленькие и так решительно шли вслед за мной, что я в конце концов забрала их.

В городке шептались насчёт Вистерия-Хилл и этих бродячих котов. Но в моих котах не было ничего необычного, совсем ничего. Слухи о странном свете и призраках меня не интересовали. В доме уже довольно долго никто не жил, но Эверетт запретил продавать или делать что-либо ещё с этой собственностью. Я слышала, что он вырос в Вистерия-Хилл. Может, поэтому он не хотел ничего менять.

Кстати, о нежелании перемен — Геркулес, устроившийся у меня на коленях, совсем не желал оставлять своё уютное место, но после нескольких мягких толчков встряхнулся и спрыгнул. Оуэн пару раз зевнул, а чтобы спихнуть его, потребовалось вдвое больше времени.

Я взяла у порога веник и совок и вымела останки Весёлого Цыплёнка Фреда. Оуэн и Геркулес уселись у холодильника и наблюдали. Оуэн потянулся к совку, похоже, его посетила идея схватить тушку и удрать. Я оглянулась на него.

— Даже не думай.

Он вернулся назад, сел и недовольно заворчал. Я открыла крышку мусорного ведра и вытряхнула совок.

— Фред был хорошим цыплёнком, — торжественно произнесла я. — Он был весёлым цыплёнком, нам будет его не хватать.

— Мяяв, — взвыл Оуэн.

Я смахнула в мусор остатки игрушки с кошачьей мятой.

— Покойся с миром, Фред, — и захлопнула крышку.

Убрав веник, я стряхнула с майки кошачью шерсть и вымыла руки. Глянув на себя в зеркало над раковиной, я поняла, что Геркулес прав — зачёсанные за уши волосы выглядели получше. Моя спортивная сумка с полотенцем и парусиновыми туфлями для занятий тай чи лежала в шкафу. Я поставила её у двери и вернулась проверить, есть ли у котов свежая вода.

— Я ухожу, — сказала я.

Но оба кота исчезли, и никто мне не ответил. Остановившись взять ключи и сумку, я закрыла за собой дверь и направилась вниз по Маунтин-роуд.

Желто-оранжевое солнце низко висело над озером Пепин. Был типичный для Миннесоты теплый вечер, без бостонской липкой влажности конца июля. Я перевесила сумку на другое плечо. Не собираюсь думать о Бостоне. Теперь мой дом — Миннесота, по крайней мере на ближайшие восемнадцать месяцев.

Извилистая улица вела к центру города. Я спускалась с холма, и скоро внизу показалась крыша библиотеки. Это кирпичное здание, защищённое от воды каменной стеной, располагалось как раз посреди береговой линии. С одной стороны было большое витражное окно, а купол медной крыши украшал оригинальный железный флюгер.

Бесплатную публичную библиотеку в Мейвилл-Хайтс — библиотеку Карнеги — построили в 1912 году на деньги, пожертвованные промышленником и филантропом Эндрю Карнеги. Теперь её восстанавливали и модернизировали к празднованию столетней годовщины. Поэтому я и находилась в этом городе уже несколько месяцев.

Мне предстояло работать здесь ещё полтора года — руководить реконструкцией, которая уже почти завершилась, обновлять собрания книг, заниматься компьютеризацией картотеки и настройкой бесплатного доступа в интернет для клиентов. Я постепенно узнавала, что читают жители города, как будто понемногу знакомилась с каждым из них.

Остановившись у подножия холма, я огляделась и перешла через дорогу к библиотеке.

Олд-Мэйн-стрит тянулась вдоль берега, от театра «Стрэттон», мимо отеля «Джеймс» к пристани. Мэйн-стрит продолжалась от пристани до окраины города, где сливалась с трассой. Из-за наличия двух Мэйн-стрит иногда бывало нелегко понять, куда идти, если только вы не жили в Мейвилл-Хайтс очень долго. Все улицы, ведущие с одного конца города на другой, повторяли изгибы береговой линии. Поперечные — в основном, вверх и вниз по холму, к Шиповниковому Утёсу. Как я узнала, из камней утёса построена большая часть фундаментов великолепных старых зданий в центре города. Мне в Мейвилл-Хайтс больше всего нравилась набережная с огромными вязами и каштанами, обрамлявшими берег. Она тянулась от старых складов на окраине, минуя центр города с его магазинами, лавками и офисами. Мейвилл ещё оставался одним из деловых центров на Миссисипи, но сейчас его посещало всё больше туристов. От подъезда отеля «Джеймс» можно было увидеть баржи и лодки, снующие по реке так же, как и сто лет назад.

Я остановилась у подножия лестницы библиотеки. Орен Кеньон установил новую ограду. Кованые железные прутья напоминали толстые скрученные лакричные леденцы. Центральные стойки перил по обеим сторонам расходились, образуя правильный овал размером в две моих ладони, а потом снова соединялись. В овалы вплетались буквы Б, П, Б, М, Х — Бесплатная Публичная Библиотека Мейвилл-Хайтс.

Я поднялась по лестнице, вошла и посмотрела вверх. Над широкой кленовой балкой висело резное деревянное солнце размером примерно в три фута. А над ним — надпись: «Да будет свет». Это было красиво.

Солнце в библиотеку на прошлой неделе принёс Орен. Высокий, худой, лет сорока пяти

на вид, с выгоревшими соломенными волосами, похожий на фермера в исполнении Клинта Иствуда, он молча стоял у временной стойки, пока я его не заметила — кто знает, сколько это длилось.

— Можете взглянуть кое на что? Если у вас есть время. Пожалуйста, — попросил он.

После того, как я попросила называть меня Кэтлин, он перестал говорить «мисс Поулсон», но так и не начал звать по имени. Я последовала за ним к его дряхлому пикапу. Солнце, укреплённое каркасом и обёрнутое в старое одеяло, лежало в крытом брезентом кузове. Орен развернул его — и у меня перехватило дыхание. Я протянула руку потрогать его, и отдернула, поняв ценность этой работы. Я взглянула на Орена.

— Это чтобы повесить над входом?

Я знала — резное солнце со словами «Да будет свет» висело над входом в первую библиотеку Карнеги в Шотландии, но меня удивило, что это знал и Орен. Я осторожно тронула пальцем один из лучей. Дерево было гладкое и твёрдое.

Он кивнул.

— Спасибо, — прошептала я, голос внезапно охрип от подступивших слёз. Мне хотелось обнять Орена, но отчего-то я знала, что делать этого не следует.

Глядя поверх дверного проёма, я снова почувствовала слёзы. Тихий и вежливый Орен был восхитительно талантлив. Всё необходимое для библиотеки, что не смог сделать главный подрядчик, выполнял Орен. Он сделал новые перила. Он позаботился о том, чтобы отделка стала похожа на оригинальную. Он занимался покраской, старательно подбирая цвета, соответствующие краскам 1912 года. Он не особенно много разговаривал, и, наблюдая за ним в прошедшие несколько месяцев, я чувствовала в Орене какой-то надлом. Он напоминал разбитую вазу. Или чашку. Ты старательно собираешь обломки, склеиваешь так, что ни одной трещинки не видно. Она снова прекрасна, и в неё наливают горячий чай или воду и ставят розы из сада, но в чём-то она уже не та. Что-то неуловимо иначе.

Потом я слышала голоса из глубины библиотеки, оттуда, где должны располагаться новый цифровой каталог и компьютеры. Слишком громкие голоса для библиотеки. Основные работы в здании закончились, и мы уже открылись для читателей, но после обеда обычно бывало тихо.

Я прошла мимо новых стеллажей, готовых принять книги. Сьюзен, одна из штатных сотрудниц, стояла спиной ко мне рядом с коробками компьютеров, ждущих, когда установят новые электрические розетки для подключения.

— ... Понимаю, это сбивает с толку, — услышала я слова Сьюзен, сказанные её обычным тоном терпеливой мамыши. У Сьюзен двое детей-дошкольников, так что её ничем не испугать.

— Моя дорогая, вы даже представить себе не можете всю глубину моего разочарования, — сказал человек, стоявший напротив неё.

Он взмахнул обеими руками, и поскольку в нём было намного больше шести футов роста, жест выглядел очень наигранно. Но, может, он так и хотел.

— Как, по-вашему, я должен работать в таких невыносимых условиях?

Я вышла из-за ряда книжных полок и встала рядом со Сьюзен. Из хвостика на её голове, как у Пebbлс Флинстоун, торчали два карандаша. Она незаметно вздохнула и улыбнулась — ещё более незаметно.

— В чём дело, Сьюзен? — спросила я.

— Мистер Истон надеялся воспользоваться одним из наших компьютеров, чтобы

отправить почту, — ответила она. — Его «Блэкберри» не работает.

Истон. Ну, конечно, Грегор Истон. Известный композитор и дирижёр, приглашённый на музыкальный фестиваль «Летний шиповник» в театре «Стрэттон». Истон репетировал в городе уже почти неделю.

— Мистер Истон, простите, но, как видите, наша компьютерная система еще не готова.

— Да, я вижу, — он сделал ещё один эксцентричный жест. — А вы кто будете?

Он оглядел меня — простая футболка, короткие брюки для занятий йогой и большая сумка на длинном ремне.

Я стащила с плеча сумку и поставила ее на металлический шкаф, в котором мы хранили большую часть старых карточек.

— Кэтлин Поулсон, — я протянула руку, — главный библиотекарь.

Наверное, я не была похожа на начальницу. Я всегда выглядела моложе своих лет, и мама обещала, что после тридцати я буду этому рада. Иногда так и было. В этот раз я предпочла бы выглядеть старше и внушительнее — непростая задача, когда в тебе всего пять с половиной футов роста, а на голове полуотросшая стрижка, торчащая во все стороны.

Истону должно было быть слегка за шестьдесят, но его пожатие было сильным, а рука гладкой. Намного более гладкой, чем моя.

— Мне жаль говорить об этом, мисс Поулсон, но ваша библиотека в хаосе.

Я непроизвольно огляделась. Дальнюю стену с витражным окном укрепили, а само окно отреставрировали и почистили. Большинство новых полок заполняли книги. Стены заново оштукатурили и покрасили. Стойка была почти закончена, и надо всем сияло солнце Орена. Так много людей провели здесь за работой столько часов. Здание выглядело чудесно. Я сглотнула, чтобы скрыть раздражение.

Он продолжил.

— В путеводителе в моем номере отеля написано, что библиотека предоставляет услуги доступа в интернет.

— Приношу свои извинения, — ответила я, — путеводитель доставили раньше, чем наши компьютеры.

— Но теперь они здесь. Почему нельзя подключить хотя бы один?

Подключить? К чему? Он что, ждал, что мы распакуем компьютер и каким-то чудом заставим его работать, чтобы он мог проверить свое расписание? Мы со Сьюзен переглянулись. Рот ее был серьезной прямой линией, но глаза за очками смеялись.

Истон одарил меня отработанной улыбкой звезды. «Распаковать компьютер специально для него? Как только рак на горе свистнет», — подумала я.

К несчастью, внезапно на голову дирижеру прыгнул не рак, а кот.

Мой кот. Оуэн.

Принести тигра на гору

Оуэн с минуту сидел на голове Истона, свесив хвост, как живая кошачья шапка. Потом, прежде чем кто-нибудь из нас успел сдвинуться с места, вскочил на книжный стеллаж, отряхнулся и посмотрел на нас круглыми глазами. Что он делает в библиотеке? Как, чёрт возьми, ему удалось незаметно забраться в мою сумку?

Истон завопил, отряхивая голову. Мне и раньше случалось слышать это слово, но не в библиотеке.

— Мисс Поулсон, ваша библиотека кишит паразитами! На меня напала крыса!

— Это не крыса. Это кот, — совсем некстати заметила Сьюзен.

— Мистер Истон, мне так жаль, — начала я, не зная, что делать — посмотреть, не остались ли на его голове отметины от когтей, или спасти Оуэна со стеллажа и прятать в своём кабинете.

— Кот? — взревел Истон и возмущённо уставился на Оуэна. — Неудивительно, что в этом здании водятся крысы. Вы считаете, что эта паршивая лохматая тварь способна контролировать здешних грызунов? Да вы только посмотрите на это... это безобразие! — Он ткнул пальцем в сторону кота.

И напрасно. Оуэн громко взвыл от негодования. Он зашипел на Истона и, чтобы уж наверняка, ещё и фыркнул. Потом спрыгнул на пол, тряхнул на Истона хвостом — полагаю, кошачья версия демонстрации среднего пальца — и гордо отошёл в сторону. Нужно было запихать его обратно в сумку и отнести ко мне, и чем скорее, тем лучше, но сначала пришлось разбираться с Грегором Истоном.

Я посмотрела на Сьюзен, но она отвела глаза. Ее губы дрожали. Боже, умоляю, только бы она не засмеялась. Утихомирить Истона и так будет непросто. Его лицо налилось нездоровой краснотой, густые волосы встали дыбом. Я не видела царапин, и надеялась, что Оуэн не выпустил когти.

— Мисс Поулсон! — голос Истона гремел в маленькой комнате. — Ваша библиотека находится в удручающе неудовлетворительном состоянии. Обслуживание просто неприемлемое. Интернет — подключения нет, несмотря на то, что оно заявлено. А ваш выбор центральных газет достоин сожаления.

Наш выбор центральных газет? А это ещё откуда взялось?

Он продолжал.

— У вас проблемы с крысами, которые вы пытаетесь решать — безуспешно, должен отметить — с помощью явно непородистого уличного кота, который, похоже, большую часть времени проводит, общаясь с городской популяцией бродячих кошек женского пола.

Я глубоко вздохнула. Оуэн не бегал за кошками. Большую часть времени он гонял птиц на заднем дворе и жевал голову Весёлого Цыплёнка Фреда. Вероятно, делиться этой информацией с Истоном не стоило. Я вспомнила, что советовала в таких случаях моя мать: «Играй, детка. Играй». Я сделала шаг вперёд.

— Мистер Истон, примите мои глубочайшие извинения, — не он один умеет изъясняться напыщенно. — Оуэн — мой кот, должно быть, он забрался в сумку прежде, чем я ушла из дома. Понятия не имею, как это случилось. Уверяю вас, он ни за кем не гоняется. В нашей библиотеке нет никаких крыс. И не больше нет, а никогда не было.

Я смотрела поверх плеча Истона. За окном промелькнула какая-то тень. Хоть бы это

оказался Оуэн, молча взмолилась я. Сьюзен за моей спиной издала сдавленный звук, как будто кто-то пытался откачать из машины бензин. Значит, она это тоже видит.

Дирижёр рассерженно вздохнул.

— Как бы то ни было, мисс Поулсон, за короткое время пребывания в вашей библиотеке, мне было отказано в элементарном обслуживании и я подвергся нападению вышедшего из под контроля животного. Это совершенно не то, чего я ожидал, когда в самый последний момент решил перестроить свой график, чтобы помочь вашему незначительному музыкальному фестивалю.

Он пригладил волосы, но один клок так и остался стоять по стойке «смирно».

Настоящий высокомерный старый козел. Которого мне нужно утихомирить.

— И весь город благодарен, что вы согласились поучаствовать в последний момент, — сказала я.

От этих слов у меня зубы заломило. Я сделала шаг назад и медленно, с некоторым нажимом, опустила пятку на правый носок Сьюзен, предупреждая ее ничего не говорить, и особенно не смеяться над моей грубой лестью.

— Еще раз прошу прощения за то, что произошло. — Сьюзен попыталась выдернуть ногу, и я нажала сильнее. — Позвольте утром прислать вам завтрак в номер в качестве компенсации за сегодняшний вечер.

Он покрутил золотое кольцо на пальце. Торчащая вертикально прядь волос кивнула мне. Я продолжила жать на ногу Сьюзен.

— Пожалуйста, мистер Истон. Это меньшее, что я могу сделать.

Что ж, тут я не солгала.

— Очень хорошо, мисс Поулсон. Но это не оправдывает произошедшего.

— Конечно, нет, — ответила я, стараясь не смотреть на его волосы, которые, похоже, жили своей жизнью и сейчас весело мне помахивали. Я снова шагнула вперед и заключила руку Истона в свои.

— Благодарю вас за понимание, — с этими словами я подвела его к выходу.

У дверей он остановился.

— Большинство людей раздули бы из этого проблему, мисс Поулсон. Но я — не большинство.

— Я высоко ценю вашу любезность, — сладко улыбнулась я.

Он толкнул дверь и исчез на лестнице.

Я сползла по стене. Ненавижу льстить и очаровывать, чтобы унять чей-то гнев.

— Я высоко ценю вашу любезность? — рассмеялась Сьюзен позади меня. — Испытаю это на воспитателях, когда двойняшки в очередной раз застрянут на шведской стенке.

— Ладно, — согласилась я, — может, Истон немного напыщенный... — я запнулась.

— Пустобрёх? Дурак? Лошадиная задница? — уточнила Сьюзен.

— Человек. Но насчёт компьютерного зала он прав. Зал должен бы уже работать. — Я выпрямилась и пошла вглубь библиотеки. — И он не заслужил, чтобы мой кот на него набрасывался. Кстати, а где этот клубок шерсти?

— А ты видела волосы этого типа? — спросила Сьюзен. — Прямо как флаг на ветру.

Я потёрла переносицу тыльной стороной руки.

— Да, вспомнила. Можешь позвонить Эрику, попросить прислать завтрак в номер Истона?

Эрик, муж Сьюзен, держал кафе недалеко от пристани. Он использовал местные овощи

и фрукты, и готовил всю еду на своей кухне.

— Пожалуйста, скажи, чтобы он отправил счёт мне. Не на библиотеку. И не могла бы ты попросить его сделать... — я неопределённо махнула рукой. — Поизящнее, пожалуйста.

— Сделаем, — сказала Сьюзен. — А всё же, зачем ты взяла с собой кота? Хотела, чтобы я за ним присмотрела?

— Нет, я не нарочно. Он просто как-то влез в мою сумку. Даже не знаю, как, — смутилась я.

— Оуэн, ты где? — позвала я, оглядывая компьютеры. Заглянула за стопку ящиков. От окна послышалось тихое «мррр». Я пробралась через кучу стульев. Оуэн сидел на оконном карнизе и, казалось, внимательно следил за скользящим по озеру парусником. Он что-то жевал. Я оглянулась в поисках головы или тела какого-нибудь несчастного грызуна, но ничего не увидела. И не знала, хорошо это или плохо.

— У тебя большие неприятности, — сказала я, подхватывая кота. Он легонько боднул мой подбородок — его способ сказать, что для него всё не так уж плохо. — Ты хоть понимаешь, кто это был?

Оуэн зевнул.

— Думаю, он понимает, — сказала Сьюзен. — Кстати! У меня осталась половина сэндвича с тунцом. Ему понравится?

При слове «тунец» уши Оуэна задёрнулись.

— Ты точно не против? — спросила я. — Может, если у него будет еда, он посидит в моём кабинете, а я всё же смогу пойти на тай чи.

Я отнесла Оуэна наверх, а Сьюзен взяла из холодильника в комнате отдыха остатки сэндвича. Мы плотно закрыли дверь моего кабинета, она развернула промасленную бумагу и положила еду на пол за письменным столом.

Оуэн понюхал хлеб, потом осторожно лизнул начинку. Задняя часть его спины изогнулась и заплясала от удовольствия.

— Спасибо, — сказала я Сьюзен.

— Да всё нормально, — сказала она. — Я люблю котов. — Она смотрела, как Оуэн придерживает лапой хлеб, чтобы слизать побольше тунца. — Я думала, твои коты никого к себе не подпускают, только тебя. Как же он решился прыгнуть на маэстро?

— Не подпускают. Но, думаю, Оуэн не хотел приземлиться на голову мистера Истона. Может, он испугался. Просто прыгнул и промахнулся, — улыбнулась я. — Или, может, с высоты шкафа голова Истона показалась ему похожей на зад белки.

Сьюзен засмеялась.

— Знаешь, я даже не заметила этого кота. Он просто внезапно оказался на голове маэстро. Как будто в одну секунду был невидимым, а в следующую появился.

Я почувствовала, что лицо горит. Прежде чем Сьюзен заметила, на стойке зазвонил телефон.

— Я возьму, — сказала она.

Когда за ней закрылась дверь, я упала в свое кресло.

— Спасена звонком, — сказала я Оуэну, умудрившемуся разделить половинки хлеба и добраться до остатков тунца, майонеза и маринованных огурцов. Мои щеки пылали.

Потому что на секунду, всего лишь секунду, я подумала, что Оуэн был невидимым. Но это же невозможно. Я наклонилась к нему поближе.

— Что бы ты там не делал, ты должен прекратить. Кто-нибудь тебя увидит. Точнее, не

увидит.

Кот не стал тратить силы на то, чтобы посмотреть на меня. Я задумалась, что сказала бы Сьюзен, если бы я сообщила ей, что, возможно, кот на самом деле на мгновение исчез. Может, проверила бы, нет ли в моей шляпе подкладки из фольги.

Ладно, все дело в том, что я не первый раз видела, как он исчез. Впервые это случилось около шести недель назад. Я лежала в гамаке на заднем дворе, Оуэн у моих ног наблюдал за птичками. И вдруг пропал. Я огляделась в полной уверенности, что он погнался за какой-нибудь рассеянной малиновкой. Кот появился откуда ни возьмись футах в десяти, завис в воздухе над крошечным чёрно-жёлтым зябликом.

— Оуэн! — вскрикнула я. Испуганный зяблик улетел, я вывалилась из гамака, а кот неуклюже шлёпнулся на траву, растопырив лапы. Он тоже казался потрясённым, потом встряхнулся и с недовольным ворчанием побрёл через лужайку. Я опять залезла в гамак, кот устроился рядом. Мы потихоньку качались, и я решила, что мне все почудилось. Солнце слепило глаза, и мысли разбегались. Ладно, я не пила. Никаких признаков инсульта, о которых прошлой ночью говорили во время рекламных пауз в шоу «Танцуй». Может, у меня проблемы со здоровьем или это такая странная галлюцинация?

— Оуэн, сделай это ещё раз, — попросила я. Кот посмотрел на меня. — Ну, давай. Исчезни, — я провела рукой вверх-вниз по лицу.

Не знаю, чего я ждала — наверное, что он медленно станет таять в воздухе, как Чеширский кот из «Алисы в Стране чудес», пока не останется только улыбка. Кот посмотрел на меня, как на сумасшедшую. И исчез. Исчез, конечно, всего лишь за кустом красной аронии. Кошки не могут становиться невидимыми. Простая истина. Так же? Так. Но с тех пор я к нему приглядываюсь. Боюсь — или жду? — что опять произойдёт что-то необычное, сколько бы я не твердила себе, что это невозможно.

Оуэн прикончил тунца и старательно облизал промасленную бумагу. И так, я снова видела, как он исчезает. Похоже, те хваленые мультивитамины не работают.

Я так устала, и расстроена, а в библиотеке столько дел. Неудивительно, если мне иногда что-нибудь померещится, например, что мой кот становится невидимым. В Бостоне я встречала в автобусе очень симпатичного человека с невидимым другом.

Если уйти прямо сейчас — я ещё успевала на занятие.

— Ладно, котик. Я иду на тай-чи и собираюсь тебя запереть. Оставайся здесь. — Кот начал жевать что-то, налипшее на лапу. — Не вой под дверь. Не исчезай и не прыгай людям на головы. Я вернусь через час.

Я принесла Оуэну миску воды с общей кухни и заперла кабинет.

— Я иду на тай-чи, — сказала я Сьюзен, проходя мимо её стола. — Оуэн в моём кабинете. Не выпускай его, пожалуйста.

— Ладно, — пообещала она. — Увидимся.

На тай-чи меня позвала Ребекка. Те несколько месяцев, что я жила в этом городе, я почти полностью провела в библиотеке. Я согласилась походить на эти занятия — боялась превратиться в сумасшедшую кошатницу, которая все вечера проводит с ними перед телевизором и общается с кошками, как будто это люди. Собственно, я уже так и делаю.

Занятия проводились на втором этаже кооператива художников, в центре города, на другом берегу реки. На первом этаже здания располагался магазин художественных товаров. Две комнаты на втором этаже использовались для занятий медитацией, йогой и тай-чи. Мэгги, инструктор, была разносторонним художником и гончаром — кувшины, кружки и

вазы разных форм, вроде пышных голых женщин. Сама Мэгги — высокая и изящная, с зелёными кошачьими глазами и короткими светлыми волосами. Мы подружились, когда я пришла на занятие пораньше и застала её на сайте «Танцуй», голосующей за Мэтта Лойера.

Занятие начиналось с разминки. Я переобулась и заняла место в кругу рядом с Ребеккой. На ней были белая майка и шарф цвета морской волны. Эти цвета очень шли к её серебряным волосам и светлой коже.

— Добро пожаловать домой, — прошептала я ей.

Ребекка, парикмахер, пару лет назад ушла на пенсию. На прошлой неделе её не было в городе. Я забирала её почту и поливала цветы. Должно быть, она привезла Оуэну нового Весёлого Цыплёнка Фреда.

— Спасибо, — прошептала она.

— Кэтлин, согни колени, — скомандовала Мэгги.

Я сдула с глаз чёлку и ещё немного подогнула колени. Вайолет, стоявшая напротив, улыбнулась мне. Она всегда двигалась легко и плавно. Ей, как и Ребекке, было за шестьдесят. Высокая и стройная, она не носила высокие каблуки только во время занятий.

Рома Дэвидсон рядом с ней уже успела вспотеть. Я завидовала её коротко подстриженным тёмным волосам, гладким и, кажется, никогда не падавшим на лицо. Она хитро улыбнулась мне и беззвучно пошевелила губами.

— Согни колени, — повторила она слова Мэгги.

Рома — единственный ветеринар в Мейвилл-Хайтс. Мне пришло в голову, что нужно спросить ее о страсти Оуэна к кошачьей мяте, просто чтобы убедиться, что он не станет котом-наркоманом. Его шалости с невидимостью я оставлю при себе.

До конца урока Мэгги велела мне согнуть колени еще раз шесть. Я была более неуклюжей, чем обычно, и волосы постоянно лезли в лицо. В какой-то момент Мэгги, проходя мимо, дотронулась до моего затылка двумя пальцами и прошептала: «Очисти свой разум, Кэт». Легко сказать. Если опустошу разум, куда я все дену?

Заканчивали мы всегда полным комплексом. Только Мэгги и Руби могли сделать все сто восемь движений. Остальные одна за одной отходили в сторону и смотрели. Когда они закончили, Мэгги слегка поклонилась и сказала: «Увидимся в четверг. Практикуйтесь».

Руби потянула руки. Она рисовала гигантские абстракции и была самым гибким человеком, что я видела в жизни. И пирсинга у нее было больше, чем у кого-либо. Среди книг по органическому садоводству и старых выпусков «Новостей матери Земли» у Руби всегда имелась парочка исторических романов. Женщина разнообразных интересов. Она также пела в фестивальном хоре.

— Как идут репетиции заключительного концерта? — спросила я.

— Нормально, учитывая, что знаменитый дирижер оказался мерзким старым извращенцем, — она вытянула руки над головой, наклонилась и опустила их на пол. — И не такой уж он великий, — добавила она, повернув голову набок, чтобы видеть меня. — Я десять лет пою и знаю разницу между обычным дирижером и тем, кто на самом деле чувствует музыку. — Она начала переставлять руки вперед, кончики ее волос касались пола. На этой неделе они были синие. Мне подумалось, что вздумай я разговаривать в такой позе, получилось бы, будто кто-то разделяет индейку.

— А хуже всего, что он лапатель.

— Кто? — переспросила я, потянув за ворот футболки. Я вспотела.

— Лапатель. Ну, знаешь, ему нужно положить руки тебе на плечи, чтобы зафиксировать

позу. Он должен потрогать твою диафрагму, чтобы проверить дыхание. Лапатель, — Руби засмеялась, и вверх ногами это вышло больше похоже на фырканье.

— Мне пришлось воткнуть локоть в его диафрагму пару раз. Проверить дыхание, конечно же, — теперь она начала переставлять руки обратно к ногам. — Будь я Эми Лестер... боже.

Эми Лестер? А, хорошенькая рыжеватая блондинка, забравшая из библиотеки все книги Дианы Габальдон. Одна из летних интернов в Стрэттоне.

— О чем ты? — спросила я.

— У Эми два соло, — Руби прижала голову к загорелым ногам и звучала глуховато. — Она нравится Истону. Нравится не в смысле «о, черт, как же круто она поет». И да, она поет круто. А в смысле, нравится грязному старикашке. — Она медленно выпрямилась. — Я сказала ей, что будь я на ее месте, он бы уже пел сопрано, а не баритоном. — Она ухмыльнулась, пожала плечами и пошла к столику в углу, где Мэгги держала чай и чашки.

У дверей послышался шум — Ребекка нагнулась за туфлей, которую уронила. Я подошла к ней. Она посмотрела, как Руби выбирает кружку и берет из коробки ромашковый чай, потом повернулась ко мне. Выглядела она усталой.

— Спасибо, что приглядела за домом, Кэтлин.

— Не за что.

Я убрала с лица волосы и горестно вздохнула. Ну зачем я постриглась? Ах, да. Потому что я все изменила: новый город, новая работа, новая жизнь, и значит, новая стрижка.

Ребекка провела пальцами сквозь мои непослушные пряди, поднимая волосы и отпуская их. Ее рука слегка дрожала, шарф щекотал мою щеку.

— У тебя красивые волосы, милая. Они выросли ниже ушей, это самое сложное время. Зайди в выходные, я немного придам им форму.

Я улыбнулась.

— Спасибо, зайду.

Ребекка удалилась к скамейке переобуться.

Подошла улыбающаяся Мэгги с кружкой чая:

— Мэтт впереди в голосовании.

— Ты не можешь этого знать.

— Он выиграет заветный хрустальный глобус.

— Ни за что.

— Ты, наверное, думаешь, что выиграет этот недоделанный супергерой в набедренной повязке, — сказала Мэгги.

— Мистер Кевин Сорбо вовсе не недоделанный супергерой. Из него вышел отличный Геркулес, и он перетанцует Мэтта Лойера одной левой.

Она просто закатила глаза и покачала головой.

— Мне нужно возвращаться в библиотеку, — я огляделась и понизила голос. — Оуэн сидит в моем кабинете.

— Сегодня разве день «Возьми кота на работу»? — спросила Мэгги. — Я думала, он на следующей неделе.

— Очень смешно. Кот залез в мою сумку, а я не знала, пока он не выскочил в библиотеке.

— Не на стойку, я надеюсь?

Я потянула свою футболку за подол.

— Нет, это было бы еще ничего. Он прыгнул кое-кому на голову.

Она очень старалась не рассмеяться.

— Оуэн прыгнул кому-то на голову. Хотела бы я быть там.

— Нет, не хотела бы. Кое-кто — это Грегор Истон.

Мэгги чуть не захлебнулась чаем.

— Врешь! — затем увидела мое лицо. — Нет, не врешь.

Я покачала головой.

— Я посылаю ему завтрак в номер. Надеюсь, этого будет достаточно.

— Бедный Оуэн, — сказала Мэгги, — наверное, у него теперь травма.

— Это у меня травма. Я лучше пойду. Увидимся завтра вечером. Я начала спускаться по лестнице, но через несколько ступенек остановилась и повернулась к Мэгги:

— Овощные палочки или брауни?

— Брауни.

Естественно.

— И не пытайся засунуть в них сливовое пюре, — крикнула она вдогонку.

Я шла в библиотеку как можно быстрее, учитывая ноющие ноги.

— Как дела? — спросила я у сидевшей за стойкой Сьюзен.

— Никто и не мяукнул, — улыбнулась она.

Я поспешила наверх и открыла дверь кабинета, гадая, что за ней увижу. Оуэн сидел на моем стуле.

— Эй, комок шерсти, — сказала я, — я и не рассчитывала, что ты останешься на полу. Вперед, — предложила я ему, открыв сумку и вытащив кроссовки. Оуэн прыгнул на стол, подошел, заглянул внутрь и посмотрел на меня с таким видом, будто сказал: «Что? Ты думаешь, я полезу туда?!»

— В ней ты приехал сюда, в ней и отправишься домой, — я легонько подтолкнула его заднюю часть. Он мяукнул какое-то кошачье ругательство и забрался внутрь.

Когда мы подошли к дому, почти стемнело. Теперь, в августе, дни стали заметно короче. Я включила лампу в гостиной и выпустила Оуэна. Он посмотрел на меня, отряхнулся и направился в кухню. Я села на краешек черного кожаного кресла и взяла телефон. Номер Уилла Редферна, подрядчика по реконструкции библиотеки, я знала наизусть. Звонок переадресовался на голосовую почту. Как всегда. Невозможно понять, избегает ли он меня, работы, или же просто такой неорганизованный человек. Я оставила на автоответчике имя и номер. Интересно, что он придумает в оправдание на этот раз — смерть бабушки случалась уже дважды.

Геркулес крутился под ногами. Я подхватила его и пошла в кухню.

— А знаешь, что натворил твой братик?

Кот наклонил голову и вопросительно посмотрел на меня. Я стала рассказывать, что случилось с Оуэном, и Геркулес сочувственно мяукал всякий раз, как я останавливалась. Я опустила его на пол, сделала себе тост с арахисовым маслом, налила в стакан молока, а Геркулес наблюдал за мной. Потом я сидела за столом, отщипывая кусочки для него и Оуэна, прибежавшего, как только щёлкнул тостер.

— Надо мне наладить этот компьютерный зал, — сказала я им. — Если сдвинуть вместе все перегородки и коробки, можно было бы распаковать и настроить хоть один компьютер.

Я отломил еще два кусочка тоста — один Оуэн тут же уронил на пол, а со второго Геркулес слизывал арахисовое масло, пока я держала хлеб.

— Редферн ведь не перезвонит мне, да? Скажет потом, что енот стянул у него телефон или из кузова грузовика вывалились инструменты. — Я уселась поудобнее. — Может, позвонить Эверетту?

Эверетт Хендерсон нанял меня управлять обновлением библиотеки. Он финансировал весь проект, это был его дар городу к столетию библиотеки.

— Мрррм, — ответил Оуэн, не прекращая жевать.

— Ты прав, — ответила я. — Разбираться с такими проблемами должна я, а не Эверетт.

Геркулес вытащил облизанный кусок хлеба из моей руки и бросил на пол. Оуэн посмотрел на него, пошевелил усами. Геркулес подтолкнул к нему хлеб, обошёл вокруг стола и уселся перед холодильником.

— Что, тебе надоело арахисовое масло?

— Мрррм, — сказал Оуэн, ещё громче, чем в прошлый раз, и так же не переставая есть.

Геркулес оглянулся. Почему мне казалось, что они говорят обо мне? Геркулес внезапно подпрыгнул, махнув лапой по магниту «Танцуй!» на дверце холодильника. Магнит покатился по полу, а обрывок бумажки, который он держал, приземлился у моих ног.

— Геркулес! Зачем ты это сделал?

На бумажке был адрес Орена. Я нагнулась подобрать ее. Орен. Ну конечно!

— Орен может всё собрать. — Клянусь, коты понимающе обменялись взглядами. Мне незачем говорить с ними, они и так всё слышат.— Он устанавливает сцену в Стрэттоне и будет здесь рано утром. Вы знаете Орена.

Геркулес посмотрел на меня.

— Ты это пытался мне сказать? — Я потянулась, чтобы стереть арахисовое масло с его носа, но он стукнул меня лапой.

— Вот что я сделаю. Первым делом пойду к Орону и отнесу ему эти банановые маффины.

Тост закончился. Оуэн зевнул, и я тоже. Геркулес начал умываться. Девять тридцать вечера вторника, а я сижу с котами, собираюсь идти спать. Определенно, я чокнутая кошатница.

На следующее утро Оуэн разбудил меня без пятнадцати шесть, прямо перед будильником. Он поставил одну лапу на край матраса и почти ткнулся носом мне в лицо. По утрам его дыхание отнюдь не благоухало, и я задумалась, существует ли «Листерин» для котов. К шести тридцати я была на пути в Стрэттон с банановыми маффинами в коричневом бумажном пакете. На служебной парковке позади здания пикапа Орена не было. Может, он стоял на главном паркинге с другой стороны. Я дернула дверь сцены, она оказалась незаперта. Я вошла и направилась по коридору к боковому выходу на сцену. На деревянном полу было что-то разлито. Краска?

— Орен, — окликнула я, — вы здесь?

Отодвинув тяжёлый красный занавес, я вышла на сцену. На полу лежала маленькая подвеска — нота на серебряном колечке. Подбирая её, я заметила кого-то у пианино в глубине сцены.

— Орен, вы в порядке? — снова позвала я. — Это Кэтлин.

Я пересекла сцену и подошла к пианино. Навалившись на клавиши лежал вовсе не Орен. Это был Грегор Истон. И он не был в порядке.

Он был мертв.

Схватить птицу за хвост

Мне доводилось видеть много мёртвых тел на сцене. С некоторого расстояния грим и поддельная кровь кажутся вполне убедительными, но вблизи невозможно скрыть, что полковник Мастард, убитый в библиотеке канделябром, на самом деле дышит и вполне жив. Грегор Истон не дышал. Страшная красно-лиловая рана на голове резко выделялась на бледной восковой коже, как будто нарисованная искусным гримёром. Но крови не было. Я коснулась запястья, чтобы проверить пульс, и тут же отдёргнула пальцы, такой холодной и окоченевшей оказалась его рука. Дрожащими руками я нашла свой мобильник. Без четверти семь утра, в пустом театре, наедине с мёртвым телом. Мне вдруг стало страшно. Я попятилась через сцену обратно, нащупала просвет в занавесе, пробежала коридор, села снаружи на ступеньку и набрала 911.

Первыми приехали парамедики, мужчина и женщина. Его я не знала, а её видела в библиотеке. Джейн. Нет, Джейми — книжки для малышей Сандры Бойнтон и что-то про приучение к горшку.

— Он на сцене, у пианино, — сказала я им. — Идите через холл за занавес.

Следующей прибыла полиция с включёнными мигалками. Из машины вылез офицер, подошёл ко мне.

— Мисс Поулсон?

— Да.

— Это вы сообщили, что нашли тело?

— Внутри. У пианино, на сцене. Парамедики уже там.

— Мэм, а что вы здесь делали? Участвуете в фестивале?

Я объяснила, что искала Орена. На маленькую площадку вслед за полицейскими въехали ещё одна машина и фургон. Женщина за рулём и водитель фургона — тоже полицейские, я поняла это, как только они вышли. Но обоим была полицейская обувь — прочные ботинки с тяжёлой подошвой. Мой отец всегда говорил, что обувь — ключ к характеру. «Заметишь обувь — поймёшь человека». Женщина вылезла из машины, держа в руках идеально чистую металлическую кружку с кофе. Она отпила пару глотков, нагнулась, чтобы поставить кружку обратно. Мужчина что-то сказал ей и ухмыльнулся. Она скорчила гримаску и отхлебнула ещё глоток. Патрульный направился к ним.

Я ждала на кованой скамейке с деревянным сидением, стоявшей в глубине парковки. Никто не запрещал мне уходить, но я решила, что нельзя, пока кто-то из них не отпустит. Я не могла расслышать, о чём говорили трое полицейских, но увидела, что все обернулись и посмотрели на меня. Я старалась выглядеть спокойной и не теребить волосы. В руках всё ещё был пакет с маффинами. Что с ними теперь делать? И где Орен? Он работал не только в библиотеке, фестивальным комитет нанял его для покраски и кое-какого ремонта в театре. Обычно в семь он уже на работе.

Мужчина-парамедик вышел во двор театра, снял лиловые одноразовые перчатки. Он остановился поговорить с тремя офицерами. Двое, прибывшие последними, достали из карманов собственные перчатки, натянули их и вошли внутрь. Подъехали ещё полицейские машины.

Я сидела на скамейке ещё минут десять, потом из здания театра показался офицер, который вёл фургон. Он подошёл ко мне, стягивая перчатки — высокий, с тёмными

волнистыми волосами, которые уже пару недель как пора постричь. Суда по загару, ему приходилось много бывать на свежем воздухе, и должно быть, поэтому я ни разу не видела его в библиотеке.

— Мисс Поулсон?

— Да, — я поднялась со скамейки.

— Детектив Гордон. Это вы нашли тело?

Я кивнула, пытаясь подавить дрожь. Было облачно и далеко не так тепло, как в прошедшие несколько дней.

— Что вы здесь делали в такую рань?

— Искала Орена Кеньона, — я вдруг растерялась и крепче сжала пакет с маффинами.

— Он выполнял некоторые работы по восстановлению библиотеки. Я руковожу библиотекой, мне нужно было поговорить с ним.

— Так рано?

Что он хотел сказать этим «так рано»? Я вроде не бродила в ночной рубашке до восхода солнца.

— Орен начинает работу самое позднее в семь. Я хотела поговорить с ним до того, как он чем-нибудь здесь займётся.

Офицер чуть кивнул.

— Что в пакете?

— Маффины.

Я протянула ему пакет, пусть сам убедится. Он развернул его сверху, заглянул внутрь. Потом опять посмотрел на меня.

— Мисс Поулсон, у вас роман с мистером Истоном? И в театре было назначено свидание?

— Свидание? — от удивления у меня сорвался голос. — Нет. Говорю вам, я просто искала Орена.

Детектив Гордон оглянулся на маленькую парковку.

— Его пикап здесь?

Я провела рукой по волосам, отчего они взлохматились ещё больше.

— Нет, но я думала, может, он поставил его с другой стороны. Дверь была не заперта, и я зашла посмотреть, вдруг он уже на работе.

Почему детектив ничего не записывал? Я взглянула не его руки — вдвое больше моих, мозолистые. Он явно не только записывал показания. Ничего удивительного, что я не видела его в библиотеке.

— Кто-то сидел за пианино, — сказала я, — я подумала, может Орен. Вошла и увидела, что это мистер Истон.

— Так вы его знали? — спросил детектив.

Я покачала головой.

— Впервые встретила вчера вечером. Он заходил в библиотеку, чтобы воспользоваться компьютером. Но компьютерный зал пока не готов, потому я и искала Орена сегодня утром.

Детектив внимательно смотрел на меня. Может, думал, что я собьюсь и наконец сознаюсь, что между мной и Грегором Истоном знойная страсть и мы занимались на пианино диким животным сексом?

— Когда я поняла, что он мёртв, вышла наружу и позвонила 911, — добавила я.

Он оглянулся на театр.

— Вы трогали что-нибудь?

Он пропустил маленький участок щетины на левой челюсти, когда брился.

Я на минуту задумалась.

— Дверь на сцену, — сказала я. — Занавес. И я тронула мистера Истона за руку.

— Это всё?

— Кажется, да, — я вынула из кармана серебряную подвеску и протянула ему. — Я чуть не наступила на неё. И в коридоре на полу что-то разлито. Думаю, оно осталось на моих туфлях.

Я ухватила за край скамейки и подняла левую ступню. Он склонился, чтобы посмотреть.

— Мне понадобится ваша обувь, мисс Поулсон.

Я осторожно опустила ногу.

— У меня есть пара туфель в кабинете, в библиотеке. Я могу их взять?

— Мне также понадобятся ваши отпечатки пальцев. Офицер Крейг отвезет вас в ваш офис, а потом в участок, согласны?

Вопрос не предполагал ответа «нет».

Крейг оказался коротко стриженным патрульным, лет двадцати на вид. Он привез меня в библиотеку и пошел со мной в кабинет, где я переобулась в тапочки для тай-чи. Вынув из бардачка пакет, он запечатал в него мои кроссовки и выдал мне квитанцию. Затем мы поехали в участок, где у меня сняли отпечатки пальцев. Офицер Крейг отвёз меня в библиотеку. Я пошла в комнату для персонала, включила кофеварку. Хотя в полицейском участке я уже отмывала руки от краски каким-то ядовито-оранжевым очистителем, теперь я вымыла их снова.

Я беспокоилась об Орене. У него не было мобильного, и если с ним что-то случилось... Я как раз наливала кофе, когда услышала стук в парадную дверь. Через стекло я увидела детектива Гордона, отперла металлическую решетку и открыла дверь.

— Мисс Поулсон, извините за беспокойство, но у меня к вам еще несколько вопросов.

— Входите, — я открыла дверь пошире. Может, удастся заставить его поискать Орена? Я закрыла дверь, но решетку оставила открытой.

— У вас нет сигнализации? — спросил он, разглядывая металлическую паутину. Решетка была почти ровесницей здания.

Я улыбнулась.

— Нет. До сих пор здесь были только книги, и вряд ли кто-то будет вламываться, чтобы почитать.

Он улыбнулся. Приятная улыбка, ровные белые зубы и сильная линия челюсти.

— Мы можем поговорить в комнате для персонала, — сказала я, направляясь на второй этаж. Мой кофе стоял на столе, и я заметила, что он смотрит на него.

— Детектив Гордон, хотите чашечку кофе? Я его только что сварила.

— Спасибо, не откажусь. Черный, с двумя ложками сахара, если есть.

Я налила кофе и протянула ему дымящуюся кружку. Он обхватил ее ладонями и отпил, потом взглянул на меня.

— Хороший кофе. Спасибо.

Я вспомнила о маффирах. Они порядком покатались вместе со мной этим утром, но были завернуты в бумагу, на них никто не садился, и я их не роняла. Сумка лежала у раковины. Я положила парочку маффинов на тарелку и поставила на салфетку перед ним.

Мои ладони взмокли, я вытерла их о свои капри и села напротив детектива. На этот раз он достал маленький блокнот и ручку.

— Мисс Поулсон, вы сказали, что искали Орена Кеньона. У вас была назначена встреча?

— Нет. Но как я уже говорила вам в театре, я знала, что он рано начинает работу и хотела поговорить с ним.

— О чем?

— О компьютерной комнате здесь, в библиотеке. Подрядчик отстает от графика, и я надеялась, что Орен сможет собрать несколько стульев и кабинок, чтобы я установила и подключила хотя бы один компьютер.

О том, что эту идею подкинули коты, рассказывать мне как-то не захотелось.

Он что-то нацарапал в блокноте.

— Орен появлялся? — спросила я.

— Точно не знаю, — детектив Гордон отложил ручку и взял с тарелки маффин. — Мисс Поулсон, вы сказали, что первый раз увидели мистера Истона вчера?

Он разломил маффин пополам и откусил.

Я кивнула.

— Он приходил в библиотеку. У него что-то случилось с телефоном, и нужен был доступ в Интернет.

— Но ведь ваша компьютерная комната не готова?

— Да, — я провела пальцем по ручке кружки, — но в буклете для посетителей, который прочел мистер Истон, написано, что она работает.

Детектив разломил оставшуюся половинку маффина еще на три части и одну съел.

— Как отреагировал мистер Истон?

— Не очень обрадовался.

Он откинулся на стуле и сложил пальцы домиком. У него были крупные кисти с длинными пальцами пианиста, как сказала бы моя мать.

— Значит, вы не назначали встречу с мистером Истоном сегодня утром?

Я обреченно вздохнула.

— Нет, не назначала. У меня не было романа с мистером Истоном. Он старше моего отца. До вчерашнего вечера я его даже не знала, — прежде чем детектив смог что-то сказать, я подняла руку. — Я заказала для него завтрак в номер у Эрика в качестве извинений.

Завтрак на одного. Интересно, еще не поздно позвонить Эрику и отменить заказ?

— Вы покупаете завтрак каждому, кто заходит в библиотеку в поисках интернета?

Я удержалась от соблазна сообщить, что прямо сейчас кормлю завтраком и его, если уж на то пошло.

— Конечно, нет, — ответила я и глотнула кофе. Холодный.

Я встала, прошла позади него к кофеварке, налила другую чашку и облокотилась на столешницу. Как я объясню это?

Он повернулся ко мне.

— Ну, э... мой кот случайно оказался здесь вчера, и... он — кот — прыгнул на мистера Истона... на голову мистера Истона.

Губы детектива дрогнули.

— На голову?

Я кивнула. Он молча смотрел на меня, и я почувствовала, что краснею. Детектив допил

кофе и встал.

— Мисс Поулсон, вы не возражаете, если я здесь осмотрюсь?

Интересно, что он собирается найти.

— Это общественное здание, детектив. Вам не нужно мое разрешение, но я не возражаю.

Я улыбнулась — пусть видит, что я не против, — провела его в свой кабинет и оставалась у двери, пока он там рылся. Затем я проводила его в основную часть библиотеки. Он прошелся среди стеллажей и журнальных полок, ничего не сказав. Я показала ему временную стойку и место, где будет постоянная.

— Где компьютерная зона? — спросил он.

Я отвела его в заднюю часть библиотеки. За окнами было серо и облачно.

Он указал на стопку коробок.

— Что в них?

— Компьютеры, мониторы, принтер. Открыть?

— Не нужно, — покачал он головой и нагнулся, чтобы взглянуть на пару обернутых в пленку стульев.

Выпрямившись, детектив огляделся и спросил:

— А там что?

Мне пришлось обойти пару стеллажей, чтобы увидеть, куда он показывает. Один угол отгораживал огромный кусок пластиковой пленки.

— А, там будет конференц-зал, — ответила я. — А сейчас подрядчик хранит там инструменты и прочее.

— Можно взглянуть?

— Конечно.

Я подошла и отдернула пленку. Поскольку библиотека запиралась на ночь, дверь даже не закрыли. Мы оба одновременно увидели темные пятна на коричневой бумаге, застилавшей пол. Во рту у меня пересохло. Я шагнула вперед.

— Это что, кровь?

Резким движением руки детектив остановил меня.

— Пожалуйста, подождите снаружи, мисс Поулсон, — сказал он, вытаскивая из кармана одноразовые перчатки.

Я отступила назад.

— Это кровь?

— Снаружи, мисс Поулсон, — рявкнул он, натягивая перчатки. — Подождите на улице.

Детектив нагнулся и поднял что-то, когда я попятилась к двери и опустила пленку. Там, на полу, была кровь. Откуда она взялась в библиотеке?

Защита обезьянки

Кровь в библиотеке и тело Грегора Истона в Стрэттоне. Как бы мне этого ни хотелось, но это не совпадение. По другую сторону пленки я видела движущуюся тень детектива Гордона. В любой момент он выйдет и снова скажет, что я должна покинуть здание. Я поспешила в свой кабинет взять сумку, свитер и ноутбук. Ясно, что работать здесь мне сегодня не придётся. Закрыв дверь, я направилась к центральному выходу.

Небо потемнело, на стеклах появились первые капли дождя. И что теперь? Идти домой под дождем мне не хотелось. Где-то в кабинете был зонт. Тут я вспомнила: нет, я уже забрала его, когда дождь застал меня в библиотеке в прошлый раз.

Стоя перед старой деревянной дверью, я смотрела в окошко с волнистым стеклом. Ветер нес по небу тяжелые серые облака. Может, будет просто короткий ливень, и я пережду его здесь, подальше от детектива Гордона. Я услышала его голос и потянулась вбок, чтобы взглянуть сквозь решетку. Он стоял у временной стойки, спиной ко мне, и говорил по телефону. Голос доносился до меня, отдаваясь эхом под высоким потолком библиотеки. Я никак не могла бы его не слушать. Ну, может, и могла бы — если заткнуть уши пальцами и запеть «Боевой гимн Республики», а я всё же пыталась вести себя прилично. И вообще, детектив Гордон просил меня покинуть здание, должно быть, он думает, что я во всём этом замешана. Уж лучше я тихонько подожду здесь, пока дождь закончится, и тогда уйду.

— ... Нашел первоначальное место преступления. — Я услышала, как он произнес это в телефон и помолчал. — Нет. Было бы лучше сейчас... Хорошо.

Он захлопнул телефон, и я отступила, чтобы меня не было видно. Но вместо того, чтобы отправиться на свое «место преступления», он подошел к выходу. Я встала сбоку от тяжелой двери с таким видом, будто не делала ничего дурного. Собственно, я и не делала.

— Мисс Поулсон, почему вы еще здесь?

— Там дождь.

— Я вижу. Не можете дойти до парковки?

— У меня нет машины, — я впервые пожалела об этом, — и зонта тоже нет.

В этот момент по лужайке промчался юноша с огромным зонтом с чередующимися красными, зелеными и синими сегментами и большим черным портфелем в руках. Детектив Гордон открыл ему дверь. Человек отряхнул зонт, вошёл и протянул его детективу, а тот тут же отдал мне.

— Теперь у вас есть зонт, — сказал Гордон.

Он походил на цирковой зонтик, или скорее даже на цирковой шатёр. Один из клиньев украшал логотип ямайского рома со специями. Второй полицейский открыл рот, перевёл взгляд с меня на детектива Гордона и закрыл рот.

— Верну обязательно, — сказала я ему, вытащила из кармана связку ключей и отцепила библиотечные.

— Серебряный для этой двери, медный для решетки. А это ключ от всех внутренних дверей, — я протянула их детективу.

— Спасибо, — он потянулся открыть мне дверь.

Я поднырнула под его руку, затем обернулась, стоя на верхней ступеньке.

— Там ещё два маффина и половина кофейника с кофе. Угощайтесь.

Я раскрыла зонт и начала спускаться, помахав зонтом в знак того, что слышала его

удивленное «спасибо».

Дождь прекратился примерно на полпути по Маунтин-роуд, и когда я подходила к дому, над левым углом дома Ребекки показалось голубое небо. Я оставила мокрую обувь, носки и зонт на крыльце и пошла в кухню. Оуэн растянулся у стола и что-то жевал. Он удивленно посмотрел на меня, на серой меховой мордочке появилось выражение: «Что ты делаешь дома?»

— Что это ты ешь? — спросила я, и клянусь, он прикрыл что-бы-это-ни-было обеими лапами. — Это не поможет, — сказала я, подходя. — Дай-ка посмотреть.

Кот устремил на меня взгляд больших золотистых глаз.

— Дай посмотреть.

Он опустил голову и приподнял одну лапу. На полу лежала пожеванная часть тела Веселого цыпленка Фреда.

— Оуэн! Где ты это взял?

Он протяжно мяукнул.

— Ты попрятал их по всему дому?

Нет ответа.

Я присела рядом с котом.

— Оуэн, посмотри на меня.

Он медленно поднял голову. Просто воплощение виноватого кота. Потянулся, боднул меня головой. Вздохнув, я почесала его за левым ухом, и Оуэн замурчал.

— Подлиза, — сказала я.

Из гостиной вышел Геркулес, остановился, склонил голову набок и посмотрел на меня.

— Да, да, я знаю, я не должна быть дома, — я последний раз почесала Оуэна. — Мне нужен кофе. И сделать парочку телефонных звонков.

Я включила кофеварку и позвонила Мэри, одной из сотрудниц, чтобы сказать ей не приходить на работу. К счастью, трубку взял ее муж, и мне не пришлось вдаваться в подробности. Для Джейсона, нашего практиканта, я оставила сообщение на автоответчике. Потом я позвонила в офис Эверетта Хендерсона и вкратце рассказала обо всем его секретарю Лите.

Когда кофе был готов, я босиком вышла с чашкой на крыльцо, и коты следом за мной. Участок голубого неба над крышей Ребекки стал больше. Надев резиновые шлепанцы, я спустилась во двор. Ребекка помахала мне с заднего крыльца своего дома. Я поставила кружку на ступеньку перед дверью и пошла по траве к просвету в изгороди из сирени. Впереди меня гордо шествовал Оуэн — наверное, надеялся, что у Ребекки есть для него гостинец.

Я оглянулась. Геркулес тоже шел, останавливаясь через каждые пару шагов, чтобы отряхнуть сырые лапы. Герк был неженкой, принцессой на горошине в кошачьем обличье и не любил ни слишком горячего, ни слишком холодного, ни тем более мокрого. Он одарил меня своим фирменным взглядом «я бедненький, несчастненький котенок».

— Трава почти сухая, ты, зануда. Я не собираюсь тебя нести.

Он потряс правой передней лапой и снова посмотрел на меня.

— Я натерла мозоль этими полотняными туфлями, но не жалуясь.

Геркулес продолжил стоять, поднимая лапу, не моргая и не шевелясь. Я подождала еще секунд двадцать, чтобы сохранить лицо, и взяла его. Оуэн обогнал нас и вскарабкался на перила веранды, не обращая внимания на Ребекку, которая подзывала его, протянув руку. Я

опустила Геркулеса на ступеньки и подошла к Ребекке. На ней, как и на мне, были резиновые шлёпанцы, на одной руке садовая перчатка. Она держала букет лиловых хризантем.

Стоит ли говорить ей, что я нашла тело Грегора Истона? Пожалуй, нет. Я не из тех, кому не терпится разнести плохие новости, да и Ребекка, кажется, не знала Истона.

— Доброе утро, Кэтлин, — сказала она, — как коты?

— Привет, Ребекка, — ответила я — отлично.

— Как думаешь, Оуэн хочет ещё цыплёнка с кошачьей мятой?

— Еще немного кошачьей мяты, и у него появится неутолимый голод и непреодолимое желание взять в прокате «2001 год: Космическая одиссея».

Ребекка озадаченно посмотрела на меня.

— У него уже зависимость от кошачьей мяты. Оторвал головы четырём цыплятам и попрятал куски по всему дому. Котик-наркоман.

— Может, он расстроен, — предположила Ребекка. — Может, это помогает ему немного расслабиться.

Я взглянула на веранду. Геркулес сидел на перилах, как статуя древнеегипетской кошки, охраняющей гробницу фараона. Оуэн растянулся на животе рядом с ним, прикрыл глаза и свесил лапы с другой стороны перил.

— Спасибо за заботу о котях, — сказала я, — но Оуэну хватит кошачьей мяты.

— Ладно, — согласилась Ребекка, но по её взгляду на котов я поняла, что она ещё попытается ублажить Оуэна угощением, а может, и Геркулеса тоже.

— У тебя такие красивые цветы, — сказала я, чтобы сменить тему.

— Дать тебе? У меня дома уже две вазы.

— Правда?

— Конечно. — Она протянула мне цветы, рукав сдвинулся, и я увидела повязку на правом запястье.

— Опять артрит? — спросила я — Ребекка лечила артрит травяными компрессами. Её запястья часто бывали обмотаны полосками ткани, фиксирующими примочку.

Она кивнула, поправила бледно-голубую ткань рукава и убрала руку. Похоже, она смутилась.

— Да, понимаю, как старушка. Но уж лучше натуральные средства, чем лекарства.

— Совсем не как старушка, — возразила я. — Природная медицина — это очень интересно. В моей библиотеке, в Бостоне, была целая секция альтернативной медицины, десятки книг об использовании растений для оздоровления и лечения — от чесотки до серьёзных болезней. Они пользовались спросом.

— Ты скучаешь по Бостону? — спросила Ребекка.

— Иногда, — я пробежалась пальцами по розово-сиреневым лепесткам. — Мои родители — актёры, так что я много где жила, но в Бостоне дольше всего, поэтому считаю его домом.

— Актёры? В театре?

— Мой отец снимался в разной рекламе, а в остальное время они играли на сцене.

— Я могла где-то видеть твоего отца?

Сказать ей, что он был тем бодрым мужчиной средних лет из рекламы лекарства от импотенции? Или что он — тот гольфист, хваставшийся друзьям своим одноразовым бельём?

— Помнишь рекламу овсяных хлопьев с изюмом? — наконец сказала я. — У их главного конкурента изюмины были совсем сморщенные.

— Конечно, помню, — ответила Ребекка, стягивая перчатку. — Я даже ела эти хлопья. Голос за кадром был такой приятный. Это твой отец?

Я почувствовала, что заливаюсь краской.

— Нет, он был одной из тех сморщенных изюминок.

Ребекка очень старалась не улыбнуться, но безуспешно.

— Изюминки тоже были отличные, — сказала она.

Мы услышали шаги на гравийной дорожке.

— Наверное, это Эми вернулась из магазина. Ты с ней знакома? Она стажёр в театре, один из ведущих голосов в фестивальном хоре. Я знаю её с тех пор, как она была совсем маленькой, — Ребекка улыбнулась. — У нее квартира недалеко от Стрэттона, но она часто бывает здесь. Я учу ее готовить перед тем, как она уедет в колледж.

— Я пару раз видела ее в библиотеке, — сказала я, когда Эми Лестер появилась из-за угла дома. На плече у нее висела холщовая сумка, из которой выглядывали багет в коричневой бумаге и темно-зеленые листья салата романо. Её рыжеватые волосы были забраны в высокий хвост, на серой футболке красовался Моцарт в наушниках. Кажется, глаза у него косили. У Эми глаза были тревожные, лицо бледное. Она подошла к нам, и Ребекка тронула её плечо.

— Что-то случилось?

Эми с трудом перевела дыхание.

— Я... не могу поверить, но мистер Истон умер.

Губы Ребекки дрогнули, но не произнесли ни звука. Она уронила перчатку, которую до сих пор держала в руках, и, наконец, шёпотом переспросила:

— Умер? — побледнев ещё сильнее, чем Эми.

— Присядь, — я помогла ей опуститься на ступеньку.

— Прости, — сказала Эми, — не хотела тебя расстраивать. — Она взглянула на меня. — Ты ведь библиотекарь?

— Да. Я Кэтлин, — я указала на свой дом, — живу вот там.

Ребекка взяла Эми за руку.

— Ничего, ты меня не расстроила. Просто это получилось так неожиданно. Я не знакома с мистером Истоном, просто слышала о нём. — Она потёрла запястье. — А ты уверена, что он... мёртв? — Голос у неё чуть дрогнул.

Сумка Эми соскользнула с плеча, и она поставила её себе на ноги.

— Ага. Кто-то нашёл его рано утром, в театре.

— Я нашла.

Обе удивленно посмотрели на меня.

— В Стрэттоне? Ты нашла его в театре? — тихо спросила Ребекка. — Она отпустила руку Эми. — О, Кэтлин, это ужасно. Как ты?

— Ничего, — я осторожно сжала её руку.

— А что ты делала в Стрэттоне?

— Искала Орена, — я подняла перчатку и протянула Ребекке.

— Но почему так рано? — спросила Эми. — Мы никогда не репетируем в такую рань, он говорил, что работает только в дневное время.

— Полиция уже выяснила, что случилось? — спросила Ребекка.

— Думаю, нет.

— Он же пожилой, — сказала Эми. — Наверное, случился сердечный приступ.

Я вспомнила рану на голове Истона. Не похоже, что его убил сердечный приступ. Моей ноге коснулась меховая шкурка — Оуэн уселся рядом, пристально глядя на Ребекку.

— Пришёл проверить меня? — спросила его Ребекка.

Оуэн тихо мяукнул.

— Какой красивый, — сказала Эми. Он наклонилась и протянула к Оуэну руку, но тот не обратил на неё внимания. Он сделал несколько шагов к Ребекке и опять негромко мяукнул.

— Всё хорошо, Оуэн, — сказала Ребекка. — В моём возрасте уже немного привыкаешь к смерти. — Она встала и старательно улыбнулась Эми. — Давай позавтракаем, — она взглянула на меня, — Кэтлин, не хочешь к нам присоединиться?

— Спасибо, но у меня куча бумажной работы, — я повернулась к Эми. — Рада была снова тебя увидеть.

— Я тоже, — ответила она.

Ребекка шагнула ко мне и приложила к моей щеке ладонь.

— Милая, мне так жаль, что ты оказалась впутанной в смерть этого человека. — Она все еще была очень бледна.

— Ничего страшного. Позаботься о своем артрите и звони, если что-то будет нужно. И спасибо за цветы.

— Пожалуйста.

Я двинулась через двор, к дому. Геркулес куда-то исчез со своего места на перилах. Оуэн мяукнул позади, и я обернулась, зажав под мышкой цветы. Кот посмотрел на меня, потом на дом Ребекки.

— С ней всё в порядке, — сказала я. Кот сделал шагок в сторону её дома и остановился. — Всё в порядке, — повторила я, — с ней Эми.

Он развернулся и побежал по траве назад, к маленькому белому дому. Я догнала его, подхватила и пошла обратно домой. Оуэн изворачивался, стараясь посмотреть назад через моё плечо. Я открыла заднюю дверь, сунула кота внутрь и подобрала с перил свою чашку. В кофе плавал на спине большой жук с чёрно-зелёным панцирем. Я извлекла его и бросила в траву. Три чашки кофе за день, а я, наверное, и пары глотков не сделала. На кухне я поставила цветы в воду, сделала себе новую чашку кофе — и чуть не опрокинула её на свои босые ноги от того, что Геркулес, подкравшийся сзади, лизнул мне лодыжку.

— Не подлизывайся ко мне так, — сказала я, и он, извиняясь, потёрся мордочкой о мою ногу. — Как же ты зашёл? Разве я не закрыла заднюю дверь?

Я пошла к двери, Гerk за мной. Дверь была закрыта. Он как-то пробрался позади Оуэна и меня, а я и не заметила.

Я изо всех сил пыталась отвлечься, не думать про тело Грегора Истона, навалившееся на пианино в Стрэттоне. Или о вопросах детектива. Не мог же он на самом деле думать, что это я сделала такое с дирижёром? На заднем дворе дома Ребекки, на веранде, Эми накрывала стол скатертью с жёлтыми цветами. Во двор вышла Ребекка с подносом. Эми поспешила забрать у неё поднос. Я смотрела, как обе они накрывают на стол, и внезапно на меня с болью накатила тоска по дому.

Я вернулась на кухню и уселась за стол с чашкой кофе. Бостон неожиданно показался мне таким далёким от Миннесоты. Этим летом мать с отцом опять играют Шекспира в

Парк-Театре. В этом году там ставят «Сон в летнюю ночь». Мать режиссёр, а отец играет Ника Боттома. А когда они не играли или репетировали — читали друг другу роли. Они либо находились в полном слиянии, улыбаясь друг другу, как парочка влюбленных подростков, либо у них были «творческие разногласия», и тогда они общались только через посредников. Не знаю, что из этого было хуже.

Родители женились дважды. Мои младшие брат с сестрой, близнецы Эрик и Сара, стали результатом их воссоединения. Мне было пятнадцать, и меня просто убило неоспоримое доказательство того, что мама и папа, которые вроде бы даже не разговаривают друг с другом, занимаются сексом, и незащищенным сексом, если на то пошло. Они психи... но я по ним скучаю. Мне недостаёт их, хоть они и сводят меня с ума. К горлу подступил комок. Я подписала с Эвереттом контракт на восемнадцать месяцев. Восемнадцать месяцев в Миннесоте.

Геркулес подошёл к двери в гостиную, оглянулся на меня и исчез. Я не пошла за ним, так что через минуту он вернулся к двери, опять посмотрел на меня и скользнул в гостиную.

— Чего тебе? — я поставила чашку и пошла смотреть, что затеял кот.

Он сидел у шкафа, где хранились CD-плеер и диски. Хлопал лапой по дверце.

— Ладно, — я полезла за диском. — Но Оуэн от этого с ума сходит.

Из колонок раздались звуки «Кобакабаны», и я взяла Герка на руки. Я обнаружила, что он разделяет мою любовь к Барри Манилов, спустя примерно неделю после того, как подобрала котов. Когда я ставила диск, Геркулес с блаженным видом усаживался перед плеером, прикрыв глаза, покачивая головой в такт музыке. Оуэн, наоборот...

Раздался возмущённый кошачий вой, серая тушка метнулась мимо нас и нырнула в шкаф возле входной двери. Мы с Герком переглянулись, и я пожала плечами. Мистер Барри Манилов не всем по вкусу. Мы дослушали «Кобакабану» до нашей любимой «Не могу улыбаться без тебя». К тому времени как песня кончилась, я почувствовала себя немного лучше, поцеловала Геркулеса в лохматую чёрную макушку, посадила его на пол, выключила плеер и отправилась готовить обед.

После обеда я работала за кухонным столом. До ужина успела составить график работы персонала до конца сентября, заказать нужные книги для детской секции и разобрать несколько коробок справочных материалов, которые убирали из библиотеки в одно из хранилищ Эверетта Хендерсона до окончания ремонта. Кроме того, на столе остывал целый противень брауни с двойным шоколадом для вечернего просмотра шоу «Танцуй!» вместе с Мэгги.

Она постучала в дверь в четверть восьмого.

— Я слышала, что случилось, — сказала она, сбрасывая туфли. — Ну, как ты?

— Нормально, — кивнула я.

— Надеюсь, мистер Истон уйдёт к свету, — она склонилась над рюкзаком, — но если то, что о нём говорили, правда, ему ещё предстоит выучить несколько уроков.

Она вытащила бутылку вина и поставила на стол.

— От Руби, новая партия, — она улыбнулась, — будем дегустировать.

Она пошла за мной на кухню. Я достала из шкафчика тарелку с шоколадными пирожными, а Мэгги тем временем вытащила штопор из ящика под раковиной и принялась открывать бутылку.

— Из чего это вино? — спросила я.

— Точно не знаю, — ответила Мэгги. — Может, ревень. А может, одуванчики.

— К вину из ревеня подходят шоколадные пирожные?

Я услышала, как хлопнула выскочившая пробка.

Улыбка Мэгги стала шире.

— Пирожные подходят ко всему. — Она подхватила бокалы для вина и одну из тарелок и начала разливать вино. — Сколько времени будет закрыта библиотека?

— Не знаю. — Я понесла пирожные в гостиную. — Думаю, мы сможем открыться завтра.

Мне впервые пришло в голову, что полиция может продержат библиотеку закрытой несколько дней, и наша реконструкция ещё больше выбьется из графика.

Мэгги принесла бокалы. Телевизор был уже включён, Оуэн и Геркулес в ожидании сидели возле пуфика.

— Привет, ребята, — сказала она котам, она уже знала, что не стоит пытаться их погладить.

Я поставила пирожные на пуфик и села, поджав ноги. Мэгги протянула мне мой бокал и устроилась в уголке дивана.

— А что вообще полиция делала в библиотеке?

Я сделала глоток вина. Легкое, с фруктовым вкусом.

— Они — или, по крайней мере, главный детектив — похоже, решили, что мы с Истоном встречались.

Мэгги поставила бокал на пол и потянулась за пирожным.

— Встречались? Ты серьёзно? — Она смотрела на меня, удивлённо подняв брови.

— Ага. На сцене, в шесть тридцать утра.

— Им приходится задавать подобные вопросы, — сказала Мэгги, собирая со своей майки крошки шоколада. — Это не значит, что они на самом деле думают, что ты с ним... или ещё кто-то...

— Они нашли в библиотеке кровь, — выпалила я.

Она выпрямилась.

— Кровь? Где?

— В той части, где ремонт не окончен, в будущем конференц-зале.

Я отхлебнула ещё вина. Мэгги снова откинулась на диванные подушки.

— И что? Со всеми этими ремонтными работами и путаницей — я бы не удивилась, если бы они нашли кусок уха и пару пальцев. Но ты же говорила, Истон был в компьютерном зале?

Она была права. Насколько мне известно, Грегор Истон не заходил туда, где ещё шёл ремонт. Я немного расслабилась. Оуэн понемногу подбирался к бокалу Мэгги, стоявшему на полу, и наконец сунул в него нос, понюхал и отшатнулся от винного аромата.

— Брысь, лохматая морда, — я подобрала бокал.

Оуэн что-то сердито проворчал в ответ и пошёл назад, к телевизору. Мэгги сменила позу на диване.

— Кэт, Грегор Истон был немолод. Наверное, у него случился сердечный приступ. Невозможно, чтобы кто-то всерьёз думал, будто ты имеешь отношение к его смерти. А кровь в библиотеке — если, конечно, это кровь, а не краска, — более вероятно, что там поранился кто-нибудь из рабочих. — Она указала на Оуэна, растянувшегося перед телевизором, сосредоточенно наблюдая, как говорящая собака рекламирует печёные бобы.

— И никтоне поверит, что ты натравила на Истона своего кота или что вы с ним... —

она запнулась, выбирая слово, — тащились друг от друга. Чушь какая!

Я вспомнила рану на виске Истона. Конечно, то, что его ударили по голове, не означает, что он умер именно от этого. У него мог случиться ещё и сердечный приступ. Я откинулась на диванную подушку и вытянула ноги на пуфике.

— И как тебе удаётся всегда рассуждать так здраво и логично?

— Ты ещё забыла моё обаяние и потрясающую внешность, — улыбнулась Мэгги. — В самом деле, Кэт, всё закончится в ближайшие пару дней. Не переживай из-за этого.

Раздалось музыкальное вступление шоу «Танцуй», и Мэгги повернулась к телевизору. Повторяли предыдущие эпизоды, на экране появился раненый рокер Пэт Бенатар с глубоким порезом на лбу от неудачного падения. Я представила рану на голове Грегора Истона. Вокруг неё и на волосах не было крови. Может, их кто-то вытер? И что детектив Гордон подобрал с пола в библиотеке, когда отправил меня домой? А почему за последние несколько часов к моему дому как минимум трижды подъезжала полицейская машина? Я не могла сконцентрироваться на телепередаче. Хотелось верить, что Мэгги права, что всё это закончится в ближайшие несколько дней. Но мне не удавалось избавиться от чувства, что проблемы только начинаются.

Белый журавль расправляет крылья

Меня разбудил Геркулес. В отличие от Оуэна, который только тихо подкрадывался и сопел, Геркулес предпочитал действовать прямо. Он становился задними лапами на край кровати и хлопал меня лапами по лицу, не выпуская когти. Если это не помогало — наклонялся и громко мяукал в ухо. Больше ничего делать ему ни разу не потребовалось.

Я встала, сделала кофе и покормила Геркулеса. Оуэна видно не было. Я взяла свою чашку и подошла к двери, посмотреть вниз с холма. Поднявшееся солнце сверкало в реке. Всё выглядело таким мирным и спокойным. Я с удивлением обнаружила, что мне начинает нравиться в Мейвилл-Хайтс. Подошёл Геркулес и уселся у моих ног, умывая морду.

Полтора бокала вина, которое оказалось гораздо крепче, чем можно было ожидать от напитка с таким сладким вкусом, заставили меня зевать к концу шоу «Танцуй». Мэтт Лойер с партнёршей всё ещё непостижимым образом оставались на первом месте, но замечательный Кевин Сорбо и его партнёрша прочно держались на втором.

— Как думаешь, нечестно будет завести пару сотен e-mail для голосования? — спросила я Геркулеса. Он громко мяукнул один раз и продолжил мыть за ухом, даже не глянув вверх.

После полутора бокалов вина слова Мэгги, что предположение детектива Гордона о том, будто я встречаюсь с Грегором Истоном, было просто рутинным вопросом, выглядели абсолютно логичными. Сейчас они таковыми уже не казались.

Из кухни донёсся вой Оуэна.

— Твой братик проснулся, — сказала я Геркулесу, продолжавшему намывать морду.

На кухне полосатик сидел у своей миски. Шерсть на загривке стояла дыбом, к хвосту прилипли комья пыли. Я насыпала корм и налила ему свежей воды. После вчерашнего я не сомневалась, что Оуэн где-то припрятал ещё не одного Весёлого Цыплёнка Фреда. И не удивительно — этот кот знал каждый дюйм старого дома. Сколько раз он появлялся незнамо откуда, пугая меня до смерти.

Я оперлась на стойку и смотрела, как ест Оуэн. Что бы Мэгги ни говорила, я не могла перестать думать о Грегоре Истоне. Детектив Гордон не говорил, что подозревает меня, и не запрещал покидать город, но полицейская машина ездит мимо моего дома со вчерашнего дня не потому, что Истон умер от сердечного приступа. Однако беспокойством ничего не изменишь, а в библиотеке полно дел. Я подписалась закончить ремонт вовремя — теперь идея казалась не такой уж удачной — и больше не могу позволить отставаний от графика.

Оуэн закончил есть и оттолкнул от себя миску. Он изогнулся, пытаясь достать лохмотья пыли, приставшие к хвосту.

— Для начала посмотрим, удастся ли мне сегодня попасть в библиотеку, — сказала я ему.

Я вернулась в гостиную, села на пуфик и взяла телефонный справочник. Меня переадресовывали поочерёдно к трем полицейским, прежде чем удалось получить ответ: да, сегодня библиотеку можно снова открыть. Полицейский встретит меня и отдаст ключи. Конференц-зал останется закрытым по крайней мере ещё на день. Я выпустила котов, впустила обратно, оделась, вздохнула, взглянув в зеркало на свои волосы, собрала себе обед и отправилась на встречу с полицейским, за ключами. Оглянувшись на дом Ребекки, я подумала — не забыть проверить, как там она.

Пикап Орена стоял на парковке у библиотеки, а сам он шёл по двору мне навстречу.

Мне сразу стало легче.

— Орен, я так рада вас видеть.

— Доброе утро, Кэтлин. Ну, как вы?

— Нормально.

Мы прошли через лужайку и свернули на мощёную дорожку к главному входу. На дорожку нападали ветки, и Орен собрал их и бросил в траву. Потом выпрямился и посмотрел на меня.

— Я слышал, что случилось. Жаль, что это вы нашли Истона, — сказал он. — Там должен был быть я.

— Я боялась, не случилось ли с вами чего.

— У меня было одно личное дело в Миннеаполисе. — Мы остановились у лестницы. — Вы меня вчера искали?

Я кивнула.

— Я надеялась, у вас найдётся время расставить стулья и собрать компьютерные кабинки. Хотела подключить хоть один компьютер.

— Я вполне могу это сделать, — он взглянул на здание, — а нам можно войти в библиотеку?

— Да. Только вокруг конференц-зала пока всё закрыто.

Орен провёл рукой по затылку.

— Значит, я пока не могу закончить покраску. Там все краски сложены. — Он с минуту подумал. — Что если я поработаю сегодня в Стрэттоне? Там открыто. А примерно в полпятого приду и соберу, что вы просили.

Внизу на парковку библиотеки въехала полицейская машина.

— Ладно, — сказала я. — В полпятого подойдёт, спасибо.

Из машины вышел тот молодой полицейский, что возил меня вчера в участок, и направился к нам.

Орен вынул из кармана ключи.

— Кэтлин, Уилл Редферн — хороший строитель, и оправдания придумывает тоже отлично.

— Буду иметь в виду.

Он пошел к своему пикапу, обменявшись по пути приветствиями с полицейским. Несмотря на то, что вчера именно этот полицейский возил меня в участок снимать отпечатки пальцев, мне пришлось предъявить удостоверение личности и подписать квитанцию прежде, чем он отдал маленький коричневый конверт с моими ключами. В библиотеке было душно, немного пахло потом. Я открыла пару окон, закинула вещи в свой кабинет и пошла в общую комнату.

Детектив Гордон — или кто-то ещё — помыл кофеварку. Чашки и блюдца сложены в проволочной сушилке, стойка и стол начисто вытерты от крошек и кофейных кругов. Я включила кофеварку, подумав, что Сьюзен захочет чашку кофе, когда придёт на работу. Время от времени она решала, что отказывается от кофе. Один раз — в пользу мятного чая с мёдом. Это длилось дней десять. В другой раз она пила воду из подземного источника в мичиганской пещере — с неделю.

Сейчас Сьюзен пила «зелёный сок», который делала из экстракта Ричарда Симмонса, купленного на распродаже. Он пах скошенной травой, полежавшей неделю на солнце. Соковый протест продолжался уже пять дней. Лишь вопрос времени, когда её близнецы

попытаются, например, помыть фикус или друг друга. И тогда она прибежит в библиотеку, нальёт кофе в самую большую чашку, высыплет туда полпакета сахара и выпьет всё это, не говоря ни слова.

Я проверяла отметки о последних выдачах книг, когда Сьюзен постучала в дверь.

— Напомни мне не раздражать тебя, — сказала она прежде, чем войти.

— Что?

— Маэстро. Разошёлся здесь, а назавтра и помер. — Она насмешливо-серьёзно посмотрела на меня через очки. — Ты больше не натравливала на него своего кота?

Я закрыла за ней дверь и решетку.

— Нет. И вообще, это была случайность.

— Как скажешь, — улыбнулась Сьюзен.

Я пошла за ней наверх.

— Кофе? — предложила я, пока она убирала вещи в шкафчик и надевала свой ярко-розовый свитер для работы.

— А, к чёрту всё. Почему бы и нет? Я только что съела два шоколадных торта на завтрак.

Я налила две чашки — ей и себе, чашку Сьюзен поставила на стол.

— Зачем?

Она высыпала в чашку три пакетика сахара, размешала. С зелёным соком покончено.

— Эрик занялся шоколадом, — сказала она. — Шоколадное печенье, капкейки, шоколадный мусс, шоколадный чизкейк. Он собирается поменять меню в кафе и сначала всё пробует дома. — Она глотнула кофе, поправила на переносице очки в чёрной оправе. — Так это правда? Ты в самом деле нашла тело Истона в Стрэттоне?

Я кивнула.

— Я искала Орена. А его там не было. Но мы с ним виделись сегодня утром.

Сьюзен размешала в кофе ещё один пакетик сахара.

— Но если Истон умер в театре, что полиция здесь делала? Почему они вчера закрывали библиотеку?

Я отпила маленький глоток из своей чашки.

— Даже не знаю. Пришёл детектив, задавал мне вопросы. Я сказала, что он может тут осмотреться. И он кое-что нашёл там, где у нас будет конференц-зал.

Сьюзен откинулась на спинку стула, обхватив чашку ладонями.

— Чего они вообще здесь искали? — спросила она. — У маэстро же был сердечный приступ, да?

Я пожала плечами.

— У него рана на голове. Больше я ничего не знаю.

— А они что думают? Ты его пришибла томом большой Британской энциклопедии, или как? — Она допила свой кофе и добавила ещё. — И что же они нашли?

Я провела рукой по волосам.

— Точно не знаю. Там, на полу, были какие-то пятна...

Сьюзен застыла с кофейником в руке. В причёске у неё сегодня торчали палочки для еды.

— Кровь?

— Точно не знаю, — повторила я.

— Не может быть. Когда Истон уходил, крови на нём не было, да он в зал и не заходил.

Они что, думают, он возвращался? — Она опять наполнила свою чашку, обошла стол и долила мою.

— Спасибо, — сказала я.

— Не пойму, как он мог вернуться, чтобы я его не видела. — Сьюзен снова села напротив меня. — Я не уходила из-за стойки, Кэтлин.

— Конечно, — я высыпала один пакетик сахара в свою чашку, пока он весь не оказался в чашке Сьюзен.

— Не пойму я, как он пробрался. И зачем. — Она покачала головой. — Истон показался мне человеком, склонным к эффектным появлениям, перетягивающим все внимание на себя. Он не мог действовать исподтишка.

Я попыталась представить, как Грегор Истон пробирается в библиотеку — крадёт мимо стойки с книгами, пока Сьюзен чем-то занята. И чего ради? Залить кровью пол в недоделанном конференц-зале? Зачем? После своей единственной встречи с Истоном, пока он был жив, я сказала бы, что эффектная мелодраматическая сцена — больше в его стиле.

— Да, ты права, — сказала я Сьюзен. — Непохоже, чтобы Грегор Истон стал делать что-то незаметно. Неизвестно, что полиция нашла на полу. Мы наверняка не знаем, была ли это кровь. А если и так — может, она принадлежит кому-то из рабочих.

— Да, очень возможно. На прошлой неделе один из них тащил какую-то доску — и чуть не снёс мне голову. Он так быстро повернулся, что концом доски свалил целую полку книг в мягких обложках.

— Не все такие, как Орен, — сказала я.

Сьюзен улыбнулась.

— Это точно.

Я посмотрела на часы. Без пяти девять.

— Совсем забыла, — я встала и отнесла свою чашку в раковину чашку, сполоснуть. — Этим утром из хранилища Эверетта пришлют остатки справочной литературы. Не могла бы ты расставить книги на полках?

— Конечно. — Сьюзен допила залпом свой кофе и поставила чашку в раковину.

— Мэри придёт в десять. Она прикроет стойку и телефоны. Я попробую разобраться с компьютерным залом, посмотрю, что у нас есть и что нужно. Орен придёт попозже, хоть мебель соберёт.

Пикап из хранилища Эверетта подъехал к задней двери библиотеки ровно в девять тридцать. Чтобы перевезти внутрь здания контейнеры с книгами, водитель воспользовался маленькой тележкой. Меньше чем за пятнадцать минут он вскрыл крышки контейнеров, как банки с тунцом — молотком и руками, заставил меня проверить каждый ящик и расписаться, полдюжины раз назвал меня «мэм» и уехал. Как только пришла Мэри, Сьюзен начала распаковывать книги.

На работе у меня есть надёжный складной нож Гинзу (нож, отвёртка, штопор, ножницы, лезвие для открывания пластиковых упаковок — отличная вещь!). Ну да, я купила его на ночной рекламной распродаже, между рекламой спрея для волос и изумительного пресса для панини. Но мой нож отлично работал. Он прекрасно подходил для открывания коробок, герметичных пластиковых упаковок, а иногда и для нарезания кофейных тортиков от мужа Сюзан, Эрика. И мне нравилось знать, что если мне когда-нибудь понадобится распилить банку из-под газировки, я смогу и это.

Будущий компьютерный зал был завален коробками и разобранной мебелью. Под окном

я поставила три коробки с принтерами. Мониторы разместились в углу. Там я их и оставила. Стулья, обмотанные метрами пластиковой плёнки, стояли один на другом, как будто кто-то делал безумный гигантский сэндвич. Я отодвинула их к стене. К последней паре стульев прислонился длинный плоский ящик — второй стол для детского отдела. Я его почти неделю искала. Я знала, что если оставлю как есть, то Орен соберёт и его, но там всего и надо было прикрутить четыре ножки к столешнице. Разве это не по силам женщине со складным ножом Гинзу с пятью лезвиями?

Это оказалось труднее, чем я думала. Добрый час я присоединяла ножки А1 через А4 к В1 шурупами ВВ, гайками ГГ и шайбами ДДД. Весь пол был в кусочках пластика и пузырчатой плёнки, и когда я закончила, всё это оказалось прилипшим к моей майке. Я поднялась вверх, взяла из комнаты для персонала маленький пылесос и искала на стенах розетку для подключения. Переоборудование этой части библиотеки явно не было завершено. Ещё один вопрос к Уиллу, когда тот появится. Если он, конечно, сегодня появится. Наконец я нашла розетку — под последним окном, между коробками с принтерами, и потянулась, чтобы воткнуть в неё вилку. Послышался громкий щелчок, полетели искры. А я шлёпнулась на пол.

Я пришла в себя через несколько секунд, может полминуты — и встретила взглядом с голубыми глазами детектива Гордона. Я с трудом села.

— Осторожнее, мисс Поулсон.

— Всё в порядке, — ответила я. Так оно и было — кроме, разве что, покалывания в пальцах, ноющей боли в руке и звона в ушах, похожего на пение сверчков.

— Не похоже.

У дальнего конца стеллажа появилась Рома.

— Кэтлин, что случилось? Я только пришла, и Мэри сказала, ты ушиблась.

— Немного ударило током, когда подключала пылесос.

— Немного? — воскликнула Сьюзен. Она стояла позади Гордона, и я её не видела. — Был такой громкий хлопок, искры, и она упала.

— Может, вы посмотрите, как она? — спросил детектив, поднимаясь на ноги.

— Она ветеринар, — сказала Сьюзен. Она смущённо глянула на Рому. — Не обижайся.

Рома улыбнулась.

— Да всё в порядке. Ты права. Но я проходила курс первой помощи. — Она опустилась на колени рядом со мной.

— Рома, со мной всё хорошо, правда, — сказала я.

— Кэтлин, — она положила руку мне на плечо, — помолчи минутку, пожалуйста. — Она осторожно ощупала мою голову, проверяя, нет ли под волосами ушибов. — Ты ударилась головой?

— Нет, — я сменила позу и вздрогнула от боли. — Я ушибла бедро.

Она порылась в карманах, извлекла связку ключей и протянула Сюзан.

— На парковке моя машина, тёмно-синий внедорожник. За сиденьем водителя чёрная сумка. Не могла бы ты принести её?

— Конечно, — Сюзан взяла ключи.

Рома опять обернулась ко мне, взяла за руку и прижала два пальца к запястью, считая пульс.

— Как это случилось?

— Я включила пылесос. Треск, искры, и меня отбросило назад.

Она посмотрела на детектива Гордона, тот кивнул.

— Которой рукой? — спросила Рома.

— Что? — удивилась я.

— Какой рукой ты держала вилку?

— Аа, вот, — я подняла правую руку.

К нам подошла Сьюзен с сумкой.

— Спасибо, — Рома открыла сумку, достала стетоскоп, надела и приложила металлический кружок к моей груди. Надеюсь, перед этим он не касался какой-нибудь лошадиной задницы.

— Вдохни поглубже и полай, — сказала Рома. Ветеринарный юмор. Она послушала в разных точках и вытащила наконечники стетоскопа из ушей. — Попробуй встать.

Я оперлась на предложенную Гордоном руку и встала на ноги. Рука ещё была онемевшей, но звон в ушах почти прошёл.

— Видишь? — я протянула руки. — Я в порядке. — Я обернулась к Роме. — Спасибо.

Она склонилась над сумкой, запихивая туда стетоскоп.

— Да не за что. Но тебе стоит показаться доктору — из тех, что лечат людей, а не животных.

Я представила утро, проведённое в клинике в ожидании осмотра доктора, который вряд ли сделает больше, чем Рома.

— Обещаю, если что заболит или просто станет плохо — я пойду.

Сьюзен, стоявшая скрестив руки, покачала головой.

— Кэтлин, знаешь, почему я стала ветеринаром? — спросила Рома.

— Нет.

— Потому, что мои пациенты никогда во мне не сомневаются, — она улыбнулась, чтобы смягчить усмешку. — Если почувствуешь себя хоть немного нехорошо, иди в больницу. Не тяни.

— Пойду, — пообещала я.

Рома закинула на сумку плечо, кивнула Сюзан и детективу Гордону.

— Увидимся вечером, — сказала она мне и ушла к стойке регистрации.

— А ты точно в порядке? — спросила Сьюзен. — Ты сильно ударилась.

— Нормально, — я потёрла ушибленное бедро. — Болит немножко.

— Ладно, пойду расставлять книги дальше. Если что-то понадобится — кричи. Только не так громко, — ухмыльнулась она и исчезла за углом.

Я обернулась к детективу Гордону.

— Не буду спрашивать, точно ли вы в порядке, — сказал он.

— Спасибо. — Я потеряла руку. Ее все еще слегка покалывало.

Гордон подошел к окну и стал рассматривать розетку. Она была вся в саже, а стена над ней обгорела на добрых шесть дюймов.

— Вряд ли он будет работать, — он указал на шнур пылесоса. Вилка расплавилась в бесформенный пузырь.

— Кажется, где-то есть метла, — сказала я и тут же вспомнила, что «где-то» — это в конференц-зале.

Детектив Гордон нагнулся, рассматривая выжженную розетку.

— Хорошо, что не случилось короткого замыкания. — Он взглянул на потолок. — Думаю, не стоит сюда ничего подключать, пока электрик не проверит.

— Вы правы.

— У вас есть изоленга? Надо ее как-то отметить, чтобы никто не пользовался.

— Кажется, на стойке был моток. Пойду проверю.

Мэри только что положила трубку.

— Кэтлин, как ты?

— Нормально, — я выдавила улыбку. — Просто легкий шок. Я теряюсь, когда люди суеются вокруг меня. Обычно это я забочусь о ком-то, а не наоборот.

— У нас есть изоленга?

— Ага, вот.

Она выдвинула ящик под монитором и с улыбкой протянула мне моток. Мэри пахла корицей и мылом и была похожа на чью-то добрую бабушку. Собственно, она ей и была. А еще — чемпионкой штата по кикбоксингу в своем весе и возрасте.

— Мэри, мистер Истон возвращался во вторник в библиотеку после того, как я его выпроводила?

— При мне — нет.

— Ладно, спасибо.

Я отнесла изоленгу детективу Гордону, и он крест-накрест заклеил розетку, вынул из кармана ручку и написал «ОПАСНО! НЕ ТРОГАТЬ!» на третьем куске, приклеив его сверху.

— Так-то лучше, — сказал он, поднимаясь и отряхивая руки.

— Спасибо.

Я понимала, что он пришел с какой-то целью, но с какой?

— Вы что-то хотели, детектив? Вы же заглянули не за тем, чтобы поднять меня с пола и проверить безопасность здания.

— Нет, не за этим, — его улыбка испарилась. — Мисс Поулсон, вы сказали, во вторник вечером мистер Истон искал выход в интернет.

— Верно.

Внезапно мне стало холодно, и я обхватила себя руками.

— Значит, вы стояли... здесь?

— Да.

— Мистер Истон перемещался по библиотеке?

Я покачала головой.

— Только к выходу.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и я ответила тем же. Не знаю, куда ведет этот разговор, но скрывать мне нечего.

— Мистер Истон возвращался в библиотеку?

— Нет, при мне не возвращался. Потом за стойкой дежурили Сьюзен и Мэри, и тоже его не видели.

Детектив смотрел на меня с непроницаемым лицом, руки в карманах. Если с пола меня поднял Хороший полицейский, то это был Плохой.

— Мисс Поулсон, — наконец произнес он. — Ваша мама не рассказывала, что бывает с теми, кто лжет?

— Вообще-то моя мама говорила: «Всегда говори правду, ее проще запомнить».

Детектив Гордон промолчал.

— Вы думаете, он возвращался?

Его щека чуть дрогнула.

— Нет, — медленно сказала я, — вы в этом уверены. Поэтому не отстанете. — Я огляделась. Один из кусков пленки убрали. — Вы что-то подняли с пола, когда мы обнаружили те пятна крови. Что?

Он кашлянул.

— Часть запонки.

— Ерунда какая-то. — Я теребила свои часы. — Истон не возвращался, пока я была здесь. Мэри и Сьюзен говорят, что тоже его не видели, и у них нет причин лгать.

— А у вас?

Я закрыла глаза и пару раз глубоко вдохнула.

— Тоже нет. — Я подняла вверх палец. — Я первый и последний раз в жизни видела Грегора Исто́на во вторник вечером. — Второй палец. — Я не была знакома с мистером Истоном. — Три пальца. — У меня с Истоном не было ни связи, ни отношений, мы никак не общались. — Я вытянула руку. Четвёртый палец. — И наконец, если мистер Истон и приходил в библиотеку во вторник вечером, мне неизвестно, когда и каким образом.

Лицо детектива Гордона осталось непроницаемым, только тот же лёгкий тик. Он вытащил какую-то бумажку.

— Тогда почему у него в кармане была записка от вас?

Одиночный удар

Сердце вдруг застучало чаще.

— А с чего вы взяли, что записка от меня?

Он протянул мне бумажку. Это оказалась ксерокопия, оригинал был написан на библиотечной бумаге: «Встретимся в библиотеке, в одиннадцать тридцать. Кэтлин».

— Я этого не писала.

— Здесь ваше имя и бланк библиотеки.

Я заставила себя пару раз вздохнуть поглубже.

— Да, но это не моя рука. У меня почерк гораздо хуже. Я не писала Грегору Истону. И смотрите — это не адресовано ему. Тут вообще нет обращения. А насчёт бумаги — это не библиотечный бланк. Мы её нашли в кабинете и используем для черновиков. Вот, посмотрите на название библиотеки. — Я протянула ему листок.

Детектив взглянул на бумагу, потом на меня.

— «Бесплатная публичная библиотека Мейбл-Хайтс»?

Я кивнула.

— Ага. У меня на столе такие блокноты. И пара в комнате для персонала, и целая стопка под стойкой выдачи. Мы все ими пользуемся. Я пишу на такой бумаге не меньше десятка записок в день — сотрудникам, рабочим, себе, но только внутри библиотеки, — я опять показала на ксерокопию. — Это даже не целый листок. Похоже, кто-то оторвал половину. — Я указала в сторону второго этажа. — Там вы можете найти сколько угодно образцов моего почерка. Я не писала Истону записок. И не приглашала его сюда на свидание.

— Как скажете.

Детектив убрал бумагу в карман.

— А почему вы так уверены, что он возвращался? — спросила я. — Только из-за того обломка запонки? — Лицо детектива по-прежнему ничего не выражало. — Погодите, а на полу точно была кровь Истона?

— А откуда вам известно, что это кровь?

— Ну, когда я спросила, что вы подобрали с пола, когда мы увидели кровь, вы не стали поправлять меня.

— Да, не стал.

За спиной детектива появилась Мэри.

— Простите, что прерываю. Кэтлин, на второй линии Уилл Редферн, хочет поговорить с тобой.

— Извините, детектив, — сказала я, — я должна ответить.

Я пошла вслед за Мэри к главной стойке — это быстрее, чем в мой кабинет.

— Доброе утро, мистер Редферн.

— Здравствуйте, мисс Поулсон. Я хотел узнать, открыта ли библиотека, прежде чем прислать своих ребят.

Я удивилась — откуда же он звонил. Голос отдавался гулким эхом, как будто говорили из душевой кабины или, скорее, из огромного мусорного бака.

— Я слышал, вчера полиция закрывала здание.

— Да, — сказала я, — но сейчас большая часть библиотеки открыта — кроме

конференц-зала, где вы сложили инструменты.

— Ничего, инструменты у нас есть.

— Сегодня нужен ещё электрик, — сказала я, подтягивая телефон поближе, чтобы перейти на другую сторону стойки и освободить место Мэри.

— Электрик? Зачем?

— Я включила пылесос в одну из старых розеток в компьютерном зале, и меня чуть не убило током.

— Не может быть, — сказал Редферн.

— Я не шучу. Надо проверить всю проводку в этой части библиотеки, и ещё нужны новые розетки для компьютеров.

— Я постараюсь прислать кого-нибудь сегодня же.

Может, он что-то жует?

— Спасибо.

— А вы уверены, что дело не в пылесосе? — спросил он.

Я глянула на Мэри и покачала головой. Она сочувственно улыбнулась. Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Не помогло.

— Уверена.

— Знаете, мисс Поулсон, здание библиотеки далеко не новое, и потому капризное, как старая дева. Вы тут слишком недавно и не знаете всех его причуд.

Ну вот, снова этот слегка снисходительный тон. Я закрыла глаза и представила, как мое раздражение наполняет большой красный воздушный шар, выходящий из макушки. Этому упражнению для релаксации мама учила на уроках актерского мастерства.

— Так вы пришлете электрика? — Шар становился все больше, больше и больше. — Если это проблема, я могу позвонить Эверетту, попрошу его порекомендовать кого-нибудь.

— В этом нет необходимости, — быстро сказал он.

— Спасибо. — Я подняла руку и щелчком отправила воображаемый шар в полет.

— Парни будут у вас через час, — продолжил Уилл, — и до конца дня я пришлю электрика. Звоните, если будут еще какие-то проблемы.

— Спасибо, — повторила я, но он уже отключился. Я подтолкнула телефон к Мэри.

— Уилл планирует что-нибудь сделать сегодня? — спросила она.

— Будем надеяться.

Я повернулась и обнаружила у выхода детектива Гордона. Я подошла к нему.

— Мы закончили?

— Пока да, — ответил он, доставая из кармана ключи.

— Спасибо за помощь.

— Не за что, — он почти улыбнулся. — Буду на связи. — Он показал на огражденную лентой часть библиотеки. — Мы должны закончить на следующий день.

Я кивнула.

— Вы не скажете мне не покидать город?

Его губы дрогнули. Он хотел улыбнуться.

— Собираетесь куда-то?

— Нет.

— Тогда не вижу проблемы.

Он повернулся и ушел.

Я вернулась в компьютерную комнату. Сьюзен скручивала шнур пылесоса.

— Засуну его в кладовку наверху, — сказала она.

Я кивнула.

— Спасибо. Когда Гарри придет косить газон, я спрошу, может, он его починит.

Глянув на почерневшую стену, я снова услышала хлопок, увидела искры, почувствовала, как мышцы руки скрутило в болезненные узлы.

— Рука болит?

Я поняла, что, сама не замечая, потираю запястье.

— Нет, просто ноет немного, как будто растянула. — Болело как после девяти баскетбольных подач, но я не стала этого говорить. — Уилл Редферн пришлёт электрика, — добавила я, чтобы сменить тему.

— Что-то не очень верится, — Сьюзен указала на стену. — Тебя могло убить током. А помнишь, когда снимали радиаторы, тебя обожгло из запорного клапана?

Я судорожно вздохнула, вспомнив, как струя пара чуть не снесла мне половину лица.

— Может, это прозвучит странно, — начала Сьюзен, — но ты не замечала, что каждый раз, когда здесь что-то происходит, страдаешь ты?

— Не каждый.

Она скорчила мне рожу.

— Да ладно, Сьюзен. Ты думаешь, Уилл Редферн саботирует ремонт библиотеки? Зачем? Он что-то имеет против книг? Или чтения?

— Ну, когда ты так говоришь, это кажется глупым, — признала Сьюзен.

— Угу. Уилл просто... неорганизованный. Он пытается делать десяток вещей одновременно. «И он сексист и чересчур надменный», — добавила я про себя. — Если он не пришлет сегодня электрика, я найду его сама.

— Ладно. — Сьюзен взяла одной рукой пылесос, а другой шланг. Оглядев почти пустынную библиотеку, она поинтересовалась: — А чего хотел детектив?

Я не видела причин не говорить ей.

— Он все ещё считает, что Истон возвращался в библиотеку во вторник вечером.

— Невозможно, — так горячо воскликнула Сюзан, что у нее очки съехали с носа. — Кэтлин, он не возвращался. Я бы его увидела.

— Так я и сказала детективу Гордону.

Тут к нам подошла хорошенькая рыжеволосая девушка с двумя кудрявыми малышами.

— Извините, вы не подскажете, где у вас книжки-картонки?

Я улыбнулась.

— Они в нашем новом детском отделе, вон там, — я указала на дальний конец библиотеки, повернулась к Сьюзен и беззвучно прошептала «Не волнуйся». Она закатила глаза.

«Парни» Уилла Редферна появились через полчаса и сразу приступили к работе над новой стойкой выдачи книг. Еще через двадцать минут в здание вошел электрик, я как раз спустилась из своего кабинета. Он оказался слегка помолодевшей и намного более светловолосой версией Гарри Тэйлора, ухаживавшего за нашим газоном.

— Мисс Поулсон? — он протянул мне руку. — Я Ларри Тэйлор из «Тэйлор электрик».

— Пожалуйста, зовите меня Кэтлин. — У него были зеленые глаза Гарри. — Вы не родственник Гарри Тэйлора?

— Ага. Старый Гарри — мой отец, а молодой — мой старший брат. Гарри, Гарри и Ларри, — улыбнулся он, и я расслабилась.

Я вкратце рассказала о пылесосе, искрах и моем полете и показала почерневшую розетку. Он присел, чтобы рассмотреть поближе.

— Нужно взглянуть на щиток.

— Он в подвале. Я провожу вас.

Он поднял руку.

— Не надо, я знаю, где это.

— Тогда за дело.

Сьюзен, сидя на полу, расставляла справочники на нижней полке.

— Скажи, что это был Ларри Тэйлор.

— Так и есть.

— Хорошо. Как все Тэйлоры, он не умеет работать плохо.

— Отличный рекламный слоган. Интересно, он написал его на своей визитке? — я протянула ей огромный атлас.

Она скорчила мне рожу, и я улыбнулась в ответ.

— Поможешь отнести стол в детский отдел?

— Конечно.

Она встала и вытерла руки о юбку.

Мы умудрились пронести собранный мной стол через всю библиотеку, ни разу ни на что не натолкнувшись. Сюзан вернулась к справочникам, а я оттащила стол на место и принесла четыре стула. Ларри Тэйлор появился, когда я ставила в центр стола корзинку с пазлами. Проблема заключалась в старом щитке и еще более старой проводке.

— А эта розетка? Как только у вас пожара еще не было, — сказал Ларри.

— Вы можете... вы возьметесь за эту работу?

Он немного поразмыслил, потом кивнул.

— Да, ради Эверетта и библиотеки.

Я буквально почувствовала, как груз падает с плеч.

— Не могли бы вы составить для меня примерную смету? Чтобы я понимала, во что это обойдется?

— Конечно, — он вынул из-за уха карандаш и что-то написал в маленьком блокноте, лежавшем в кармане рубашки. — Я могу начать завтра днем, не раньше.

— Хорошо. Занесите смету, когда сможете. И счет присылайте прямо сюда.

Он кивнул и заткнул карандаш обратно за ухо.

— Я отсоединил все розетки и один комплект светильников в той зоне, больше никто не пострадает.

— Большое спасибо.

— Я принесу смету до конца дня. Увидимся завтра в обед.

Мы пожали руки, и он ушел.

Если в начале дня тебя чуть не убивает током, дальше дела могут идти только лучше. Ларри закончил осмотр щитка около половины пятого, как раз когда приехал Орен, чтобы начинать собирать компьютерные столы и кабинки. А команда Уилла Редферна почти закончила центральную стойку. Когда я рассказывала, что случилось, Орен сжал челюсти, но ничего не сказал, только спросил, как я. Я ответила, что Ларри собирается починить проводку, и Орен одобрительно кивнул. Ничего другого мне и не было нужно.

Когда я вернулась домой, Геркулес сидел на веранде, глядя в окно. Я отперла дверь, бросила сумку и взяла кота на руки.

— Ах ты, хитрюга, я и не видела, как ты выскользнул утром. Как же тебе удалось?

Он не ответил — был слишком занят мурчанием, пока я чесала ему подбородок. Я держу на веранде две миски со свежей водой — коты не станут пить из одной, — сухой корм и кошачий туалет, потому что они часто просачиваются туда, когда я ухожу. Геркулес даже научился открывать входную дверь, так что он мог выходить во двор. Я открыла заднюю дверь, посадила кота на пол в кухне и вернулась на крыльцо за сумкой. Когда вернулась, Оуэн сидел на полу рядом с братом.

— Привет, — сказала я ему. — Ну, как прошёл день?

Я нагнулась и почесала Оуэну макушку. Он прищурил глаза от удовольствия.

Коты пошли за мной наверх, подождали у кровати, пока я переоделась, потом спустились за мной вниз, наблюдать, как я буду готовить ужин. Я дала каждому по маленькому кусочку крабового мяса из своего салата из пасты прежде, чем начать есть. Со вчерашнего вечера оставались два брауни. Я положила на свою тарелку одно пирожное — может, удастся не съесть сразу оба. Потом разрешила свой брауни на четыре кусочка и съела один.

Оуэн не сводил с меня глаз, пока я расправлялась со вторым.

— Забудь, — сказала я. — Пирожные кошкам нельзя.

Кот пристально следил за мной, на секунду я встретилась с ним взглядом. Я сунула в рот кусочек шоколада и потянулась в кресле. Правая рука ещё немного болела, а мысли кружились, возвращаясь к последним часам Грегора Истона.

— Зачем Истону возвращаться в библиотеку? — спросила я котов. Геркулес, намывавший морду, замер с лапой за ухом и недоуменно посмотрел на меня. — Знаю, глупый вопрос, — сказала я и взглянула на Оуэна. — Пока мы были там, он не возвращался. — Оуэн согласно мяукнул и продолжил вылизывать хвост. — Сьюзен и Мэри сказали, что не видели его. Зачем бы им врать?

Похоже, ни один из котов не собирался ничего добавить. Я откусила большой кусок от последнего пирожного.

— Выходит, либо он не приходил, либо прокрался незаметно. Если не приходил — как туда попала сломанная запонка? А если прокрался — какого чёрта ему там понадобилось?

Оуэн зевнул. Ответ не хуже любого другого. Зазвонил телефон, и я пошла в гостиную.

— Привет, кузнечик, — сказал голос в трубке.

Мама.

— Привет, мам, — я уселась в кресло у телефонного столика, зацепила ногой пуфик и подвинула поближе.

— Как дела?

Несмотря на невероятную поглощенность собой, у нее, кажется, был какой-то материнский радар, сообщающий, что с нами что-то не так.

— Нормально.

Так и было, за исключением ноющей руки и детектива, полагающего, что я кого-то убила.

— Я знаю, что ты нашла тело того композитора.

Я устроилась в кресле поудобнее и вытянула ноги на пуфик.

— Кузнечик, я не динозавр. У меня есть компьютер, и я читаю «Мейвилл-Хайтс кроникл» каждое утро.

Значит, дело не в радаре, а в интернете.

— Ты каждый день читаешь местную газету?

— Конечно, — сказала она, будто нечто само собой разумеющееся, — я хочу знать, что происходит там, где ты находишься.

— Ну... это... это мило.

— Ты в самом деле в порядке?

У меня перехватило горло, а в груди опять появилась тяжесть от тоски по дому.

— Да, честно.

Я кашлянула, пытаюсь избавиться от тяжести.

— Знаешь, он был похотливым старым козлом.

— Ты знакома с Грегором Истоном? — Вообще-то мне не стоило удивляться: мама знала многих людей искусства. Она работала в театре с шестнадцати лет.

— Только с его не особо хорошей репутацией.

— В смысле?

Она вздохнула.

— В основном слухи и сплетни, сама понимаешь. Говорили, он не мог держать руки — и другие части тела — при себе.

— И всё?

— Кажется, ему нравились женщины помоложе.

Я вспомнила, что Руби рассказывала об Эми Лестер.

— Его пригласили на ваш летний музыкальный фестиваль, да?

— Ага. Летний музыкальный фестиваль «Дикая роза». Он в последнюю минуту кого-то заменил.

Оуэн обошёл пуфик, уселся возле моего кресла, и я чуть подвинулась, чтобы погладить его.

— Я удивлена. К чему такому маститому музыканту маленький провинциальный фестиваль?

— Не знаю.

Я как-то не думала об этом раньше, но мама была права. Истон не похож на человека, кто делает такое по доброте душевной. Хотя при жизни я встречалась с ним лишь однажды, и в тот раз Оуэн прыгнул ему на голову, так что, может, он просто был не в духе.

— Как папа?

— Невыносим.

— Что случилось?

— У нас творческие разногласия.

— Насчет чего?

— Насчет его прочтения роли Ника Боттома. Твой отец переигрывает.

Я прикусила щеку, чтобы не рассмеяться.

— Это довольно пылкий персонаж.

— Между «пылким» и «пылающим» большая разница, — фыркнула она.

Я не могла больше терпеть и расхохоталась.

— Ты справишься, мам.

Она помолчала.

— Я вчера видела Эндрю.

Эндрю. Высокий блондин с голубыми глазами, мышцами в нужных местах и улыбкой, от которой плавится эластик в колготках.

— Здорово, — я постаралась не выдать своих чувств.

— Он передает тебе привет.

Эндрю, который после нашей ссоры уехал в Мэн на двухнедельную рыбалку и вернулся женатым. Не на мне. Я сглотнула.

— Как он?

— Кажется, похудел.

— У него много работы в это время года. — Я посмотрела на часы. — Мне пора на тай-чи, мам.

— И ты не хочешь говорить о своем бывшем.

Возможно, у нее все-таки есть радар.

— Не хочу. Но у меня на самом деле сейчас тай-чи.

— Тогда иди. Позвони мне, Кузнечик.

— Позвоню. Пока.

Я повесила трубку и взяла Оуэна. Сидя у меня на коленях, он внимательно изучал мое лицо.

— Эндрю передал привет.

Оуэн склонил голову набок и положил лапу мне на грудь.

— Все в порядке, — я сгребла кота и встала.

— Знаешь, Эндрю говорил, что я не умею быть спонтанной, — сказала я, когда мы шли к лестнице. — Так что я бросила работу в Бостоне и приехала через полстраны руководить реконструкцией библиотеки, которая никогда не закончится, а для пущего эффекта я теперь подозреваемая в деле об убийстве. — Оуэн поднял голову и посмотрел на меня. — Да, думаю, я показала ему.

Высокий прыжок лошади

Я опустила Оуэна на пол спальни. Он потянулся. Потом что-то его заинтересовало, он прошел через комнату и сунул голову под кровать.

— Там ничего нет, кроме клубов пыли.

Я посмотрела в зеркало. Волосы с утра не изменились. Я зачесала чёлку набок, закрепила заколкой и сразу стала похожа на двенадцатилетнюю — если, конечно, у двенадцатилетних бывают мимические морщинки.

Задняя часть Оуэна так и торчала из-под кровати.

— Мне надо идти, — сказала я. — Хочешь остаться здесь или выйти?

Зад Оуэна изобразил что-то вроде шимми Элвиса и скрылся под свисающим краем одеяла.

Я спустилась вниз, сложила в сумку полотенце, майку, тапочки и бутылку воды, подхватила с кухонной стойки ключи и натянула кроссовки. Геркулеса видно не было. Я заперла обе двери, закинула сумку на плечо и пошла по дорожке.

Днём я пару раз заглядывала к Ребекке, но та не ответила. Будет ли она на занятии? Я оглянулась, увидела идущего вслед за мной Геркулеса и остановилась подождать, пока он меня догонит.

— Ты куда это собрался? — спросила я. — И как выбрался из дома?

Кот не мигая смотрел на меня.

— Марш домой, — я махнула рукой в сторону дома.

Он проводил глазами мою руку, потом прошёл ещё несколько шагов ко мне, остановился и посмотрел назад.

— Нет. Ты не пойдёшь, — сказала я. — Оуэну удалось пробраться в библиотеку, но это не значит, что и у тебя получится. — Я подхватила кота, отнесла обратно во двор, посадила на траву и вернулась на улицу.

Пройдя несколько шагов, я остановилась.

— Ты опять здесь? — Мне незачем было оборачиваться. Герк потёрся о мою ногу. Я посмотрела вниз, а он вверх, и клянусь, кот ухмылялся. — Некогда мне с тобой возиться, — я глянула на часы. Чтобы успеть к началу занятия, надо бы поторопиться. Я нагнулась и снова взяла Геркулеса на руки.

Почти бегом вернувшись к дому, я открыла дверь веранды, выпустила туда Геркулеса, снова заперла дверь и побежала по улице, сумка хлопала меня по боку. Я сбавила шаг — перевести дыхание и поправить ремень сумки. Геркулес шёл рядом со мной по газону у края дорожки. Я остановилась и присела на корточки. Кот тоже сел.

— Как ты это сделал? — спросила я. — Я же заперла тебя на веранде?

Я вспомнила, как Оуэн гонялся за птичками на заднем дворе и как мне на минуту показалось, что он умеет исчезать. Может, и Геркулес так же выбрался с веранды? Может, он... Нет. Это безумие. Оуэн не умеет становиться невидимым. И Геркулес не может проходить сквозь стены. А у меня нервишки пошаливают. Это же коты. Настоящие коты, шустрые и хитрые. И никаких у них нет сверхспособностей. Просто проныры. Я остановилась, взяла Герка на руки.

— Что же мне с тобой делать? — Не хотелось, чтобы он бродил по улице, может и под машину попасть. — Ладно, ты победил. Можешь пойти со мной, — я наклонилась поближе

к лохматой чёрно-белой мордочке. — Не вылезать из сумки, не прыгать никому на голову. Понял?

Кот ткнулся носом мне в щёку. Я расстегнула сумку, вытащила майку и тапочки, посадила Геркулеса внутрь. Он свернулся клубком на полотенце, обернув хвостом задние лапы.

— Тебе удобно? — спросила я, завязывая куртку вокруг талии. Геркулес издал короткий звук, что-то среднее между мяуканьем и рычанием, и я закрыла молнию.

Кот поглядывал на меня через сетчатую вставку. Я поправила сумку на бедре и пошла дальше. В этой сумке я принесла котов домой, может, поэтому они так любили залезать в нее. Там не было тесно, а воздух попадал внутрь через полдюжины сетчатых вставок. Так что котам больше нравилось кататься в сумке, чем ходить пешком. Я посмотрела через верхнее сетчатое окошко. Геркулес растянулся, положив голову на лапу, прикрывая другой лапой нос. Он открыл один глаз и посмотрел вверх, на меня.

— Там же ничем не пахнет, — прошептала я. Лапа осталась на носу, а глаз подмигнул мне и закрылся.

Мимо меня на холм проехал пикап, и я подумала — пожалуй, хватит разговаривать с котом. По крайней мере, когда мимо кто-то едет. Не хотелось бы прослыть сумасшедшей, беседующей со своей спортивной сумкой.

Ребекка пришла на занятие одновременно со мной. Я подождала у двери, пока она подойдёт по дорожке с другой стороны.

— Привет, Кэтлин, — улыбнулась она. — Мне нравится, как ты убрала чёлку.

— Она меня с ума сводит, — я придержала для Ребекки дверь одной рукой, а в другую взяла её холщовую сумку.

— Спасибо. Я думаю, немного филировки, и все будет в порядке.

— Напрасно я обрезала волосы, — вздохнула я, когда мы двинулись вверх по лестнице.

Улыбка Ребекки стала шире.

— Как только я смогу держать ножницы, подровняю кончики и посмотрю, что можно сделать с твоей чёлкой. Обещаю, ты сразу почувствуешь себя лучше.

Наверху я поставила сумку с Геркулесом, развязала куртку и повесила на один из крючков у двери в студию. На самом последнем крючке висел красный складной зонт. Посередине зонт был обвязан зелёным шарфом, расшитым бисером. Напротив на деревянной скамейке переобувалась Ребекка. Я повесила её сумку рядом со своей ветровкой. Ребекка подняла взгляд и увидела зонтик.

— Это мой шарф.

Я отвязала его и протянула ей. Длинную кайму шарфа украшала прекрасная ручная вышивка. Она разгладила шарф на коленях.

— Спасибо. Конечно, это просто шарф, но это подарок, а я не могла вспомнить, куда его дела. Забыла, что оставила здесь.

Она казалась встревоженной. Может, боится, что теряет память? Никаких признаков забывчивости я за ней не замечала. Я улыбнулась:

— Я как-то забыла здесь резиновые сапоги. И не вспоминала про них, пока не вышла на Маунтин-роуд в дождь и вода не потекла по ногам.

Ребекка встала и убрала шарф в сумку.

— Хочешь сказать, что я не становлюсь старой и слабой? — улыбнулась она.

Я тронула её плечо.

— Если бы я тебя такой считала — ни за что бы не позволила стричь мою чёлку.

Я подхватила ремень своей сумки и пошла в зал. Вайолет помахала мне рукой. Вслед за мной вошла Ребекка. Я подошла к Мэгги, стоявшей у чайного столика.

— Привет, можно мне оставить сумку под столом?

Мэгги растягивала мышцы шеи, положив руку на голову и аккуратно наклоняя ее к плечу.

— Конечно. Там внутри что-то бьющееся?

— У меня там кот, — сказала я.

— Что? — Глаза Мэгги округлились, что выглядело немного странно при наклонённой голове. Я подняла сумку, чтобы она могла рассмотреть.

— Это Геркулес?

— Да, тише, — шикнула я.

Она выпрямила голову и ещё раз заглянула в сумку.

— Привет, мохнатая морда.

Кот мяукнул в ответ.

— Зачем ты его принесла? — спросила Мэгги, снова хватаясь за голову и наклоняя её к другому плечу.

— Он не хотел оставаться дома. Бежал за мной. Я его посадила на веранду, но он как-то сумел выбраться, когда я отвернулась.

— Вот хитрюга, — шёпотом сказала Мэгги сумке. — Ставь его под стол, — она улыбнулась. — Ему там есть чем дышать?

— Спасибо, — сказала я, убирая Геркулеса с дороги. — И да, ему есть чем дышать.

— Есть новости насчёт Истона? — спросила Мэгги, начиная медленно перекачивать голову с одного плеча на другое.

Руки у меня вспотели, и я вытерла их о шорты.

— Полиция нашла обломок его запонки в конференц-зале библиотеки.

— А как он туда попал?

— Это детектив Гордон и пытается узнать.

Мэгги уронила голову на грудь.

— А что он думает? Что вы с маэстро встречались в зале для совещаний? А потом он помер, ты положила его на тележку для книг и повезла по улице в Стрэттон, да так, что никто тебя не видел?

— Да, звучит как-то... глупо.

— Потому, что так оно и есть, — Мэгги переместилась к центру комнаты, встряхивая руками.

Кто-то топал по лестнице. Вошла Руби. Она стянула ярко-жёлтую майку и осталась в ярко-оранжевом топике. Мне нравилась одежда Руби — я и в двадцать одевалась более консервативно. Рома подошла, медленно вращая плечами, за ней — Вайолет и Ребекка. Рома тронула меня за руку, и я обернулась.

— Ну, как ты, Кэтлин? — спросила она, понизив голос.

Я медленно согнула и разогнула пальцы.

— Ничего, нормально. Мышцы немного побаливают, но звон в ушах прошёл, всё в порядке.

— Хорошо. — Я покосилась на стол. Мне показалось или за сеткой мелькнули зелёные глаза Геркулеса? Я обернулась к Роме, чтобы спросить насчёт Оуэна. — Рома, ты что-нибудь

знаешь о кошачьей мяте?

— Некоторые кошки её любят, а другие нет. А почему ты спрашиваешь?

Я провела рукой по шее — иногда мне так доставало длинных волос.

— Видела таких маленьких жёлтых цыплят с кошачьей мятой, продаются в «Граньери»?

— Это которые «Весёлый цыплёнок Фред»?

— Ага, — кивнула я. — Ребекка покупает моим котам. Геркулес ими не интересуется, а вот Оуэн...

— ...бесится от кошачьей мяты, — закончила Рома.

— Да.

— Понятно. Кошачью мяту любит примерно половина всех кошек. Остальные нет. Можно сказать, это генетика. — Она улыбнулась. — Это ему не повредит.

— Спасибо, хорошо, если так.

Рома крутила широкое серебряное кольцо на указательном пальце правой руки.

— Знаешь, в Вистерия-Хилл растёт дикая кошачья мята. Может, Оуэн там к ней и пристрастился.

— Ты что-нибудь знаешь про тамошних кошек? — спросила я, одёргивая край майки, сбившийся, когда я повязывала куртку на талию.

— Немного. Люди заботятся, чтобы у них были кров и еда. Со временем нам удалось выловить всех, стерилизовать и сделать прививки. — Она вздохнула. — Это было непросто.

Я вспомнила, как Рома в последний раз делала прививки Оуэну и Геркулесу. Оба кота выли и отчаянно царапались. Рома надела тогда длинные и толстые кевларовые перчатки. Зубы Геркулеса оставили отметки на указательном и среднем пальцах, а Оуэн расцарапал всю руку.

— Хочешь в следующий раз пойти со мной в Вистерия-Хилл? — спросила Рома, стягивая и снова надевая на палец кольцо. Ногти у неё были короткие, без лака. — Кажется, ты нашла общий язык с этими котами.

— Ну да, хочу, — я оглянулась на столик.

— Тогда я тебя позову, — улыбнулась Рома.

Мы повернулись к остальным. Вайолет попросила объяснить одно движение, вытянув перед собой руки. Мэгги поправила одну из них и указала на колени Вайолет. Рома вздохнула. Не только у меня были сложности с этим движением. Никак не получалось скоординировать руки, не говоря о нижней половине корпуса. Я чувствовала себя танцовщицей в купальнике и туфлях на платформе в дурном диско-шоу. Все смотрели, как Мэгги медленно и грациозно показывает движение. Ребекка прижала руку к груди. Рукав чуть задрался, открывая перевязанное запястье. Мэгги остановилась.

— Ребекка, ты поранилась?

Ребекка побледнела и попыталась прикрыть запястье здоровой рукой.

— Это просто артрит, — она осторожно пошевелила рукой. — Делаю компрессы. Повязка — чтобы они не пачкались и не соскальзывали.

Мэгги подошла к Ребекке, взяла за руку, осторожно тронула запястье тонкими пальцами.

— Можешь согнуть?

— Да, — Ребекка забрала у Мэгги руку, — просто немного трудно.

Мэгги смотрела на повязку.

— Это ты сама сделала?

— Да, — кивнула Ребекка.

— Очень умело. А что ты используешь для компрессов? Можжевельник? Алтей?

— Травяной сбор моей матери, — сказала Ребекка, придерживая больную руку. — Он довольно необычный.

— О, — Мэгги смущённо опустила руку. — Ну, будь осторожнее. Если больно — останавливайся. — Она отступила назад, пару раз глубоко вздохнула. — Ладно. Все в круг.

Рома встала справа от меня рядом с Ребеккой, и они переглянулись. Может, однажды и я буду переглядываться с Мэгги, когда кто-то молодой посоветует мне быть осторожнее. Мы начали разогревающие упражнения, и Мэгги с улыбкой обернулась ко мне. Я понимала, к чему это. Я состроила гримасу в ответ. Рома рядом со мной засмеялась.

К концу занятия я вспотела, хотя окно было открыто и вентилятор работал. Я оглянулась на свою сумку и вспомнила, что, а вернее, кто в ней. Так что пришлось вытереть лицо подолом майки. Ко мне подошла Руби, на оранжевом топе виднелись пятна пота.

— Слышала, ты вчера нашла в театре тело Истона? Это правда?

Я провела пальцами по мокрым от пота волосам, поправила заколку.

— Правда.

— Это тебе.

Я взяла с протянутой ладони черный шнурок с маленьким фиолетовым кристаллом.

— А что это?

Руби тронула кристалл, и он закачался.

— Держи его при себе или носи, как хочешь. Он будет отгонять негативную энергию.

Секунду я не знала, что сказать. Учитывая проблемы с ремонтом библиотеки и тело Грегора Истона, похоже, в моей жизни просто куча негативной энергии.

— Очень красивый, — наконец выдавила я. — Спасибо.

Руби взяла у меня подвеску и показала, как регулировать зажим на шнурке, чтобы сделать его длиннее или короче. Я надела подвеску через голову и спрятала кристалл под майкой. Не уверена, что он прогонит из моей жизни негативную энергию, но не помешает.

— Он очень красивый, — я обняла Руби.

К нам подошла Мэгги с дымящейся, пахнувшей лимоном чашкой в руках.

— Кто это красивый?

Я показала ей подарок Руби.

— Да, очень красивый, — сказала Мэгги. — Руби, это твой?

— Кристалл прогонит плохую энергию, — кивнула Руби.

— Думаешь, вокруг Грега Истона много негатива? — спросила я, стягивая липкую от пота майку.

— О да, — сказала Руби. — Знаю, о мёртвых плохо не говорят, но я слышала, он был похотливым. Когда отдаёшь миру такую энергию — кто знает, что можешь получить в ответ.

Я кивнула. Что бы все они подумали, если бы узнали, что детектив Гордон считает, будто я спала с покойным дирижёром. К нам подошли Ребекка и Вайолет. Ребекка промокала затылок полотенцем, а Вайолет даже не вспотела. Ни морщинки, ни единой выбившейся пряди. Она взглянула на Руби.

— Кто знает, что получишь в ответ?

Руби завела одну руку за голову, а другой начала давить на локоть.

— Какую бы энергию мы ни отдавали во вселенную, хорошую или плохую, она остается связанной с нами, как тонкая серебряная нить. И в конце концов она возвращается, и

никогда не знаешь, что еще она захватит по дороге, что запутается в этой нити. — Руби поменяла руки.

— Моя мама верила в нечто подобное, — сказала Вайолет.

— Твоя мама верила в карму? — спросила Руби.

— Мама верила, что как аукнется, так и откликнется...

— Это и есть карма, — засмеялась Руби и остальные вместе с ней.

По моей спине отчего-то пробежал холодок, будто кто-то провел по позвоночнику пальцем, и я вздрогнула. Рома тронула меня за плечо, и я подпрыгнула.

— Ой, прости, — сказала она. — Просто, ну.. — она показала на чайный столик, — кажется, твоя сумка двигается.

Шаг назад

Вот чёрт! Сумка двигалась, переваливаясь с боку на бок, как лодка, которую раскачивает ребенок, пока все не вывалится в воду. Или как сумка, которую качает заскучавший неугомонный кот.

— Кэтлин, дорогая, что такое в твоей сумке? — спросила Ребекка.

— Это мой телефон, — выпалила Мэгги.

Я удивлённо взглянула на неё. Что она такое говорит?

— Телефон? — удивилась Руби.

Мэгги энергично кивнула.

— Ага. — Она поймала мой взгляд. — Извини, Кэтлин, боялась его сломать и сунула в твою сумку. — Она развела руками. — Кто бы мог подумать, что вибрация бывает такой сильной?

— А, понятно, — сказала я, закашлявшись. — Я... сейчас я его достану.

Я поспешила к столу, присела на корточки, стараясь загородить сумку, и заглянула в сетчатое окошко. Оттуда на меня смотрела пара зелёных глаз.

— Прекрати. Сейчас же, — прошипела я сквозь зубы.

Геркулес издал что-то вроде фыркания.

— Сиди тихо и не шуми. Скоро пойдём домой. — Я выпрямилась и наткнулась на Мэгги. — Кто бы мог подумать, что бывает такая сильная вибрация?

— Хочешь прославиться как библиотекарьша, которая носит кота в спортивной сумке? — улыбнулась Мэгги.

— Хорошая идея, — я закинула сумку на плечо и прижала к себе локтем. — Надо уносить отсюда сама-знаешь-кого.

— Ладно, — сказала Мэгги, — через час увидимся.

За дверью стояли Вайолет и Рома. Я проскользнула мимо них и схватила с вешалки свою ветровку.

— Вайолет, что теперь будет с фестивалем? — спросила я, снова повязывая куртку на талию.

Ни одна серебряная прядь не выбилась из гладкого пучка Вайолет.

— Не знаю, — ответила она, — Завтра комитет постарается решить.

— Я бы не хотела, чтобы фестиваль отменили, — сказала Рома. Ее лицо разругалось.

— Я тоже, — согласилась Вайолет, — но Грегор Истон и так согласился в последнюю минуту. Я понятия не имею, где мы сейчас можем раздобыть кого-нибудь его уровня.

— А как вы смогли его уговорить?

— Вообще-то он сам с нами связался.

Рома удивленно посмотрела на нее.

— Серьезно? Я не знала.

— Да, — Вайолет стряхнула с футболки невидимую ворсинку. — Он услышал, что Цинии нужна срочная операция — очевидно, они были близкими друзьями, — а у него как раз что-то неожиданно отменилось. Поэтому он сказал Цинии, что заменит её и связался с нами, вот и всё.

— Как удобно, — сказала я.

— Да, — ответила Вайолет, — и почему-то мне кажется, что два раза нам так не

повезет.

Я услышала, как открылась входная дверь и кто-то начал подниматься по лестнице. Через секунду появилась Эми в джинсовых шортах и топе, доедавшая что-то, похожее на замороженный йогурт «Табби». Она облизнула деревянную ложечку — «Табби» не использовали пластиковые — и улыбнулась нам.

— Привет, я пришла за Ребеккой.

Слова прозвучали как вопрос, будто она не уверена, что пришла в нужное время в нужное место.

— Я готова, — отозвалась Ребекка из двери. Я подняла ее сумку и протянула ей. Она беззвучно прошептала «спасибо». Ребекка вытащила из сумки шарф и показала Эми.

— Я нашла его. Похоже, забыла здесь в прошлый раз.

— Я же тебе говорила, — сказала Вайолет.

— Ммм, отлично, — сквозь йогурт и клубнику пробормотала Эми. — Но я сделала бы тебе другой.

— Мне нравится этот, — Ребекка засунула полоску ткани обратно в сумку. — Это первый твой шарф.

Эми улыбнулась ей.

— Ты такая сентиментальная, Ребби. Хранишь все, что я тебе давала — каждый подарок, каждую бумажку.

— Она хранит все бумажки, — едко заметила Вайолет.

— Вайолет Коул, ты намекаешь, что я барахольщица? — с притворным гневом спросила Ребекка.

— Нет, — ответила Вайолет, — я говорю это прямо. Ребекка, ты барахольщица.

Ребекка выпрямилась во все свои пять футов и три дюйма:

— Я предпочитаю считать себя защитником окружающей среды и хранителем истории.

Вайолет слегка покачала головой.

— А я предпочитаю считать себя двадцатипятилетней горячей штучкой.

Все засмеялись. Слышать, как элегантная, сдержанная Вайолет произносит «горячая штучка» было все равно, что услышать, как двухлетка повторяет неприличное слово. Вроде бы и нельзя смеяться, но удержаться невозможно. Эми взяла у Ребекки сумку.

Ребекка повернулась ко мне, убрала упавшие на лицо пряди.

— В эти выходные я достану ножницы и просто слегка придам им форму, — улыбнулась она.

— Спасибо, — улыбнулась я в ответ.

— Готова? — спросила Эми, поднимая свой бумажный стаканчик. — В машине тебя ждет такой же.

Ребекка улыбнулась еще шире.

— Ты милая девочка, — сказала она, беря девушку под руку. Помахав нам, она исчезла на лестнице.

Я чувствовала, что Геркулес снова ерзает в сумке.

— Мне пора, — сказала я Вайолет и Роме. — Увидимся в следующий раз.

Спускаясь по лестнице, я прижала сумку к бедру и прошептала: «Все в порядке, мы уже уходим». Я быстрым шагом направилась к библиотеке. В центре города было многолюдно, а в библиотеке пусто. За стойкой дежурил Джейсон.

— Спокойный вечер? — поинтересовалась я.

— Ага, — он убрал с глаз завиток светлых волос. — После ужина никто не заходил. А эти новые детские книжки готовы встать на полки, — он указал на две тележки позади.

— Спасибо, ты очень помог.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Джейсон был нашим летним практикантом и настоящей находкой. Имея внешность модели из подросткового журнала — светлые волосы, широкая улыбка, — он жил и дышал книгами. Он хотел стать писателем и изучал классику: Фолкнера, Достоевского, Хэмингуэя.

— Где Абигайль? — спросила я.

Джейсон махнул куда-то за голову.

— Собирает журналы для распродажи.

Сначала я отправилась в свой кабинет и выпустила Геркулеса. Он высунул голову, поморгал и обнюхал мой стол, потом вылез, прошелся среди папок до края и спрыгнул в кресло, от чего оно закрутилось. Я кинулась через стол, остановила кресло. Геркулес испуганно посмотрел на меня. Я погладила его по голове.

— Оставайся тут. Я вернусь.

Я направилась на второй этаж, но не удержалась и заглянула в компьютерный зал. Верный своему слову, Орен собрал шесть кабинок и стульев. Я провела пальцами по ближайшему столу. На светлом дереве ни грязи, ни пыли. В этом весь Орен. Рядом с каждым рабочим местом стояла коробка с системным блоком. Как только Ларри починит проводку, я установлю компьютеры, и спустя сотню лет библиотека Мейвилл-Хайтс вступит в эру электроники.

Абигайль была в служебной комнате, сразу за комнатой персонала. Она сидела на полу, перед ней громоздились два ряда перевязанных стопок журналов.

— Привет, — сказала я.

Она посмотрела на меня и улыбнулась. Седые волосы заплетены в тугую косу, очки без оправы сползли на кончик носа. Абигайль говорила мне, что начала сидеть уже после двадцати. Сейчас, спустя пару десятилетий, в её волосах прекрасно смешались рыжий цвет и серебро. И отчего-то седина не старила Абигайль, лишь делала изящнее. Я смущённо пригладила свои спутанные волосы.

— Ты занималась этим весь вечер?

Она потуже завязала стопку журналов и поставила позади себя.

— Да, тут было очень тихо. — Она показала в угол комнаты. — Я нашла в чулане лист пенопласта. Ты не против, если мы сделаем из него доску объявлений?

— Нет, отличная идея.

Абигайль встала и осмотрела свою работу.

— Кажется, завтра я с этим закончу и начну заниматься книгами.

— Было бы здорово.

Я пошла вниз. Уже почти восемь, время закрытия. Джейсон обходил этаж, выключая везде свет и убирая на место книги. Я собрала парочку брошенных журналов, выровняла стопку карточек на столе и выключила компьютер. Когда Джейсон погасил последнее освещение, Абигайль спустилась с велосипедным шлемом в руках. Светилась только лампа над стойкой. Я проводила Абигайль к выходу, выпустила ее и подождала Джейсона, набивавшего рюкзак книгами. Повесив его на одно плечо, он поспешил ко мне.

— До завтра.

— Спокойной ночи, — ответила я, закрыла дверь и прикрыла решетку, но не заперла ее.

Когда я вошла в кабинет, Геркулес сидел на полу у стола.

— Хочешь осмотреться? — спросила я.

Он подошел к открытой двери и выглянул. Я присела рядом.

— Только, чур, не прятаться, и вернешься, когда я позову, — погрозила я ему пальцем.

Кот отмахнулся от меня лапой, я встала и направилась к лестнице. Геркулес шел сзади.

Новая приемная и стойка выдачи были почти готовы. Оставалось еще кое-что покрасить и расставить множество книг, и, конечно, у нас еще не было конференц-зала, но я впервые почувствовала, как все будет выглядеть, когда работы наконец закончатся. Геркулес прошелся по компьютерной зоне, обнюхивая каждую коробку.

— Ну что, пойдём?

Он посмотрел на меня и куда-то целенаправленно отправился.

— Геркулес, ты куда?

Ноль реакции.

Я поспешила за ним, но когда нагнулась, чтобы взять на руки, он метнулся прочь. На месте оставался только один кусок пластиковой пленки. Прозрачный занавес, повешенный людьми Уилла Рэдферна, прикрывал дверь в их склад инструментов, будущий конференц-зал. Теперь тяжёлая дверь была закрыта и заперта, подход к ней ограничивала жёлтая полицейская лента.

— Даже не думай об этом, — крикнула я.

Геркулес вальяжно прошел мимо полицейского ограждения к двери.

— Геркулес, немедленно вернись!

— Мяу.

— Давай, киска. Пора уходить.

Его внимание было полностью сфокусировано на тяжелой деревянной двери.

— Если не подойдешь сюда прямо сейчас, в жизни больше не получишь ни ложки йогурта «Табби».

Он бросил на меня взгляд через плечо, но не шелохнулся. Ладно, с йогуртом я блефовала. Зачем стоять по одну сторону от желтой ленты, если можно просто поднырнуть под нее и схватить кота? Никакая сигнализация не сработает. Детектив Гордон не свалится с потолка, чтобы арестовать меня. И все же я огляделась — неизвестно зачем, — прежде чем пролезть под ленту.

— Иди сюда, — я наклонилась, чтобы взять черно-белого котика, но он прошел сквозь закрытую дверь и исчез.

Согнуть колени

У меня задрожали колени, и я села на пол. Геркулес исчез. Не пробежал мимо. Не свернул за угол. Он прошел сквозь крепкую деревянную дверь, будто ее и не было. Я мысленно видела это снова, даже не закрывая глаз. Кот исчез за дверью, и я вроде бы даже слышала при этом легкий хлопок. Я закрыла глаза и сделала пару глубоких вдохов.

— Давай, пусть ты будешь здесь.

Открыла глаза. Никакого кота. Потянувшись вперед, я положила руку на дверь. Твердая. Я ощупала ее. Может, она с секретом. Может, Геркулес активировал скрытую панель. Может, сейчас появятся Нэнси Дрю и братья Харди. Дверь оставалась твердой и неподвижной.

— Геркулес! Где ты, котик?

Тишина, а потом едва слышное «мяу» из-за двери. Он был там. Каким-то образом он очутился там. Я схватилась за ручку. Закрыто. В отчаянии я затрясла ее, но, конечно, дверь была заперта. В комнате велось расследование убийства, а я только что пыталась вломиться в нее. Я отдернула руку, будто дверь внезапно загорелась. Черт возьми! Теперь на ней мои отпечатки! Я обтерла ручку подолом футболки, потом опустилась на колени и отполировала нижнюю часть двери, где искала скрытую панель. Увидев свое отражение в медной обивке, я осознала, что делаю.

— Ты чокнулась, — произнесла я вслух.

Не надо было трогать дверь. Я пару раз глубоко вдохнула. Надо позвонить в полицию. Как еще можно вызволить оттуда Геркулеса? Ну да, конечно, позвонить детективу Гордону и сказать, что мой кот прошел сквозь дверь. Нет-нет, никто и не подумает, что я сошла с ума. Может, в этом все дело? Я сумасшедшая? Я вспомнила профессора психиатрии, объяснявшего нам, первокурсникам, что если вы задаетесь таким вопросом, то нет, вы не сошли с ума. Конечно, в трех случаях из четырех он являлся на лекции в пижамных штанах. Потом я вспомнила, как Оуэн материализовался на голове Грегора Истона, как он появился уже в прыжке, гоняясь за птицей на заднем дворе. У меня перехватило дыхание. Как такое возможно? У котов какие-то магические способности? Я прижала голову к коленям и заставила себя несколько раз вдохнуть.

Ладно, нечего торопиться в сумасшедший дом. Я просто устала. Мне нужны очки. Все этому есть какое-то рациональное объяснение. Наклонившись близко к двери, я снова позвала Геркулеса. Тишина. Я представила себе, как по ту сторону двери у него дрогнуло одно ухо при звуке собственного имени. И знала, что он не выйдет оттуда, пока сам не захочет.

Я вытащила из-под футболки кристалл Руби. Если вокруг есть какая-то негативная энергия, может, он отгонит ее. Потом села, обхватив колени руками, и стала ждать. И ждать. Прошло, наверное, минут пять, хотя показалось гораздо дольше, когда я почувствовала... нечто. Как будто воздух вокруг двери сгустился и надавил на меня, как вода давит на руку, когда вы закрываете ей шланг. Сквозь дверь, будто её и вовсе не было, прошел Геркулес. Он моргнул и посмотрел на меня, будто хотел сказать: «А, ты еще здесь». Я схватила его на случай, если он пожелает еще разок заглянуть в комнату.

— У тебя большие неприятности, — строго сказала я, направляясь к лестнице.

Он мотнул головой. «Вовсе нет» в переводе.

— Так не пойдет, — сказала я, открывая дверь кабинета. Герк склонил голову набок и посмотрел на меня широко открытыми глазами.

— Вот только не надо этого «я такой миленький котик», — я склонилась совсем близко к его мордочке. — Это. Не. Сработает.

Он лизнул меня в нос.

Закрыв дверь толчком бедра, я опустила кота на пол, прикрыла на секунду глаза и потерла переносицу. Кажется, мои мозги скрутились в крендель, пытаюсь осмыслить увиденное. Шумно выдохнув, я открыла глаза. Герк смотрел так, будто это я сделала что-то странное. Я упала в кресло, и он немедленно запрыгнул на колени.

— Как ты это сделал? Есть кошачья версия «абракадабры»? Ты хлопнул задними лапами или пошевелил усами?

Я спрашивала кота, как он прошел сквозь дверь. Может, я все-таки выжила из ума. Я погладила Геркулеса по голове. Что, если полиция еще не закончила в той комнате? Мог кот оставить ДНК или волосок? В животе свился узел в пару тому, что я ощущала позади глаз. Он же кот. Как он мог не оставить шерстинку? Уилл Редферн давно использовал эту комнату под кладовку, там было грязно и пыльно. Найдут ли полиция отпечатки лап? Или еще что похуже?

Я почесала Герка за ухом, и он обернулся ко мне.

— Скажи, пожалуйста, ты ведь ничего там не наделал?

Кот смотрел на меня... пожалуй, с довольным видом. Он оттолкнул поглаживающую руку, нагнул голову и выплюнул мне на ладонь зелёную стеклянную бусинку.

У меня пересохло во рту. Я смотрела на крошечный стеклянный шарик, из него свисали обрывки ниток. Геркулес нашёл это в кладовке. Как она там оказалась? Перед ремонтом пола в комнате оторвали плинтуса, а плитку почистили паром так, что с нее можно было есть. В буквальном смысле. И я никак не могла представить на крепких работагах что-то с крошечными зелеными бусинками. Геркулес обнаружил то, что упустила полиция?

— Откуда это у тебя?

Он спрыгнул с колен и встал у окна, будто изучая стену. Через секунду начал скрести лапой место, где старое дерево касалось пола.

— Эй, прекрати!

Как обычно, Геркулес не обратил на меня внимания. Он подцепил что-то лапой и наклонил голову.

— Нет! — я сказала это так громко, что в комнате отозвалось эхо, напугав нас обоих. Я наклонилась посмотреть.

— Дай сюда.

Кот махнул лапой, и по полу ко мне скользнула фиолетовая пластиковая скрепка для бумаг. Я подобрала её. Геркулес переводил взгляд с кусочка пластика с моих руках на край плинтуса. Потом уселся, обернув хвостом лапы, и заглянул мне в глаза. Наверное, это безумие, но он будто... будто хотел, чтобы я что-то сделала. Но что?

Я поднялась, присела перед окном, пошарила вдоль края плинтуса. Между плинтусом и полом обнаружилась небольшая, не толще лезвия столового ножа, щель. Ничего удивительного для столетнего здания. За прошедшее столетие здание осело, и пол немного перекосялся в сторону окна. Всё, что роняли на пол, обычно скатывалось к стене. Я оглянулась на кота, он терпеливо наблюдал за мной. Я всё ещё держала в руках лиловую скрепку и найденную Геркулесом бусинку. И бусинка выскользнула из моих пальцев.

И тут меня осенило.

Я поднялась на ноги, обошла вокруг стола и встала спиной к двери. Закрыв глаза, я попыталась представить, каким был конференц-зал до ремонта, прежде чем стал кладовой для инструментов и стройматериалов. Нижняя комната почти такая же, как мой кабинет. Должно быть, пол там тоже имеет уклон к окну. Может, там тоже есть щель между плинтусом и полом.

Я поднесла бусинку к свету. Голова немного кружилась.

— Это имеет какое-то отношение к убийству Грегга Истона? — спросила я Геркулеса.

Итак, я дошла до того, что не только думаю, будто у моих котов есть магические способности, они ещё и пытаются подтолкнуть меня расследовать убийство. Я посмотрела на Геркулеса. Он не мигая таращился на меня.

Мозаичную плитку в большей части библиотеки заменили в самом начале ремонта, а на все оставшиеся недели закрыли толстой коричневой бумагой, напомилавшей мне обёртку из лавки мясника, и слоем картона. В кладовой пол был всё ещё покрыт этой бумагой. Команда Винсента Галло тщательно выполнила свою работу. Они бы не оставили бусинку или обрывок бумаги, даже комок пыли. Старик, которому лет семьдесят, а то и девяносто, лично все проверил, ползая на коленях по полу в очках, соскальзывающих с кончика носа.

— А может, и нет, — я покачала головой, снова подошла к окну и выглянула в читальный садик. — Надо бы отдать эту бусинку полиции или позвать Гордона, — сказала я Геркулесу, опускаясь в своё крутящееся кресло.

Только я не могу. Как объяснить, что это может быть важно, не говоря, откуда я её взяла.

Я откинулась на спинку кресла. Геркулес подошёл и уселся прямо передо мной. Я похлопала по ноге.

— Иди ко мне, котик.

Он прыгнул на колени и замурлыкал, когда я его погладила. Я потихоньку стала вращать головой, чтобы расслабить мышцы шеи. Кот продолжал успокаивающе мурлыкать, согревая мои колени. Тёплый. Настоящий. Не какой-нибудь герой комиксов про людей-Х, умеющих телепортироваться или менять ДНК и стреляющих молниями. Геркулес — обычный кот. Пушистый чёрно-белый котик, который на моих глазах прошёл через толстую полуторарадоймовую деревянную дверь. Не могло этого быть.

Однако было. Что мне делать? Идти в полицию нельзя, я не могу сказать им правду, да я и ни в чём не уверена. Но и молчать нельзя? Может, есть какой-нибудь промежуточный вариант? Я устала. Если и есть, сейчас его не придумать.

— Идём домой, — сказала я Геркулесу.

Я встала, посадила кота на стол. Он сердито мяукнул, но добровольно забрался в сумку. Я опять выглянула в окно. Темнело. Я закинула сумку с котом на плечо, сгребла остальные вещи и вышла из кабинета.

— Ладно, дома разберёмся, — я заперла дверь. — Немножко шоколада мне, немножко тунца для тебя — и мы со всем разберёмся.

— С чем? — спросил чей-то голос.

Наверху лестницы стояла Мэгги. Как я забыла, мы же собирались посмотреть у меня специальный выпуск шоу «Танцуй».

Я повернулась, заправила волосы за уши.

— Эмм... я... я думала обо всём, что случилось с тех пор, когда я нашла тело Грегга

Истона.

Мы вместе спустились по лестнице и вышли на улицу.

— Ты как? — Спросила Мэгги.

Я сдула со щеки непослушную прядь и вспомнила, что у меня до сих пор не было возможности рассказать Мэгги о клочке бумаги, который полиция нашла на теле Грега Истона. Я даже чуть не забыла о нём.

— Сама не могу поверить, что не сказала тебе раньше, но в кармане у Истона полиция нашла записку, они считают, что мою, в которой я назначаю ему встречу в библиотеке.

Мэгги так неожиданно остановилась, что я чуть не врезалась в неё.

— Как у него могла оказаться твоя записка? Ерунда какая-то.

— Знаю. — Ремень сумки немного давил на плечо. — Я её не писала. И почерк не мой. Но кто-то подписался моим именем.

Она покачала головой.

— Конечно, ты не писала. Но, очевидно, кто-то хотел, чтобы полиция так думала.

Мы пошли дальше.

— Зачем? — спросила я.

— Потому что этот кто-то знал, что ради него... или нее Истон не придет.

— А ради меня, значит, придет?

Мэгги лукаво посмотрела на меня.

— Кэт, ты не такая уж страшенькая.

— Но я совсем не тип Истона. Как я слышала, он предпочитал женщин, которые ему во внучки годились.

Мы перешли через дорогу и стали подниматься по Маунтин-роуд. Я перекинула сумку с Геркулесом на другое плечо.

— После того, что Оуэн натворил в библиотеке, возможно, Истон решил, что ты хочешь возместить ему ущерб.

Я поморщилась, представив эту картину. Потом поняла. Я остановилась и обернулась к Мэгги.

— Но тогда, значит, тот, кто послал записку, знал, что произошло?

Она кивнула.

— Ну, и кто знал?

— Ты, Сьюзен, Мэри, — я загибала пальцы, перебирая имена. — Вот и всё. Ох, и Эрик муж Сьюзен, я просила ему позвонить, хотела, чтобы Истону доставили завтрак в качестве извинения.

Мы снова стали подниматься на холм и Мэгги заложила руку за голову.

— Ещё кто-нибудь?

— Только коты, — сказала я. — Но не думаю, чтобы они кому-то говорили. И понятия не имею, кто — Сьюзен, Мэри или Эрик...

— ... или даже сам Истон мог сказать, — закончила Мэгги. — Ты видела эту бумажку? Знаешь, что в ней?

— Видела. — Перед глазами всплыла картинка — детектив Гордон, держащий передо мной записку в пластиковом пакете. — Она написана на листке из библиотечных блокнотов. Ты их помнишь? На них написано «Мейбл» вместо «Мейвилл». Их в рабочей комнате две коробки. Там в левом уголке силуэт открытой книги и сверху надпись «Мейбл-Хайтс, Бесплатная публичная библиотека». — Я опять потёрла затылок.

— А в самой записке вот что: «Встретимся в библиотеке в одиннадцать тридцать. Кэтлин».

Мэгги скептически фыркнула, тронула мою руку.

— Детектив, конечно, чересчур уверен в привлекательности Истона, если решил, что тебе захотелось с ним встретиться в полночь среди кучи бумаг.

— Чего-чего, а уверенности ему хватает, Мэгс, — сказала я.

Она улыбнулась, рука, касавшаяся моей, была тёплой.

— Завтра я тут поспрашиваю, посмотрим, что удастся узнать про Истона. Чем он здесь занимался. Никто не поверит, что это ты его убила.

Геркулес в сумке мякнул, соглашаясь. Мэгги подняла руки.

— Слышала? Это даже Лохматой морде понятно. — Она посмотрела на часы, похлопала полотняную сумку, которую держала в руках.

— До шоу пять минут. У меня здесь пакет сырных пирожных и ещё бутылка домашнего вина от Руби.

Я открыла дверь, вошла вслед за Мэгги в дом и сунула в карман ключи. Пальцы коснулись маленькой бусинки из сине-зелёного стекла. Похоже, я не отдам её полиции. Можно попробовать разобраться самой и выяснить, что произошло. Кто-то воспользовался моим именем, чтобы выманить Истона на встречу. И, возможно, убил его. Это не случайный прохожий, не чужой. Кто-то из Мейвилл-Хайтс. Кто-то, кого я знаю.

Игра на гитаре

Я проснулась рано, а когда не получается снова уснуть, я готовлю. К восьми утра на стойке рядом с двойной порцией любимой кошачьей еды для Геркулеса и Оуэна остывала кучка маффинов с черникой и маком. Пока я варила кофе и чистила яйцо, о каждую из моих ног тёрлось по коту. Я налила чашку кофе, поставила на поднос вместе со своим завтраком и горстью кошачьего корма. Потом подобрала у двери газету и понесла всё на задний двор — конечно, в сопровождении котов. Я поставила любимое деревянное кресло, разложила на траве салфетку. Половину кошачьих крекеров высыпала на один край, половину на другой. Геркулес принялся тщательно обнюхивать еду, несмотря на то, что ходил за мной с того момента, как я вынула печенье из духовки. Должно быть, ему понравилось то, что сказал нос — он начал есть, прикрыв глаза от удовольствия. Оуэн, как обычно, утащил пару кусочков и спрятал в траве.

— Оно же там размокнет, — сказала я ему.

Он сердито зыркнул на меня и продолжил таскать крекеры на газон.

За едой я прочла газету. О расследовании смерти Истона — почти ничего, кроме заявления детектива Гордона о том, что оно еще не окончено. Главной темой было — что теперь станет с музыкальным фестивалем. Редакция газеты явно считала, что теперь, без известного дирижёра в роли музыкального руководителя, фестиваль следует закрыть. Мнения читателей, приславших в редакцию письма, охватывали диапазон от продолжения фестиваля без приглашённой звезды до привлечения последнего победителя шоу «Кумир Америки» или даже приглашения Лучано Паваротти, который, к сожалению, уже умер.

Коты закончили завтрак. Оуэн направился через лужайку, должно быть, дремать наверху беседки Ребекки. Геркулес сновал по двору, делал ежедневный утренний осмотр. Я смотрела на него — видимо, прошлой ночью у меня были какие-то вызванные стрессом галлюцинации. Я же знаю, кошки не могут проходить через стены или запертые двери. И собаки не могут, и обезьяны, и змеи, и люди — разве только тараканы. Я, конечно, в курсе слухов о котях из Вистерия-Хилл, но там речь не шла о сверхъестественных способностях. Истории про котов Вистерия-Хилл простирались от безобидных (у всех тамошних котов на лапах по шесть пальцев, но не у моих) до очень странных (те коты уже старше ста лет). Но я ни разу не слышала ни слова про способность котов исчезать, когда захотят. Правда, мне не много удалось узнать про тот полуразрушенный дом или его котов. Большинство просто меняло тему, если я об этом заговаривала. Может, когда я пойду туда с Ромой, удастся выяснить больше.

Герк закончил проверку двора и направился ко мне. Он наскоро обнюхал салфетку, ещё лежавшую на траве, а потом прыгнул на мои колени. Я почесала кота за ухом, он заурчал. На самом деле, я даже рассказать никому не могла о том, что видела. Если кто-нибудь мне поверит, то моих котов просто заберут в какую-нибудь лабораторию с решётками на окнах, побреют и подключат электроды к головам.

— Уж лучше пусть я буду сумасшедшей леди с кошками, — сказала я Геркулесу.

Он замурлыкал ещё громче. Понятно, жизнь с сумасшедшей кошатницей его вполне устраивает. Внезапно кот поднял голову и посмотрел в сторону дома, уши у него зашевелились. Я обернулась, но никого не увидела, правда, это не означало, что там никого нет. Я посадила кота на траву, поднялась на ноги, и тут со стороны дома показался Эверетт

Хендерсон.

— Как ты это делаешь? — прошептала я Геркулесу.

Эверетт Хендерсон — лысеющий, коротко стриженный, с седой бородой, яркими тёмными глазами и живым лицом — напоминал Шона Коннери, так сильно, что я всё время ожидала услышать шотландский акцент. Когда Эверетт, высокий и худой, входил в комнату, на нём сразу же концентрировалось всеобщее внимание. Если он намеревался что-то сделать — это выполнялось. Мне неизвестно, как он заработал своё состояние, но судя по тому, сколько он тратил на библиотеку, денег у него немало.

— Привет, Кэтлин, — сказал он, — извините, что побеспокоил вас за утренним отдыхом.

— Ничего, я просто читала газету и пила кофе. Хотите чашечку?

— А он не без кофеина?

Я сложила крестом указательные пальцы.

— Честное слово, нет.

— Тогда хочу, — улыбнулся он.

— Пойдёмте на кухню, — я указала на заднюю дверь.

Мы с Эвереттом отправились в дом, а оба кота куда-то исчезли. Я налила кофе Эверетту и ещё одну чашку себе. Мы уселись за кухонный стол.

— Хотите маффин? — спросила я. С черникой и маком.

Он покачал головой.

— У меня аллергия на мак.

— Я слышала, бывает аллергия на арахис и моллюсков, а на мак — никогда.

— Это семейное, — Эверетт поднял кружку и сделал глоток. — Ммм, хороший кофе.

— Спасибо.

— Итак, я слышал, вы нашли тело Грегора Истоны, — сказал он. Эверетт — не тот человек, кто станет ходить вокруг да около, думаю, за несколько месяцев я его неплохо узнала.

— Нашла.

— Это вы его убили?

— Нет.

— Да я и не думал, что вы. Не хотел обидеть.

— Всё в порядке, — улыбнулась я. — И ещё — у меня не было романа с мистером Истоном.

Эверетт поставил чашку на стол и рассмеялся.

— Кэтлин, не очень-то похоже, что вы стали бы тайком заводить роман с мужчиной, старым... ну, примерно, как я.

— Вы совсем не старый, Эверетт.

— Старый, конечно, — улыбнулся Эверетт, — но я ценю вашу лесть. Потом его лицо стало серьёзным. — Ко мне приходил детектив Гордон.

Мне следовало догадаться.

— Я дал ему ваши рекомендации и сказал, что лично тщательно проверял вас и проводил собеседование прежде, чем нанять на работу. Сказал, что полностью вам доверяю.

— Я... — слова застряли у меня в горле. — Я... спасибо, Эверетт.

Он допил кофе и отставил чашку.

— А теперь расскажите, как дела в библиотеке.

Я встала, чтобы налить нам обоим ещё кофе, и тут с крыльца в кухню зашёл Геркулес. На секунду я подумала, что, должно быть, не закрыла дверь. Но потом вспомнила, что для Геркулеса дверь не помеха. Кот остановился посреди кухни, пристально глядя на гостя. Эверетт, в свою очередь, воззрился на кота. Казалось, он был потрясён.

— Откуда взялся этот кот? — выговорил он. Эверетт больше не смотрел на меня — похоже, он не мог отвести глаз от чёрно-белого котика, который проявлял к нему такой же интерес.

— Он мой, — медленно сказала я. — Это Геркулес. А Оуэн где-то во дворе, — я глотнула кофе и обожглась. — Вскоре после приезда я осматривалась в городе и случайно забрела в Вистерия-Хилл. Я понимала, что вторгаюсь в чужое владение, но сад и двор были такие прекрасные. И там нашла Оуэна и Геркулеса. Они... пошли за мной, — быстро проговорила я.

Геркулес поднялся и подошёл прямо к Эверетту, по-прежнему пристально глядя на него.

— Из Вистерия-Хилл, — повторил Эверетт.

— Да, — я закашлялась. — А что, нельзя было их брать?

Эверетт наконец взглянул на меня, покачал головой.

— Нет. Ничего такого, — он опять смотрел на Геркулеса. — У моей матери был кот, пропал, когда она умерла. Я... мы несколько дней обыскивали дом и сад, но... — Он умолк, не закончив фразу, и опять покачал головой. — Знаю, это невозможно, кошки столько не живут, но на минуту мне показалось... — он тронул подбородок и снова обернулся к Геркулесу. — Финн, — произнес он, обращаясь скорее к себе, чем ко мне.

Уши Герка дёрнулись, и он сделал шаг вперёд. По моей спине пробежала дрожь.

— Иди сюда, Финн, — снова позвал Эверетт, протягивая руку.

Геркулес двинулся к нему. Я затаила дыхание, в ушах гулко стучало сердце. Кот сделал ещё шаг к Эверетту. И ещё один. А потом полез под кресло Эверетта, пытаясь достать оттуда что-то лапой и не обращая никакого внимания на протянутую к нему руку. Я перевела дыхание и нагнулась — рассмотреть, что прятал Геркулес.

— Что это у тебя там?

На звук моего голоса кот поднял голову, чуть не стукнувшись головой о низ деревянного кресла. Чёрно-белая лапа прикрывала находку.

— Дай-ка посмотрю.

Мы глядели друг на друга, и я победила. Геркулес медленно убрал лапу. Я увидела кошачий крекер. Наверное, упал, когда я снимала с противня.

— Ладно, забирай, — я выпрямилась. — Кошачье лакомство, — пояснила я Эверетту.

Геркулес уже дожёвывал маленький крекер. Он пару раз провёл по морде — думаю, скорее для того, чтобы стряхнуть крошки, чем умыться, а потом залез под стол и устроился у моих ног. Я улыбнулась Эверетту, он ответил мне и снова взял чашку. Какие бы воспоминания не вызвал у него Геркулес, всё прошло.

— У вас есть ещё один кот? — спросил он.

Я кивнула, почёсывая макушку Геркулеса.

— Оуэн. Полосатый.

— Оуэн? — удивился Эверетт.

— Когда ко мне попали эти коты, я читала «Молитву об Оуэне Мине» и каждый раз, когда откладывала книгу, Оуэн на неё усаживался. Так что я думала назвать его либо Ирвинг,

либо Оуэн, — я пожалала плечами. — Но на Ирвинга он не был похож. — Я потянулась за своим кофе.

— А Геркулес? Из древнеримской мифологии?

— Ну да, вроде того. Я его назвала в честь Геркулеса, сына Зевса в чудном исполнении Кевина Сорбо.

Или, как иногда его называла Мэгги, Мистера Пресса в набедренной повязке. Мэгги не испытывала особенного душевного трепета перед дешёвыми телепередачами.

— Вы собирались рассказать, как идёт обновление библиотеки, — напомнил Эверетт.

Ладно. Значит, больше не говорим о кошках.

Я рассказала обо всём — проблемы с сетью, компьютерный зал, планы на распродажу — сильно преуменьшив то, что меня чуть не убило током, и полностью опустив столкновение Оуэна с Грегором Истоном.

— Больно было? — Эверетт потянулся через стол и похлопал меня по руке.

— Всё в порядке. К счастью, в библиотеке оказалась Рома Дэвидсон.

Эверетт поднял бровь, едва заметно улыбнувшись. И я не смогла сдержать улыбку.

— Ну да, она ветеринар, но со мной точно всё хорошо.

Эверетт, добродушно улыбаясь, откинулся в кресле.

— Я совершенно уверен — Лоуренс исправит проблему с сетью. И, думаю, Рома хорошо о вас позаботилась, хотя вы для неё нетипичный пациент. — Он снова заговорил серьёзно. — Счёт Лоуренса сразу же отправляйте в мой офис. Это не должно выйти за рамки бюджета.

— Спасибо. — Я чувствовала облегчение, что не придётся вписывать эти расходы в и без того растянутую смету. — Отправлю.

Эверетт поднялся.

— Спасибо за кофе, Кэтлин. Мне нужно возвращаться в офис. Я могу ещё чем-нибудь помочь?

На мгновение мне захотелось пожаловаться на Уилла Редферна, который постоянно увиливает от работы, так что иногда кажется, будто он хочет, чтобы ремонт в библиотеке никогда не заканчивался. Но это было бы как-то по-детски.

— Нет, — сказала я. — Я позвоню Лите, если что-нибудь понадобится.

Я проводила Эверетта. Он оглянулся, потом прошёл через лужайку посмотреть на розы, ещё цветущие в уголке двора.

— У вас, похоже, лёгкая рука, Кэтлин. Эти розы никогда так хорошо не выглядели. — Он нагнулся и понюхал бело-розовые лепестки. — Знаете, это кусты из Вистерия-Хилл. Их принёс сюда Гарри-старший. Сказал, грех бросать их там, у пустого дома.

Этого я не знала. Я открыла рот, чтобы спросить, почему поместье забросили, но Эверетт уже выпрямился и посмотрел на дом Ребекки.

— Вы общаетесь с Ребеккой?

— С того дня, как переехала сюда, — я улыбнулась, вспомнив. — Ребекка пришла с тарелкой булочек с корицей, ещё тёплых, и металлическим кофейником.

Как глупо — я не догадалась, что Ребекка и Эверетт знают друг друга. Мейвил-Хайтс — маленькое местечко, а они оба примерно одинакового возраста, где-то за пятьдесят. Иногда я всё ещё рассуждаю как обитатель большого города.

— И как она? — спросил Эверетт.

На минуту мне показалось, что он собирается пройти за живую изгородь. Может, у них с Ребеккой было что-то в прошлом, или я просто начиталась сестёр Бронте?

— Она в порядке. Занимается тай-чи. И меня уговорила присоединиться.

— Представляю, — он наконец опять посмотрел на меня, провёл рукой по голове. — Звоните мне в офис, если что понадобится. И не беспокойтесь насчёт этой истории с Истоном. Всё встанет на свои места.

Он похлопал меня по плечу. Эвететт пересёк двор и вышел на улицу. Я смотрела вслед и уже собралась было вернуться в дом, когда в дыре садовой изгороди появилась голова Оуэна. Он увидел меня и громко замяукал. Это значило — иди, возьми меня.

— Давай сам, — сказала я ему.

Он уселся и снова завыл.

— Ты же можешь ходить, — сказала я. — Я не собираюсь тебя носить.

Я стояла, скрестив руки, наблюдая, что он станет делать.

Оуэн подождал минуту, встал и поплёлся ко мне. Что-то свисало у него изо рта, это заставило меня подойти к нему, посмотреть. Кот, как ни в чём не бывало, посмотрел на меня жёлтыми глазами. Между зубов свисало что-то вроде обрывка бахромы.

— Что тут такое? — я потянулась, и он услужливо подошёл поближе. Это действительно оказался перекрученный кусочек бахромы. — Оуэн, ты где это взял? — спросила я. Похоже, бахрама такая же, как на том шарфе, который Ребекка забыла на тай чи во вторник вечером. — Оуэн, — строго сказала я, — ты оторвал это от шарфа Ребекки?

Кот внезапно очень заинтересовался чем-то, ползающим по земле перед ним. Отлично. Один кот у меня проходит через стены, а второй, похоже, превращается в клептомана. Я склонилась к нему.

— Это очень нехорошо. — Я потрясла обрывком бахромы перед его мордочкой. — Ты зачем это сделал?

Оуэн поднял голову, внимательно осмотрел мои ноги, потом сел и принялся намывать мордочку.

— Мисс Поулсон, — раздался голос за моей спиной. Детектив Гордон.

Я на секунду закрыла глаза, сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Потом обернулась, изобразив самое приятное и невинное выражение лица. Детектив направлялся прямо к нам.

— Мы еще не закончили, — прошипела я Оуэну, наклонившись, якобы поправляя туфлю для прикрытия, чтобы полицейский офицер не поймал меня на разговоре с котом. Не раздумывая о том, что делаю, я сунула кусочек бахромы в задний карман брюк.

— Доброе утро, детектив.

Он взглянул на Оуэна, продолжавшего умываться. Не помню, чтобы когда-нибудь кот намывал свою мордочку столь тщательно.

— Это ваш кот?

— Да, мой. Оуэн.

— Привет, котик. — Он протянул руку Оуэну, понюхать. Оуэн проигнорировал этот жест, старательно продолжая умываться.

Детектив слегка пожал плечами и выпрямился.

— Мисс Поулсон у меня есть ещё пара вопросов, если вы не против.

Интересно, что он сделает, если я скажу, что против? Но сказала только «пожалуйста».

— Как вы вошли в театр во вторник утром?

— Через заднюю дверь.

— Вы трогали панель сигнализации?

— Я понятия не имею, где она.

Почему он ничего не записывает? Полагается на свою память, или моя реакция на вопросы для него интереснее ответов? Оуэн наконец закончил умывание.

— Вы включали какие-нибудь лампы? — спросил Гордон, отодвигая повыше закатанные рукава рубашки. Руки у него были очень загорелые.

Я покачала головой.

— Нет.

— Вы помните, какое там было освещение?

Я на секунду прикрыла глаза, вызывая в воображении Стрэттон.

— Над задней дверью одна лампа, и ещё горели несколько светильников на сцене. Потому я и заметила ту маленькую серебряную нотку.

— И всё?

— Нет, — я мысленно окинула взглядом зрительный зал и медленно заговорила. — Был ещё неяркий свет, где-то в глубине.

Я подняла руки, чтобы восстановить перспективу. — С этой стороны, — я пошевелила левым мизинцем и открыла глаза. — Свет был слева, если смотреть вглубь зрительного зала.

Он кивнул. Значит, я правильно ответила? Оуэн ещё сидел у моих ног. Я наклонилась, взяла его, и Гордон снова протянул к нему руку. Оуэн вывернулся в моих руках и теперь внимательно смотрел куда-то за моё правое плечо. Мне пришлось объяснять:

— Оуэн не любит, когда его трогает кто-то кроме меня. Он был бездомным. Оба моих кота дикие.

— Из сада Хендерсона?

Я кивнула.

— Как вам удалось приманить их?

Я почесала Оуэна под подбородком. Он прижался головой к моей щеке, но я чувствовала, что тело под пушистой шкуркой напряжено — на случай, если ему придётся защищать мою честь. Может, он готовился прыгнуть детективу Гордону на голову?

— На самом деле, они просто пошли за мной, — сказала я. — Они были маленькие, а я не смогла найти их мать.

Оуэн лизнул мой подбородок, это было щекотно, и я засмеялась.

— Они пошли за вами? — Детектив казался... удивлённым. — Никогда не видел, чтобы те коты позволяли кому-нибудь приблизиться к ним, даже доктору Дэвидсон.

Теперь настал мой черёд удивляться.

— Вы были в Вистерия-Хилл?

Детектив неожиданно покраснел, глядя под ноги.

— Так, немного помогали доктору Дэвидсон.

Он помогал Роме. Вот чёрт! Теперь мне будет труднее плохо к нему относиться. Оуэн извивался в руках, я опустила его на траву, и он пошёл к дому.

— Может, чашечку кофе, детектив Гордон? — спросила я. Раз он помогал Роме, не стоит держать на него обиду. — Я сделала маффины. С черникой.

Он улыбнулся.

— С удовольствием выпью чашечку кофе. И не откажусь от маффинов.

Мы прошли через двор к задней двери, где уже ждал Оуэн. Он проводил нас на кухню. Я наливала кофе, а детектив прислонился к кухонной стойке. Кот уселся у холодильника, тарашась на остатки кошачьего печенья на проволочной сушилке. Я протянула Гордону

тарелку и кивнула в сторону маффинов.

— Угощайтесь, пожалуйста.

Я поставила на стол кружки, а когда обернулась — обнаружила, что он уже собрался съесть кошачий крекер с запахом сардин. Я рассмеялась. Он изумлённо смотрел на меня, рука с кошачьим угощением замерла на полпути ко рту.

— Я хотела предложить вам маффины, — меня одолевал смех, — но если предпочитаете кошачью закуску с сардинами и сыром — на здоровье.

Он выронил крекер, как будто обжёгся. Оуэн молнией метнулся через кухню, схватил своё угощение и утащил подальше, к холодильнику.

— Простите, — пробормотал детектив, — пахло так вкусно.

— Да, по утрам нет ничего приятнее запаха сардин, — улыбнулась я, положила пару маффинов на пустую тарелку и поставила рядом с его чашкой.

Оуэн уже съел крекер и подобрал с пола все крошки. Он смотрел, как детектив Гордон снимает с маффина бумагу и разламывает его пополам. Поскольку детектив временно перестал задавать вопросы, я решила тоже кое о чём его спросить.

— Скажите, детектив, мистер Истон каким-то образом заходил в кладовку моей библиотеки?

Надо отдать детективу должное, он даже не удивился вопросу.

— Похоже на то, — он сделал глоток кофе.

— А кровь на полу — это его?

— Я пока не уверен. Возможно, там кровь не одного человека.

Я отпила из своей чашки.

— Но вы нашли что-нибудь, подтверждающее, что он там был — кроме той запонки?

Рот у детектива был занят маффином, так что он просто кивнул. Я вспомнила прошлую ночь, когда пыталась стереть с двери свои отпечатки, как какой-то сумасшедший преступник.

— Значит, вы нашли его отпечатки, — сказала я.

— И очень чёткие, — ответил он, смахивая со рта крошки.

Мне хотелось ещё кофе. Я долила свою кружку и потянулась через стол, чтобы наполнить кружку детектива.

— Спасибо, — сказал он.

Я опустилась на стул и увидела, что Оуэн подошёл к нам поближе.

— Вы уже узнали, как умер Истон? Сердечный приступ?

— Нет, — он покачал головой.

Я обеими руками ухватила за свою чашку.

— Та рана на его голове. Кто-то его ударил.

— Я этого не говорил.

— Но не сказали и про естественную смерть. Если бы вы думали так — не задавали бы вопросов.

— Верно, — он кивнул и начал снимать обёртку со второго маффина. — Ладно, могу подтвердить, что смерть мистера Исто́на была подозрительной.

Это я уже и так поняла.

— Вы меня арестуете?

Кажется, этот вопрос тоже не удивил детектива.

— Нет, — сказал он.

— Почему?

— Простите? — краем глаза детектив наблюдал за Оуэном.

— Почему вы меня не арестовываете? — я спрашивала не для того, чтобы подразнить его. Ну, не только для того, мне правда хотелось узнать.

— Гарри Тейлор видел, как вы возвращались домой, примерно в восемь тридцать. Миссис Никсон сказала, свет у вас зажёгся сразу после вечернего шоу. А доктор Дэвидсон видела, что он погас около половины двенадцатого, когда она выходила из дома миссис Никсон. — Называя очередное имя, детектив загибал палец на левой руке.

Я помнила, что помахала рукой Гарри-младшему, проходившему мимо, когда я шла по дорожке, но не могла бы сказать, горел ли свет у Ребекки или была ли машина Ромы возле её дома. Хорошо, что они оказались внимательнее меня.

— Значит, если бы у меня была встреча с Истоном в одиннадцать тридцать, как сказано в записке, я бы не успела.

— Да, — улыбнулся он мне. Его невозмутимость вызывала во мне детское желание позлить его.

— А может у меня таймер на выключателях, — спросила я, подняв бровь. Люблю так делать, получается, как у мистера Спока из «Звёздного пути».

— Возможно, — он допил свой кофе и отставил чашку.

Его отношение ко мне изменилось. Интересно, это из-за того, что люди за меня ручаются, или у него есть другой подозреваемый, получше? Я встала.

— Хотите осмотреть дом, узнать, есть ли таймер?

— Не стоит, — сказал он. — Спасибо за кофе и маффины.

— Да не за что.

Он остановился у двери, нагнулся и положил на пол в паре шагов от Оуэна несколько кошачьих крекеров. Кот насторожился ещё до того, как крекеры коснулись пола.

— Кис-кис, — позвал Гордон.

Оуэн во все глаза смотрел на детектива и на маленькую горку угощения. И как это Гордону удалось припрятать печенье так, что я не заметила? Нос Оуэна дёргался. Усы дрожали. Он поднял лапу. Детектив Гордон поймал мой взгляд и улыбнулся. Самодовольно улыбнулся.

Оуэн начал мыть мордочку.

Я улыбнулась в ответ — извиняясь, и совсем не самодовольно.

— Это не только с вами так, — я пожала плечами. — Эти коты не пойдут ни к кому, кроме меня.

Детектив будто и не слышал.

— Иди сюда, — он продолжал потихоньку подзывать Оуэна.

Кот замер с лапой за ухом. Потом опустил её. Сделал шаг вперёд. И ещё один. Не сводя взгляд с детектива, кот осторожно подошёл ближе, зацепил крекеры лапой, подтащил к себе и отступил назад. Потом нагнулся и с явным удовольствием съел верхнее печенье из кучки.

Детектив Гордон с усмешкой взглянул на меня — сдержанно, но, без сомнения, насмешливо.

— Всего доброго, мисс Поулсон, — сказал он. И ушёл.

Кухню наполнял хруст крекеров.

— Спасибо, что не подвёл, Оуэн, — сказала я.

Он даже не потрудился взглянуть на меня, продолжая чавкать.

Примечание: кошкам плевать на сарказм.

Грива дикой лошади

— Мелкий кошачий предатель! — сказала я Оуэну.

Он взглянул на меня, к носу и усам прилипли крошки. По мнению Оуэна, кошачья честь это одно, а печеньки — совсем другое. На крыльце послышалось мяуканье. Я оставила Оуэна размазывать остатки лакомства по полу и морде и вышла посмотреть, что там с Геркулесом. Он сидел на скамейке у окна.

— Твой братик спелся с моим врагом, — сказала я.

Герк понюхал мою руку. Ну ладно, детектив Гордон не совсем уж враг. Но он мне и не друг. Я выглянула в дверь и заметила в беседке Ребекку, неуклюже пытавшуюся подметать.

— Пошли, — сказала я коту. — Я не вижу Эми, а Ребекке нужна помощь.

Он спрыгнул и подошел к двери. Я остановилась, чтобы сунуть ноги в садовые шлепанцы, которые скинула, когда пригласила детектива Гордона на кофе. Герк нетерпеливо мяукнул.

— Вчера закрытая дверь тебя не остановила, — напомнила я, выпуская его.

Он дернул хвостом, спустился и направился к Ребекке.

О мою ногу снова потерся мех: Оуэн выглянул во двор.

— Мы идем к Ребекке.

При звуке ее имени Оуэн потрусил к изгороди. Я пошла за котами, хотя больше их не видела.

— Привет, Кэтлин, — сказала Ребекка, заметив меня. — Прекрасное утро, да?

— Точно, — ответила я, поднимаясь на три ступеньки беседки и забирая у нее метлу. — Я доделаю.

— Не надо, — запротестовала она. Позади нас мяукнул Геркулес, Ребекка обернулась, а я начала подметать.

Герк стоял передними лапами на верхней ступеньке.

— Привет, Геркулес, — Ребекка наклонилась к коту.

Я стала мести к ним.

— Какая у тебя сегодня блестящая шерсть, — сказала она.

Кот мотнул головой. Смутился от комплимента?

— Сардины, — сообщила я.

Ребекка озадаченно посмотрела на меня.

— Его шерсть. Сьюзен сказала добавить в меню котам сардины. Она считает, что это от них у ее собаки такая красивая шерсть.

Ребекка хлопала себя по щекам.

— Как думаешь, а от морщин они помогут?

— Может и да, но они разрушат твою социальную жизнь, — улыбнулась я. — Ну вот, — сказала я, закончив подметать, — что еще делать?

— Ничего, — ответила Ребекка, — спасибо. Через пару часов из театра вернется Эми, и я хотела накрыть здесь ланч.

— Из театра? Значит, фестиваль не отменили?

Ребекка пожала плечами и взяла со скамейки цветастую скатерть.

— Я знаю не больше тебя.

Я помогла развернуть скатерть. Геркулес наблюдал за нами с перил.

— Оргкомитет созвал всех участников на совещание, — сказала Ребекка, — но не думаю, что они уже что-то решили.

Мы расстелили скатерть, и Ребекка разгладила складки. Ветерок подхватил ткань и завернул ее на стол. Я огляделась.

— Ребекка, а где подвески для скатерти?

— Посмотри в сарае, — она указала на маленькое строение в дальнем углу сада.

— Сейчас, — сказала я, спускаясь по ступеням.

— На полке под окном, — крикнула она мне вслед.

Заодно я захватила и метлу, чтобы поставить на место. Садовый сарайчик Ребекки, окрашенный той же серовато-голубой краской, что и дом, походил на маленький коттедж, в котором могли бы жить сказочные три медведя или Гензель и Гретель. Дверь была открыта. Я зашла внутрь, поморгала, чтобы глаза привыкли к смене света, поставила метлу за дверью и обернулась к окну. Подвески, как и сказала Ребекка, лежали на полке.

Подвески для скатерти, изделие Мэгги, представляли собой причудливых керамических эльфов, фей или горгулий, висящих на шнурке с зажимом. Они прикреплялись снизу к углам скатерти и весили достаточно, чтобы помешать лёгкому ветерку завернуть её в миску с картофельным салатом — правда, в не слишком ветреную погоду.

Я сгребла подвески — четырёх ухмыляющихся, пышнотелых, немного легкомысленного вида крылатых фей — и повернула к двери. Глаза уже совсем привыкли к полумраку, так что я никак не могла не заметить справа от двери Оуэна, опирающегося передними лапами на верхний край мусорного контейнера. Во рту он держал кусок бумаги.

— Оуэн, — окликнула я. Кот обернулся на звук голоса. — Ты что делаешь? Положи обратно! — Я старалась говорить потише, чтобы не услышала Ребекка.

Оуэн опустил на все четыре лапы, но листок бумаги так и остался у него в пасти.

— Положи это обратно! — я кивнула в сторону мусорного ящика, стараясь, чтобы голос звучал строго. Шагнула к коту. — Положи сейчас же!

Оуэн, вытянув шею, разглядывал картон и бумажки, сложенные в ящике сверху. А потом бросился бежать. Я рванула за котом, но схватить его шансов не было. Нельзя поймать то, чего не видишь. В тот самый миг, как Оуэн кинулся прочь, он просто... исчез, растаял за одну секунду.

Я села на порог, прислонившись к дверному косяку. Один мой кот умеет проходить через стены, а другой — исчезать, а теперь он ещё и клептоманом становится. Мой кот превратился в вора-домушника. Я потёрла затылок. Если бы это случилось с кем-то другим — было бы смешно. В руках я всё ещё держала подвески Ребекки. Размышлять о суперспособностях моих котов некогда. И даже нет времени искать этого разбойника Оуэна. Ещё парочка глубоких вдохов, и я грохнусь в обморок от гипервентиляции легких прямо на пол сарая. Так что я заправила волосы за уши и отправилась в беседку.

— Нашла? — спросила Ребекка.

— Давай я их прикреплю.

Я опустилась на колени у стола. Цепляя к скатерти фей, я, насколько могла, оглядела двор. Ни следа моего клубка серой шерсти, ни даже летающей по двору бумажки. Я обошла стол, прикрепилась там подвески и проверила, ровно ли свисают края скатерти.

— Замечательно, спасибо, — сказала Ребекка, разглаживая складочки. — Может, зайдёшь попозже и присоединишься к нам? Я сделала лимонный пирог с кремом.

Я громко вздохнула, сдувая со лба чёлку.

— Люблю твой лимонный пирог. Но сегодня мне надо пораньше в библиотеку.

— Ну, тогда хоть возьми домой кусочек.

Как я могла отказаться?

— Я принесу тебе пару стульев из сарая, — сказала я.

— Спасибо, не стоит, — отмахнулась Ребекка.

— Мне не трудно. За кусочек твоего лимонного пирога я бы и из библиотеки стулья притащила.

— Ладно, принесу тебе кусочек, — рассмеялась она.

Оуэна в сарае не было. Ну, по крайней мере, я его не видела. Я быстро осмотрела задний двор и не увидела кота. Правда, это не означало, что его там нет. Я подхватила под каждую руку по стулу и двинулась назад, к беседке, оглядываясь, нет ли поблизости кота. Наверное, ушёл домой. В моём дворе Оуэна тоже не было видно, но зато я увидела Мэгги.

— Мэгс, — окликнула я.

Она обернулась и, улыбаясь мне, подняла повыше коричневый бумажный пакет. Должно быть, принесла мне чернику, как обещала. Мэгги нырнула в просвет живой изгороди и подошла ко мне.

— Черника?

— Только утром собрана.

— Спасибо, — сказала я. — А у меня есть маффины. Вот только отнесу Ребекке стулья.

— Я помогу, — Мэгги поставила пакет с черникой на широкие перила беседки и забрала у меня один из складных деревянных стульев.

Мы поставили стулья напротив друг друга за столом. Мэгги остановилась, зачарованно глядя на кедровые балки над головой.

— Красиво, — сказала она, продолжая рассматривать крышу беседки. — Смотри, какие симметричные линии. — Мэгги всегда и на всё смотрела взглядом художника. Она указала на высокие опоры, поддерживавшие конструкцию. — Уверена, это строил Гарри.

— Его отец, на самом деле, — сказала сзади Ребекка.

Я и не слышала, как она вышла из дома. В руках она держала пластиковый контейнер. Судя по размеру, в нём было далеко не единственный кусочек пирога.

— Привет, Мэгги, — сказала Ребекка. — Хороший денёк, да?

— Прекрасный. Как и твоя беседка.

— Спасибо, — Ребекка хлопнула ладонью по перилам. — Но это Гаррисон — старый Гарри — заслуживает похвалы. Это он построил, я только сказала ему, чего хотела.

— Без плана? — удивилась я.

— Да, — кивнула Ребекка. — Он говорил, что представляет беседку в уме, остаётся только сложить все детали.

— Невероятно, — пробормотала Мэгги. Потом серьёзно взглянула на Ребекку. — Ребекка, я должна извиниться. На последнем занятии я задала тебе слишком личный вопрос о лечении травами. Это было невежливо. — Она сцепила пальцы, щёки покраснели от смущения.

— А я вела себя как нудная подозрительная старуха, — ответила Ребекка. — С удовольствием расскажу о своей матери и её лекарствах... если тебе ещё интересно.

— Да, очень, — обрадовалась Мэгги.

— Мамины записи на чердаке, — Ребекка оглянулась на дом. — Если вас не испугает немножко пыли и паутины, можно посмотреть наверху.

— Пыль, паутина, гигантские пауки — ничего страшного, — обрадовалась Мэгги.

Они тут же договорились на воскресный вечер. Я услышала, как Мэгги упомянула чернику, а Ребекка сказала что-то насчёт пирога. И ни одна из них не заметила, как к ступенькам беседки, подпрыгивая, прибилась кусочек бумаги. Оуэн. Я наклонилась, ухватила для прикрытия пакет с ягодами и попыталась изобразить прогоняющий жест в сторону свёрнутой бумажки, которая неподвижно зависла дюймах в шести над землёй.

— Брысь! — шёпотом сказала я.

Бумажка двинулась вокруг беседки, я очень надеялась, что к проходу в живой изгороди, и подумала — надо было сказать «покажись». Я перегнулась через перила. Бумажка неторопливо двигалась.

— Уходи, — тихонько повторила я.

— Ты что-то сказала, Кэтлин? — раздался голос Ребекки за моей спиной. Они с Мэгги смотрели на меня.

Я порадовалась, что Оуэна не видно, а потом сообразила, что в этом-то и проблема.

— Я... просто мне пора идти. Могу я ещё что-нибудь для тебя сделать?

— Ты и так очень помогла мне, Кэтлин, спасибо, — она протянула мне пластиковый контейнер. — Не забудь пирог.

— Ни за что, — я взяла контейнер и прижала к себе. — Если тебе что-нибудь понадобится, а Эми поблизости не будет, ты знаешь, где меня найти.

Она кивнула.

— Увидимся в воскресенье, — сказала ей Мэгги, спускаясь за мной по ступенькам. Ребекка помахала нам вслед.

— А с чем пирог? — спросила Мэгги, глядя на контейнер, когда мы пробрались через изгородь.

Я внимательно осматривала двор в поисках мелкого серого полосатика или кусочка бумаги, движущегося словно сам по себе. Ничего.

— Что? — переспросила я, потом поняла вопрос. — А, лимонное безе.

— Люблю лимонное безе.

— Да, его все любят, — рассеянно ответила я. Где же Оуэн? Возможно, он у задней двери, и я очень надеялась, в реальном виде. Я задумалась и прослушала слова Мэгги.

— Так ты мне поможешь? — она выжидательно смотрела на меня.

— Эмм... да, конечно помогу.

Интересно, на что же я только что согласилась?

Мэгги рассмеялась.

— Что? Что смешного?

— Просто я сказала, что бросаю искусство, чтобы стать стриптизершей в Вегасе, а ты согласилась помочь мне смастерить костюм из голубиных перьев.

Я почувствовала, что краснею.

— Что с тобой сегодня?

Ну что тут скажешь? Один мой кот повадился красть, другого Эверетт принял за любимца своей покойной матери, а полиция продолжает задавать вопросы и пытается переманить Оуэна на тёмную сторону. К тому же я приняла намного больше кофеина, чем следовало. Я решила поделиться с Мэгги только двумя последними пунктами этого списка.

— Приходила полиция, и ты угощала их завтраком? Опять? — Мэгги удивлённо посмотрела на меня.

Я постаралась не врать.

— Ну, только один полицейский, детектив Гордон, и я угостила его не завтраком, только кофе.

Она сложила руки на груди, не сводя с меня глаз.

— И мафф... ладно, парой маффинов, но они лежали на кухонном столе, не предложить было бы невежливо.

Я остановилась перевести дыхание.

— Этот человек считает, ты резвилась с Грегором Истоном, а ты боишься, что он сочтёт тебя невежливой? — Мэгги покачала головой.

Я не могла не рассмеяться.

— Ну, что поделатъ, если я так хорошо воспитана?

— Ты безнадёжна, — усмехнулась Мэгги, качая головой. Потом заговорила серьёзно. — Чего же он хотел? Кроме бесплатного завтрака.

Я смахнула со лба чёлку.

— Ну, похоже, я опускаюсь вниз в списке подозреваемых.

— А я тебе говорила, — подняла палец Мэгги, — никто не поверит, что ты могла кого-то убить.

Я заметила, как что-то мелькнуло за её плечом. Оуэн восседал в моём любимом голубом деревянном кресле, наблюдая за нами — неподвижный, как статуя, но на этот раз вполне реальный. Передней лапой он прижимал кусочек бумаги. Я облегчённо вздохнула, открывая дверь.

— Помогло, что и Ребекка и Рома смогли подтвердить, где я была, хоть на какое-то время. И Гарри тоже.

Я вспомнила, как детектив Гордон отказался от предложения осмотреть дом, чтобы узнать, есть ли у меня таймер на выключателях. — У меня такое чувство, что теперь внимание полиции сосредоточено на ком-то другом.

— Давно пора, — удовлетворённо кивнула Мэгги.

Я остановилась у двери.

— Хочешь чашечку кофе? А маффин с черникой? У меня ещё есть печенье с сыром и сардинами.

Мэгги скривилась, потом изобразила улыбку.

— Хорошие крекеры с сыром и сардинами, конечно, очень привлекательны, но боюсь, мне придётся отказаться. У меня сегодня дополнительная смена в магазине. Досада! — она притворно тяжело вздохнула, потом улыбнулась по-настоящему. — Пойдёшь утром по магазинам?

— Ага.

— Хочешь позавтракать у Эрика?

Завтрак у Эрика. Домашний хлеб с корицей. Омлет с сыром и грибами. Гранола с изюмом. Я знала, что у Эрика проводят время многие из приглашённых на фестиваль — меню там замечательное, хоть и разношёрстное. Неизвестно, будет ли там кто ранним воскресным утром, но посмотреть стоило, и вообще, я сто лет не завтракала у Эрика.

— Давай, — сказала я.

Мы поболтали немного, и Мэгги ушла. Я подождала, пока она отойдёт подальше, и вернулась к Оуэну, он всё ещё сидел в моём кресле, как лохматая садовая фигурка. Лапа по-прежнему прижимала кусок бумаги из мусорного ящика в сарае.

— Да что с тобой такое? — сказала я. — сначала отгрыз кусок бахромы с шарфа Ребекки, теперь стянул что-то из её мусорной корзины.

Я попыталась взять бумагу, но кот крепко держал её лапой.

— Если это такой протест против того, что я попросила Ребекку не покупать тебе больше кошачьей мяты — это не сработает. — Я опять потянула бумажку. — Давай сюда.

Кот, прищурившись, смотрел на меня, будто обдумывая мои слова.

— Хочешь ещё крекеров? Тогда убери лапу.

Оуэн ни минуты не сомневался, даже для вида. Он поднял лапу, и я взяла листок. Это был обрывок ксерокопии каких-то нот. Написано Грегором Истоном. Я уже готова была услышать тему из «Сумеречной зоны». Сначала Геркулес нашёл что-то, возможно, связанное с убийством Истоном, а теперь и Оуэн. Может, они на самом деле стараются... помочь мне? Я покачала головой. Безумие. С другой стороны, исчезающий кот — это тоже противоречит здравому смыслу. Оуэн смотрел на меня. Чувствуя себя слегка глупо, я оглянулась, чтобы убедиться, что мы одни.

— Ладно, попробую... постараюсь поверить, что ты не просто так это притащил.

— Что в нем такого? — я помахала нотным листком перед носом кота. — Эми постоянно здесь, и она поёт на фестивале. Хорошая попытка, но это ничего не значит.

Оуэн сердито мяукнул. Я сгребла его одной рукой, шлёпнулась в садовое кресло и посадила кота на колени.

— Да ладно, — я почесала его под подбородком, — ты ведь не думаешь, что Эми как-то причастна к смерти Истоном?

Я попыталась представить, как Эми, которая прошлой ночью выносила из беседки Ребекки паука в китайском соуснике, вместо того чтобы просто раздавить, убивает Грегора Истоном. Да хоть кого-нибудь.

Я снова посмотрела на обрывок нотного листа.

— Знаешь, чего я не пойму? — спросила я кота, — Зачем кому-то хотеть смерти Истоном? Он здесь чужой. И он здесь не так долго, чтобы разозлить кого-то до смерти.

Вместо ответа Оуэн помял передними лапами мой живот.

— Когти! — напомнила я, когда лапа царапнула через майку.

— Думаешь, Истон был тут не совсем чужой?

Оуэн громко мяукнул.

— Возможно, ты и прав, — сказала я. — Вайолет была учительницей музыки. Может, она его знала?

Мне трудно было представить изящную и элегантную Вайолет, заманивающую Истоном на тайное свидание в публичную библиотеку. Я устроилась в кресле поудобнее, вытянула ноги. Тогда Руби. Она участвует в фестивальном хоре. Но и её у меня не получалось представить приглашающей Истоном на личную встречу. Руби, скорее, открыто бросит вызов. В газетах писали, что Истон получил музыкальное образование в колледже-консерватории при университете Цинциннати. Кажется, Эверетт говорил мне, что изучал менеджмент в университете Цинциннати? Нет, невозможно вообразить, что Эверетт связан со смертью Истоном.

Никого из знакомых невозможно представить. Но ведь кто-то, кого я знаю, воспользовался моим именем, чтобы выманить Грегора Истоном на свидание. И не сознался в этом. Кто-то из знакомых хотел, чтобы я была связана с этим убийством. Я думала, что за несколько месяцев в городе успела найти друзей. И что теперь? Возможно, для них я более

чужой человек, чем мне казалось.

Оуэн закрыл глаза и растянулся у меня на коленях. Я погладила его шёрстку. Невозможно же подозревать всех, кого знаешь. Я должна что-то с этим сделать. Самое логичное — начать с личности убитого. Может, если узнать побольше про самого Исто́на, я сумею понять, был ли он связан с кем-то в Мейвилл-Хайтс и хотел ли кто-нибудь его смерти.

Оуэн вдруг открыл глаза, встряхнулся, спрыгнул на землю и направился к парадной двери. Я тоже поднялась. Записку, украденную Оуэном, я сунула в карман, к кусочку бахромы от шарфа Ребекки. Из-за дома показался Гарри, толкающий перед собой газонокосилку.

— Доброе утро, — сказала я.

Гарри косил траву у библиотеки и возле моего дома. Я понятия не имела, сколько ему лет, наверное, около шестидесяти.

Годы работы на солнце оставили морщины на его лице, а когда он как-то снял кепку, чтобы вытереть вспотевший лоб, я увидела, что он почти совсем лысый, а остатки волос были цвета «соль с перцем».

— Доброе, — сказал Гарри. — Вы не против, если я скошу ваш газон пораньше? Собирается дождь.

— Конечно, — кивнула я.

Небо над головой было чистое, ярко-голубое, ветер нёс белые облачка, похожие на кусочки ваты. Но раз Гарри сказал, что будет дождь, значит будет дождь. Прогнозы тут ни при чём — он определял погоду по птицам, листьям, запаху ветра, а также и по тому, что говорит его дважды сломанная левая нога. Гарри, кроме того, большой любитель чтения. Он брал «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына и продлевал срок дважды, так что, думаю, действительно прочёл всю книгу. Лицо Гарри, казалось, всегда освещала улыбка, даже если на самом деле он не улыбался. Сейчас я сама улыбнулась ему.

— Спасибо, что сказали полиции про то, как видели меня во вторник ночью.

— Я же видел, — сказал он.

Я слегка смутилась.

— Да, — я сунула руки в задние карманы, — но вы не обязаны были вмешиваться.

Гарри стянул кепку, провёл рукой по лысине и надел снова.

— Кэтлин, не знаю, что случилось с Исто́ном, но понятно, что вы не имеете к этому отношения. Вы любите книги и уже несколько месяцев работаете над восстановлением библиотечного здания. И просто невозможно, чтобы вы ударили кого-то по голове, а потом позволили ему залить кровью вашу библиотеку, — он покачал головой, чтобы усилить эффект от своих слов. — Так я и сказал детективу Гордону.

Значит, поэтому детектив казался менее подозрительным? Неужто слова Гарри так много значили?

— О... спасибо, — я закашлялась. — А вчера я познакомилась с вашим братом.

— Да, он сказал, что делал для вас кое-какую работу.

— Орен говорит, он хороший электрик.

— Пожалуй. А если у вас с ним будут проблемы — дайте мне знать. — Гарри нагнулся над косилкой. — Он не настолько большой, чтобы я не смог взять его за ноги и свесить с крыши. — Он ухмыльнулся, что, как я надеялась, означало, что это шутка, и потянул шнур стартера косилки.

Я пошла в дом, убралась на кухне и сделала сэндвич с индейкой и салатом, чтобы взять на работу. На столе я увидела ожерелье, подарок Руби. Я надела его на шею. Неизвестно, может ли кристалл отгонять негативную энергию, но не повредит. Гарри и газонокосилка переместились от задней стороны дома к фасаду. Я вышла на крыльцо, поискать Оуэна и Геркулеса. Котов ни следа, но зато в моём голубом деревянном кресле на заднем дворе сидел Санта-Клаус.

Работа прекрасной леди

Ну ладно, в кресле на моём заднем дворе сидел не настоящий Санта, а просто пожилой джентльмен, один в один Санта-Клаус, только без огромного живота, трясущегося, как миска желе. У него были густые белые волосы и белая борода, казавшаяся мягкой, как пух одуванчика. Я открыла дверь и спустилась на лужайку, намереваясь выяснить, с чего это двойник Санта-Клауса сидит в моём любимом кресле. Увидев, что я иду к нему, он с усилием поднялся на ноги — из садового деревянного кресла не всегда легко выбраться.

— Добрый день, — сказал он, протягивая руку. Пожатие оказалось крепким, в голубых глазах поблёскивали искорки. Вряд ли я его когда-нибудь видела, однако в нём было что-то очень знакомое. — Пытайтесь вспомнить, встречались ли мы с вами раньше?

Так значит, он не только выглядит как Санта-Клаус, он ещё и читает мысли, как маг Крескин. Старик, всё ещё удерживая мою правую руку, накрыл её левой, и я почувствовала тепло.

— Я Гаррисон Тейлор, — сказал двойник Санты, — но все зовут меня Старым Гарри. Надеюсь, ты не против, что я тут хозяйничаю, — он указал на кресло позади.

— Нисколько, — я осторожно сжала его руку. — Я так рада наконец познакомиться с вами.

— Я тоже рад тебя видеть, — сказал он. — Я чувствовал себя как старый вонючий пёс, брошенный в этом пикапе с едва приоткрытым окном. Но я любопытный старикашка, и хотел посмотреть, как идут дела. — Он похлопал мою руку и наконец отпустил её.

— И как по-вашему? — спросила я.

Он не спеша осмотрелся и одобрительно кивнул. Я почувствовала, как внутри меня поднимаются лёгкие пузырьки гордости. Младший Гарри подстригал и убирал траву во дворе, но все заросшие цветочные клумбы я привела в порядок сама.

— Эти розы из моего сада, — покрытой венами рукой Старый Гарри указал на кусты. — Да и кусты смородины тоже. А как в этом году ревень?

— Восхитительный.

Стал таким, как только я поняла, что нужно побольше сахара.

Косилка перед домом на мгновение затихла, потом раздался шум триммера.

— Садитесь, пожалуйста, — я указала на кресло.

Старый Гарри опустился в него, а я уселась на траву.

— Знаешь, а когда Гарри начинал красить кресла, мне не нравился этот цвет, — он похлопал ладонью по поручню. — Я считал, что он какой-то леденцовый. — Он улыбнулся и стал ещё больше похож на Санта-Клауса. — А оказалось, он был прав. — Теперь он смотрел на что-то за моей спиной. — Господи боже мой, — сказал он, — привет, котик.

Я обернулась посмотреть, который из котов пришёл. Это оказался Геркулес, возвращавшийся из беседки Ребекки. Он крался через лужайку, как его дикие братья в джунглях. Кот на минутку остановился рядом со мной — только чтобы чуть пригладить шерсть — а потом подошёл прямо к старику. Старый Гарри похлопал по коленям. Я только открыла рот, чтобы объяснить насчёт моих котов, а Геркулес уже прыгнул к нему.

Мои губы беззвучно шевелились. Если бы сейчас кто-нибудь ткнул в меня пёрышком, я, наверное, повалилась бы на траву. И почти повалилась — Оуэн, появившийся незнамо откуда, подошёл сзади и почесался о мою спину. Я обернулась, но Оуэн, как и его братик,

обошёл меня и остановился перед большим деревянным креслом.

— Привет. А я и не знал, что вас тут двое, — сказал Старый Гарри.

Ему даже хлопать по коленям не понадобилось. Оуэн прыгнул к нему без приглашения. Как всегда, он устроился буквально за минуту: поерзал, слегка отпихнув Герка в сторону, и принялся мять лапами колени Старого Гарри. И никаких тебе когтей.

Я смотрела на этих троих — когда это я провалилась в кроличью нору из Страны чудес? Сказать было нечего, да и послушается ли меня голос.

— Я вижу, из Вистерия-Хилл здесь не только розовые кусты и смородина, — сказал Старый Гарри.

Он почёсывал за ушами Оуэна и белую макушку Геркулеса. Как он узнал, что нравится каждому из котов — непонятно. Всё это так... загадочно. Сейчас из-за розовых кустов выбежит белый кролик в очках и жилете, бормоча «я опаздываю, опаздываю на очень важную встречу», а я несколько не удивлюсь.

Старый Гарри ласково улыбнулся мне.

— Всё в порядке, дорогая. Они знают.

Я как-то обрела голос.

— Что знают?

— Что я умираю, — буднично сказал он.

— Но... но вы прекрасно выглядите, — ляпнула я, обхватив колени руками.

— Возможно, ты слышала выражение «внешность обманчива». — Оба кота мурлыкали. Громко. — Как их зовут? — спросил старик.

— Вот Геркулес, а это Оуэн.

— Этот похож на Финна, кота Анны.

Я вытерла о шорты вспотевшую ладонь.

— Матери Эверетта? — спросила я. — Вы её знали?

— Я начинал работу в Вистерия-Хилл, — ответил он. — Отец Эверетта, Карсон построил этот дом для Анны, когда она согласилась стать его женой. Он был старше неё. Твёрдый, как гвоздь — только не с ней, — он улыбнулся, — так она влияла на всех.

Я подалась вперёд.

— Что же случилось? Почему дом забросили?

Он как будто и не слышал — в последний раз почесал Геркулеса под подбородком и сказал:

— Пора идти.

Кот спрыгнул на пол, встряхнулся и подошёл ко мне.

— Ты тоже, котик, — сказал Старый Гарри Оуэну. Тот зевнул, потянулся и тоже соскочил.

Оуэн прошёл по траве, потёрся о мои ноги, ткнулся в руку, требуя, чтобы его погладили. Наконец, старик взглянул на меня.

— Я не знаю, почему Эверетт забросил то место. Я был в Сент-Клауде, около полугода. — Он грустно покачал головой. — А когда вернулся, Анна... её уже не было. Эверетт не совсем запустил дом, там оставался смотритель, но не думаю, что он даже приближался когда-либо к тому месту. — Он погладил узловатыми пальцами бороду. — Тогда об этом много болтали, но достоверно так ничего и не известно. А когда Эверетт вернулся, он ничего не рассказывал, да никто и не спрашивал. — Старый Гарри указал на жавшихся ко мне котов, его лицо смягчилось. — А они точно потомки Финна, кота Анны. Вот этот, — он

показал на Геркулеса, — в точности похож на старого кота. А у этого, — он кивнул в сторону Оуэна, — такие же глаза.

Старик с трудом поднялся с кресла.

— Знаешь, старая кошка-мать сама выбрала Анну. Пришла однажды к задней двери их дома. И никого кроме неё не признавала — точно так же, как эти двое выбрали тебя. Они знают, что делают.

Прежде чем я успела спросить, что он имел в виду, старик стал вставать из кресла. Я вскочила, чтобы помочь ему, и увидела идущего к нам Гарри-младшего.

— Мне пора назад, в машину, — сказал старик, пожимая мне руку. — Я был рад наконец-то с тобой познакомиться.

— Я тоже.

— Мы направляемся вниз по холму? — спросил он у Гарри-младшего, присоединившегося к нам.

— Да, мне нужно косить у Стрэттона и библиотеки.

— Отлично, — глаза Старого Гарри блеснули. — Может, я всю дорогу буду торчать в окне с высунутым языком и проверю, правда ли это так здорово, как кажется, когда так делает Борис.

Сын невозмутимо ответил:

— Ладно, пап, только постарайся не линять на моем сидении, — и они направились к машине.

Я опустилась на траву, чтобы поговорить с котами. Оуэн поставил лапу мне на колено, а Геркулес, сидевший с другой стороны, решил, что сейчас самое время умыться.

— Что это было? — спросила я у них.

Оуэн внезапно решил, что ему тоже пора умыться.

Старый Гарри в самом деле умирает? Как это могут понимать коты? Ни один из них даже ухом не повёл. Я просто сидела рядом с ними. Похоже, я превращаюсь в ненормальную, которая не только говорит с котами, но и ждёт от них ответа.

Я поднялась и пошла в дом, быстро собрала вещи, переоделась, привела в порядок волосы и налила котам свежей воды. Они уже ждали у задней двери, чтобы тоже выйти наружу. Коты, не глядя, проскользнули мимо меня, я заперла дверь и пошла вниз.

Библиотека снова была пуста, однако там работали двое людей Уилла Редферна, разбирали временную стойку. Мэри помахала мне из-за новой стойки, где наводила порядок.

— Тебе нравится? — она показала на новый контейнер для книг с отделениями для художественной и технической литературы и медиа-дисков.

— Выглядит неплохо, — согласилась я.

— Ты почему так рано? — спросила она.

— Нужно сделать кое-какую бумажную работу. А Джейсон здесь?

Она кивнула.

— Он разбирается с полками, а Абигайль наверху, разбирает книги для распродажи, — она указала на коробки, сложенные на другом краю стойки. — Я могу остаться на пару часов, если понадобится помощь.

Я посмотрела на коробки.

— Да, спасибо.

Мэри удовлетворённо кивнула. Организационная работа, наклеивание ярлыков и заполнение документов всегда ей нравились — почти как кикбоксинг. Новую стойку выдачи

она могла обустроить быстрее и лучше, чем кто-либо другой.

Я ушла к себе и заперла кабинет изнутри. Обычно моя дверь не закрывалась, но чтобы попытаться нарыть что-то на Грегора Истона у меня был только час. Я сложила свой обед на конце стола, открыла ноутбук и начала гуглить. Основные данные нашлись легко — концерты, которые Истон давал с большим успехом, каталог его дисков, библиография написанной им музыки. Были фото в Карнеги-холле, на «Грэмми», в сборной группе музыкантов на благотворительном концерте. И всегда под руку с какой-нибудь молодой и красивой женщиной.

Однако о его молодости я мало что смогла найти. Как будто до выпуска из высшей школы Грегора Истона и не существовало, а то немногое, что нашлось, казалось неопределённым и противоречивым. Было много информации об общественной жизни Истона, а мне хотелось узнать что-то личное. Но как получить личные данные, слухи и то, что не включается в публичные документы?

Потом меня осенило — кто же знает больше о классической или современной музыке, чем доктор Лиза Тремейн, хранитель музыкальной коллекции Бостонского университета? Мне даже номер её искать не нужно. В Бостоне сейчас чуть за полдень.

— Доктор Тремейн, — ответила она после третьего гудка. От звука голоса Лизы, прекрасной дикции и лёгкого французского акцента, приобретённого за годы обучения и работы в Париже, во мне проснулась тоска по дому.

— Привет, Лиза, это Кэтлин.

— Кэт? Ну, как там жизнь в стране тысячи озёр? Тебя ещё не утащил снежный человек?

Я засмеялась. Лиза производила впечатление городской интеллектуалки, но я знала, что она выросла в сельском штате Мэн, так далеко на севере, что дальше только Канада. Она копала картошку, складывала поленницы и могла снять шкуру с оленя. Её высоколобые друзья были бы в шоке, знай они, что тушёная куропатка, предложенная как-то за ужином у Лизы, совсем недавно, перед ее ежегодным «побегом домой», летала в лесу в штате Мэн.

— Нет, снежный человек меня не похитил.

Я повернулась в кресле так, чтобы видеть озеро. Хотя облаков прибавилось — возможно, Гарри не ошибался насчёт дождя — лучи солнца всё ещё сверкали над водой. Трава, которую Гарри, должно быть, подстриг после того, как ушел от моего дома, была ярко-зелёная, а цветочная клумба походила на палитру художника. Моя тоска по дому слегка ослабла.

— Здесь красиво, Лиз, — сказала я. — Я сижу за письменным столом и смотрю на озеро. Солнце светит, и воздух чистый...

— И все мелкие лесные зверюшки приходят в библиотеку и помогают расставлять книги, пока ты насвистываешь весёленькую мелодию, — сухо сказала она.

— Нет. Но доставать книги с верхних полок белки пригодились бы. — Она должно быть, знает, что я скажу дальше. — И работают они только за орехи.

— Я скучаю по тебе, Кэтлин, — засмеялась Лиза.

— Я тоже, — мне пришлось пару раз вздохнуть, чтобы избавиться от комка, неожиданно появившегося в горле.

— Ну, расскажи мне о твоей библиотеке.

Я представила, как она откинулась в кресле, положив ноги в каких-нибудь дорогуших босоножках на край стола.

— Это действительно оригинальная постройка Карнеги?

— Да, — сказала я.

Я рассказала ей об этом каменном здании, о ремонте, но умолчала о том, что, возможно, это место преступления, а я — подозреваемая. Наконец я сделала глубокий вдох.

— Лиза, я позвонила потому, что ищу кое-какую информацию. Ты что-нибудь знаешь про Грегора Истона, дирижёра?

— Знаю, что он совсем недавно умер, пару дней назад.

— Он умер здесь, Лиза.

— Правда? А что он делал в вашем Смоллвилле, в Миннесоте?

— В Мейвилле, — сказала я, вытягивая свободную от телефона руку над головой. — Он приехал на летний музыкальный фестиваль. Он... он был приглашённым дирижёром и консультантом.

— Я слышала про фестиваль, — голос Лизы стал серьёзным. — Только не знала, где именно он проходит. — Я услышала, как она постукивает по трубке кончиками пальцев. — Но что там делал Истон? Обычно он не тусуется в таких местах.

Я устроилась удобнее в кресле, подняла повыше ноги.

— Он в последний момент заменил Цинию Янг.

— Знаешь, ваш фестиваль скорее в духе Цинии.

— Ей пришлось отказаться в последнюю минуту, а Истон вызвался вместо неё.

— Сам вызвался? Что-то не верится.

— Кто-то из участников так сказал. Думаю, он вызвался помочь потому, что они с Цинией близкие друзья.

В трубке послышался смешок.

— У Грегора Истона нет друзей, — сказала Лиза. — Есть, то есть были, подхалимы и те, кто ему полезен. Истон и Циния не были друзьями. Поверь, если он сам вызвался, значит это зачем-то ему понадобилось.

Лиза отзывалась об Истоне так же, как говорили на занятии Руби и Мэгги, и это было похоже на того человека, с которым мне пришлось столкнуться в библиотеке.

— А что ты ещё про него знаешь? — Я всё ждала, что Лиза спросит, зачем мне нужна информация о нём.

— В мире классической музыки его не очень-то любили, — ответила Лиза. — Очень уж он был заносчивый, даже для дирижёра.

— Да, я слышала.

— Знаешь, его считают первоклассным композитором. Судя по тому, что я слышала, так оно и есть. Но технически он не особенно одарён.

— Что значит «технически»? — я услышала, как Лиза опустила ноги на пол. Должно быть, потянулась через стол за кофе.

— Его исполнение, как и дирижирование, далеко не того масштаба, как его композиции. Помнишь доктора Миттона?

Я на минутку задумалась.

— Не тот ли музыкант, что преподавал в университете пару лет назад? Англичанин?

— Да, он.

Я представила, как Лиза кивнула на другом конце провода.

— Он как-то сравнил исполнение Истона с игрой трёхлетки на игрушечной клавиатуре.

— Жёстко, — сказала я.

— Такие чувства Истон вызывает у людей. Я когда-то давно слышала его игру —

хорошо, но не шедевр. Сама музыка прекрасна, но он как будто не сливался с ней. Как будто не сам писал. Музыка было гораздо лучше его исполнения. Самые лучшие версии его сочинений сыграны другими музыкантами.

Всё это было очень интересно, только ничем не могло мне помочь. Я посмотрела на часы. Хотелось бы, конечно, узнать больше, но времени не оставалось.

— Лиз, а ты знаешь что-нибудь о происхождении Истона? Где он вырос, где учился?

— Не знаю. — Я представила, как она покачала головой в светлых локонах, и снова ощутила укол тоски по дому. — Но, если хочешь, могу поспрашивать, осторожно, конечно.

— Пожалуйста, — попросила я.

Я дала ей свои телефонные номера, домашний и мобильный. Мне не хотелось, чтобы сообщение о Грее Истоне ждало меня в библиотеке.

— Слушай, Кэт, а почему ты так интересуешься этим покойным дирижёром? — спросила Лиз.

Я и не собиралась это скрывать.

— Никому не скажешь?

— Не скажу.

— Я нашла его тело.

— Ой, Кэт, какой ужас. С тобой всё в порядке?

— Да, спасибо. Но дело в том, что у полиции до сих пор остались вопросы, и у меня тоже.

— Ты имеешь в виду, это был несчастный случай или считаешь, что его убили? — в её голосе слышалось удивление.

— Лиз, честно говоря, я не знаю. Похоже, перед смертью он был в библиотеке. Как-то пробрался в нерабочее время.

— И ты хочешь знать, что ему там понадобилось.

Да, и ещё, почему кто-то хотел убить его, не говоря уж о том, кто именно. Но вслух я этого не сказала.

— А я думала, что самое страшное в этих краях — гризли и огромные комары.

— Может, я просто любопытничаю. Скорее всего, окажется, что Истона хватил удар.

— Ну что ж, посмотрим, что мне удастся накопать. Я перезвоню.

Я поблагодарила её, и мы распрощались. Я положила трубку и встала, разминая затёкшую правую ногу.

От двери кабинета я посмотрела вниз, на первый этаж. Пока я говорила по телефону, люди Уилла Редферна убрали временную стойку выдачи. На полу, где стояла стойка, один из рабочих разложил большой кусок брезента. Второй втаскивал через открытую входную дверь что-то, напомнившее мне металлические подмости. Что-то там происходило. Я подошла ближе.

— Простите, вы устанавливаете строительные леса?

Тот, что расстилал брезент, обернулся, и я узнала Эдди, дальнего родственника Абигайль, кузена, кажется.

Крупный полный мужчина с гулким смехом, но как посмеиваясь говорила Абигайль, «слабак».

— Да, мэм, устанавливаем, — ответил Эдди. — Привезли потому, что не знали, можно ли зайти в кладовую за другими.

Другой рабочий собирал на брезенте детали, которые принёс. Глядя на работу, а вернее,

на неработу Эдди, я понимала, кто эти леса будет монтировать.

— А для чего это? — спросила я.

— Нам надо дотянуться до потолка, а лестница слишком короткая.

Разговаривать с Эдди приходилось безумно медленно. Даже не знаю, выдавал ли он информацию так неторопливо от повышенного внимания к мелочам или ему втайне нравилось вызывать у собеседников раздражение. Я подавила вздох и потёрла шею — плечи словно узлом свело.

— А зачем вам нужно добираться до потолка?

Эдди почесал щетину на подбородке. Руки у него были огромные, он мог бы накрыть ладонью мою голову.

— Ну, мэм, тут на потолке будет большой старый гипсовый медальон.

Гипсовый медальон?

Я задрала голову вверх. Потолок в передней части библиотеки был высотой в два этажа. Подходящее место для медальона имеется, но его не было в плане реконструкции, и я точно ничего такого не заказывала. Плечи свело еще сильнее.

— Где ваш босс, Эдди?

Он почесал ухо и нахмурился.

— Ну, я не могу точно сказать.

Я заметила, что он не сказал «не знаю». В кармане его футболки торчал телефон.

— Дай-ка мне свой мобильник, — сказала я.

Если позвонить с телефона библиотеки, Уилл Редферн не ответит.

— Это рабочий телефон, — засомневался Эдди.

— Вот и хорошо, — я выхватила телефон из его кармана и раскрыла, — потому что у меня рабочий вопрос.

Отступив подальше от Эдди, я набрала номер Уилла. Он ответил после третьего гудка.

— Привет, Эдди, — весь из себя добродушный мачо.

— Привет, Уилл. Это Кэтлин Поулсон. Эдди любезно одолжил мне свой телефон, — я одарила Эдди улыбкой. Похоже, он до сих пор пытался понять, как его телефон оказался у меня.

На другом конце помолчали.

— Уилл, вы еще здесь?

— Эммм, да, мисс Поулсон. Чем могу вам помочь?

— Эдди говорит, что нужно установить потолочный медальон в передней части библиотеки.

— Да, все верно.

Уилл умел ускользать от ответа не хуже Эдди.

— В планах не было никакого медальона, — я была в этом совершенно уверена. Я неплохо умела читать чертежи и изучила перечень реноваций и планы перед началом работ.

— Ну, он был еще до того.

— До чего? — я старалась не выдать голосом растущее раздражение.

— До вас. Крыша протекла, сразу после Дня благодарения в прошлом году.

— Я в курсе.

— Медальон от этого немного испортился, часть отвалилась. Было много грязи. Так мои ребята его весь сняли и отправили в починку. Тут такую тонкую работу делать некому. Чтобы починить много времени потребовалось.

А когда Уиллу не требовалось много времени? Я откашлялась.

— Спасибо, что объяснили, и простите за беспокойство.

— Да не за что, — ответил Уилл тоном, полным этакой добродушной мужской снисходительности. — Вы ж не здешняя, откуда вам знать, что случилось в прошлом году?

Нездешняя. Уилл не впервые так сказал. Меня это задело, и, подозреваю, этого он и хотел. Может, кто-то использовал меня, чтобы заманить Истона в библиотеку, именно потому, что я издалека?

— Передайте ребятам, что я скоро буду, — сказал Уилл и повесил трубку.

Я закрыла телефон и вернула его Эдди.

— А это был не междугородный звонок? — подозрительно поинтересовался он. — Вы случайно не на Тайвань звонили?

— Нет, если только ваш босс не на Тайване, — улыбнулась я. — Он просил передать, что скоро приедет.

Я пошла к лестнице.

— Пожалуйста, Мэри, позвони мне, когда появится Уилл Редферн, — попросила я, проходя мимо стойки.

— Позвоню.

Закрыв дверь подсобки, я привалилась к ней и беззвучно закричала. А когда открыла глаза, обнаружила, что за мной с интересом наблюдает Абигайль.

— Тебе лучше? — она сидела на полу посреди комнаты, скрестив ноги.

— Пожалуй, да, — я чувствовала себя немного неловко.

— Дай угадаю, — она картинно прикрыла глаза и прижала к вискам кончики пальцев.

— Я вижу образ, — проговорила она монотонным голосом. — Я вижу рабочих. Я вижу инструмент и доски. Но я не вижу никакой работы. Я вижу.. Она открыла глаза и опустила руки. — Дай угадаю: ты говорила с Уиллом Редферном?

— Да, точно.

Абигайль усмехнулась и положила четыре книги в бумажных обложках в стоящий перед ней ящик.

— Догадаться несложно. Уилл старается помешать обновлению библиотеки. Особенно в последнее время.

Она закрыла картонную крышку и закрепила скотчем. На полу уже стоял десяток коробок, подписанных косым почерком Абигайль: детектив, детектив, роман, роман, роман, фэнтези, фантастика. Были и другие, но я не могла прочесть все надписи.

— Может, я слишком много ждала, — вздохнула я. — Я привыкла к большому городу, где всё происходит вдвое быстрее, — я щёлкнула пальцами.

Абигайль покачала головой.

— Не позволяй Уиллу втаскивать себя в эту деревенскую рутину. Да, у нас тут не Бостон, но мы умеем работать как надо и в срок.

— Я запомню. — Я показала на упакованные коробки, — хорошая работа, кстати. Тебе что-нибудь нужно?

Она привстала и оглянулась.

— Не помешало бы ещё коробок.

— Легко, — сказала я. — За дверью обеденной комнаты сложено не меньше десятка.

— Отлично.

Я оставила её разбирать коробки и пошла наверх. Рабочие Уилла уже собрали первый

уровень лесов. Мэри выдавала кому-то книги у новой стойки. Джейсон толкал к стеллажам полную книг тележку. Пока что всё шло как надо. Я вернулась в свой кабинет, включила компьютер и занялась таблицами со сметой. Следующие несколько часов я разбиралась с цифрами, прервавшись только, чтобы дать Мэри ключ от задней кладовой, где Ларри мог бы сложить материалы.

Я заметила, как потемнело небо, только когда закончила последний столбец таблицы, отодвинулась от стола и выглянула в окно. На озеро словно навалились тяжёлые серые облака. В воздухе пахло дождём. Прогнозы Гарри оказались гораздо точнее, чем у синоптика в утренних новостях. По окну уверенно застучал дождь. Я поднялась, чтобы включить верхний свет и вставить в принтер бумагу.

Когда Ларри постучал в дверь, из принтера выходил последний экземпляр сметы.

— Извините за беспокойство, Кэтлин. Но кажется, в компьютерном зале протечка.

— Где? — вздохнула я, поднимаясь на ноги.

— Дальнее левое окно. — Ларри оглянулся через плечо. — Не хотел вас тревожить, но парни Уилла, похоже, ушли на перерыв.

— У них слишком много перерывов, — я обошла вокруг стола и пошла вслед за Ларри в компьютерный зал. Как он и сказал, текло последнее окно — новое, установленное три недели назад.

Маленький ручеёк воды стекал между стеклом и рамой вдоль внутреннего края на широкий подоконник и на пол. На самом деле он лился в большое белое ведро с надписью «майонез» на боку. Вокруг ведра пол был сухой.

— У вас есть какие-нибудь тряпки или бумажные полотенца, чтобы собирать воду? — спросил Ларри.

— Под раковиной в обеденной комнате наверху — пластиковая коробка с чистыми тряпками.

Ларри дотронулся до моей руки.

— Оставайтесь здесь, а я схожу за ними.

Он пошёл наверх, а я стала осматривать остальные окна. Спасибо, что потекло только одно.

Ларри вернулся с коробкой тряпок в руке и парой тяжёлых защитных покрытий в другой. Одно он протянул мне.

— Я подумал, неплохо бы постелить их под другими окнами, на всякий случай.

Вдвоём мы живописно разложили брезент под двумя другими окнами — пока ещё сухими. Я вытерла маленькую лужицу воды вокруг ведра. Течь не уменьшилась, но и хуже не стало.

— Должно быть, беспорядок с изоляцией окна снаружи, — сказал Ларри.

Я смотрела на ручеёк, бегущий с одной стороны окна. Потом пару раз глубоко вдохнула, но это не помогло уменьшить поднимающийся гнев.

— Похоже, надо разыскать Уилла, — сказала я Ларри, вытирая мокрые руки.

— Удачи, — улыбнулся он.

Я вернулась к себе и позвонила Уиллу на мобильник. Ничего удивительного — ответила только голосовая почта. Я оставила короткое сердитое сообщение. Потом я позвонила Лите в офис Эверетта, рассказала о протечке и после недолгого сомнения просветила её относительно работы Уилла, особенно в последнее время.

— У вас больше терпения, чем у меня, — ответила Лита. — Сейчас Эверетта нет и

офисе, но я скажу, чтобы он перезвонил вам, когда вернётся.

Я поблагодарила, повесила трубку и вышла из кабинета к стойке — узнать, не видела ли Мэри, куда делся Эдди и остальные рабочие.

— Может, на парковке, — сказала она. — А Уилл здесь.

— Здесь? Где это?

Мэри показала на леса.

— Он проверял их, пока я говорила по телефону.

Леса заполняли всё свободное пространство за входной дверью. И никаких следов Уилла или его команды. Как они могли уйти и всё вот так бросить? Я осторожно пробиралась между стеной и металлической конструкцией. Пол местами был мокрый. Я надеялась, это потому, что секции лесов заносили с улицы под дождём, а не из-за новой протечки. Я наклонила голову, чтобы не зацепить настил над головой, ноги заскользили по мокрой плитке, и плечо ударилось о металлический каркас.

— Кэтлин, берегись! — крикнула Мэри.

Я в испуге схватилась за стену, и тут сверху, с лесов над моей головой, свалился большой рулон полиэтилена.

Маши руками как облачко

Рулон полиэтилена задел моё плечо, грохнулся на пол и развернулся на несколько футов, остановившись возле стойки выдачи. Удар оттолкнул меня к другой стороне лесов и сбил с ног. У меня перехватило дыхание. Тяжело дыша, я схватилась за плечо. Мэри перебралась через развёрнутый полиэтилен и полезла под леса, ко мне. Я смотрела на неё, широко открыв глаза, задыхаясь, как рыба, которая подпрыгнула слишком высоко и оказалась на берегу.

Мэри выругалась — я и подумать не могла, что ей известно такое слово. Это было так не похоже на неё, что я бы рассмеялась, если бы не досадная проблема с дыханием.

— Кэтлин, ты жива? — Мэри опустила на колени рядом со мной.

Я кивнула, издавая судорожные звуки в попытке вдохнуть. Позади неё появился Ларри.

— Мне позвонить 911?

— Звони, — сказала Мэри.

Я яростно затрясла головой, отчего хриплые звуки стали ещё хуже. Я не собиралась в больницу — иначе, когда Уилл Редферн вернётся с парковки, или где он там, меня здесь не будет. И тогда я не смогу вклеить ему пару раз этим треклятым рулоном, который только что ударился о моё плечо. Я закрыла глаза, и на мгновение меня посетило видение в духе Уолтера Митти — я замахваюсь рулоном пластика, как бейсболист перед полной трибуной, и гоню Уилла за стену и дальше, вниз к озеру.

— Кэтлин, тебе нужно к доктору, — сказала Мэри.

— Нет... я в порядке, — выдохнула я.

— Мэри права, — Ларри вытащил мобильник.

Не раздумывая, я потянулась за его телефоном и тут же скривилась от боли в левом плече.

— Видишь? — сказала Мэри.

Я вздохнула про себя, а может и вслух. По правде говоря, я побаиваюсь больниц. Когда мне было семь, я заблудилась в старой больнице Ки-Уэст. Родители играли в «Застольном этикете» Алана Эйкборна. Во время выхода во втором акте отец споткнулся о край ковровой дорожки. К концу пьесы половина его лица превратилась в огромный синяк, а глаз заплыл. В итоге мы оказались в приёмном покое — вместе со всей трупой, помощником режиссёра и молодой женщиной из «Данкин Донатс», влюблённой в актёра, игравшего Тома. Среди всей этой суматохи я отправилась на прогулку и потерялась. Не вдаваясь в подробности скажу, что когда тебе семь, дело к полуночи, а ты большую часть вечера провела за кулисами в обнимку с пакетом сырных слоев, от вида искусственной ноги со страху можно дух испустить... ну, или как минимум полупереваренные слойки.

Ларри захлопнул крышку мобильного как раз в тот момент, когда в библиотеку вошла Рома. Мэри тоже увидела её и замахала, подзывая к нам. Рома опустилась на колени на кафельный пол рядом со мной.

— Что случилось?

— Вон тот рулон, — показала Мэри, — упал с лесов и ударил её. Она не хочет, чтобы мы звонили в больницу.

— Мне это знакомо, — сказала Рома, поднимая руку. — Подождите, я посмотрю, — она пощупала мой затылок. — Кэтлин, у тебя это уже становится привычкой. И не самой

лучшей.

— Не голова, — прохрипела я, дотрагиваясь до правого плеча. — Он меня в плечо ударил.

Пальцы Ромы опустились ниже.

— Из тебя воздух вышибло, — сказала она. Придерживая плечо спереди ладонью одной руки, другой она ощупала лопатку и шею. Она взяла мою руку и медленно отвела вперёд, потом назад. — Так больно?

Я покачала головой. Она продолжала меня осматривать.

— Тебе не нужна скорая помощь.

Ларри и Мэри переглянулись, и он спрятал телефон в карман.

— Спасибо, — прошептала я. Дыхание уже почти восстановилось.

— Похоже, ничего не сломано, — Рома осторожно коснулась моего плеча. — Но если бы у тебя было четыре ноги, а не две, я могла бы утверждать более уверенно. — Она протянула руку, чтобы помочь мне встать.

Ларри взял другую мою руку, с отвращением посмотрел на размотанный рулон, покачал головой.

— Это же пароизоляция, — пробормотал он, — зачем она им здесь понадобилась?

— Не могли бы вы смотать его, пока кто-нибудь ещё не споткнулся и не пострадал?

— Конечно, — сказал он.

Я осторожно подвигала плечом, стараясь не скривиться от боли. Рома скрестила руки на груди.

— У тебя будет ужасный синяк. Попробуй приложить лёд.

— Приложу. Спасибо, что опять помогла мне, — я смахнула неожиданно выступившие слёзы. В плече что-то щёлкало.

Рома улыбнулась и покачала головой.

— На этот раз ты так легко не отделаешься. За пару дней травмируешься уже второй раз. Тебе стоит показаться доктору, и не тому, у которого пациенты вылизываются. Плечо надо бы на рентген, просто на всякий случай.

Я открыла рот, чтобы возразить, и Рома подняла руку.

— Не трать попусту слова, Кэтлин. Мне случалось удерживать на месте девятисотфунтовых коров. Не вынуждай меня закидывать тебя в мой пикап.

Мэри торжествующе ухмыльнулась. Мне хотелось показать ей язык, но это как-то не очень подходило к роли начальницы.

— Ладно, — согласилась я. — Но сейчас пятница, вечер. Я могу попасть на приём в клинику не раньше следующей недели.

— Кто твой врач? — спросила Рома.

Я сказала. Она вытащила телефон, набрала номер и отошла на несколько шагов.

Я повернулась к Мэри.

— Спасибо за заботу. Я правда в порядке. Можешь вернуться за стойку.

Она взглянула на Рому.

— Ладно.

Ларри свернул полиэтилен и прислонил рулон к стойке.

— Как Эдди мог оставить такое у людей над головой и уйти? — возмутилась Мэри. — Или Уилл. Ты могла серьёзно пострадать.

Могла. Или Мэри. Или Абигайль, Джейсон и любой другой, пришедший в библиотеку. Я

спускала Уиллу с рук слишком многое.

— Я буду за этим следить, — пообещала я Мэри. Она не казалась особенно убеждённой, но вернулась за стойку.

Рома сунула телефон в карман и подошла ко мне.

— Я тебя записала на полпятого. Рентген плеча, а потом доктор посмотрит.

— Спасибо, — меня немного смущала её заботливость. — Как тебе удалось?

Рома подавила зевок.

— Извини. День начался рано. А насчёт договорённости — я у твоего доктора няней была, — она положила руку мне на плечо. — Так что иди в клинику.

— Рома, спасибо, что позаботилась о моём плече и с доктором договорилась. Я тебе обязана.

Она улыбнулась и пошла в сторону музыкальной секции.

— Ну да, обязана, — сказала она, оглянувшись.

Мэри сидела за стойкой. Я подошла к входной двери, выглянула наружу. На парковке ни следа пикапа Уилла. Я вернулась в холл, осторожно обошла леса, осматривая каждый угол. Больше ничего, что могло бы на кого-нибудь упасть, но рисковать мне не хотелось. В дворницком чулане нашлось четыре жёлтых вывески-сэндвича с надписями «Осторожно» и «Мокрый пол». Я вытащила их и прикрепила к лесам при помощи светящейся оранжевой ленты из ящика с хламом, оставшимся от Хеллоуина. Течь в компьютерном зале уменьшилась, превратившись в тонкую струйку.

— Ларри, вы случайно не ехали мимо Стрэттона по пути сюда?— спросила я электрика.

— Ага, ехал. А что?

— Там стоял пикап Орена?

Он минуту подумал.

— Да, он там был. Хотите, чтобы он зашёл посмотреть на эти окна?

Я кивнула. Потом подвигала рукой вверх-вниз, назад, вперёд. Почти не больно, или, может, мне хотелось, чтобы так было.

— Я присмотрю за этим ведром, — сказал Ларри.

— Спасибо, — улыбнулась я.

Я пошла к себе за дождевиком, остановилась у стойки, сказать Мэри, что ухожу.

— Если без меня вернётся Уилл Редферн, не отпускай его.

Мэри взглянула на рулон полиэтилена, все ещё стоящий у стойки, и недобро улыбнулась.

— Не волнуйся, не отпускаю.

Дождь перестал. Я пошла по Олд-Мэйн-стрит. Дул ветер с озера, и воздух был свежий и чистый. Пикап Орена стоял на парковке у театра, и я чуть было не запрыгала от радости. Дверь служебного входа оказалась не запертой. Дежавю. В голове промелькнул образ Грегора Истона на рояле. Я вспомнила, как неестественно неподвижен он был. Даже во сне наше тело движется, мы дышим и поворачиваемся, у нас дрожат веки и дергаются пальцы. На фоне мертвенно-бледной кожи рана на его голове казалась нарисованной каким-то гримером. Я тряхнула головой, чтобы избавиться от видения, но это не помогло. Я почти забыла, как сильно был ранен дирижер. Детектив Гордон тоже не спрашивал меня об этом. На секунду закрыв глаза, я представила себе голову Истона.

Да, она напомнила мне сценический грим, наверное потому, что я видела литры фальшивой крови и множество «ужасных» ран — отрубленные головы, ампутированные

конечности, торчащие из груди ножи — за те годы, что засыпала под фильмы ужасов. Странность заключалась в том, что рана Истона была чистой. Голова была разбита, рана свежая, но никакой запекшейся крови на коже или седых волосах. Ни крошки приставшего песка или грязи. Уверена, самому Истону затруднительно было позаботиться о чистоте.

Я открыла глаза. Наверняка Грегор Истон не сам промыл рану, но тогда кто это сделал? Кто был с ним, когда его ударили? Может, тогда его кровь и оказалась на полу в библиотеке? Я провела рукой по затылку, и острая боль в плече напомнила о моей собственной травме и необходимости прямо сейчас найти Орена и что-нибудь сделать с протечкой в библиотеке.

Внутри театра за кулисами горел свет. Я прошла через холл мимо прожекторов и прочего оборудования. На сцене кто-то играл на фортепиано. Я остановилась у края занавеса. Музыка была мне незнакома, но от неё хотелось двигаться, кружиться вместе с мелодией, словно танцующей на сцене. Я забыла про Грегора Истона, текущее окно и потерявшихся подрядчиков. Забыла про своё ушибленное плечо.

Я сделала пару шагов вперёд — посмотреть, кто играет. Может, Вайолет? Или Эми. Или Руби. К моему удивлению, за роялем сидел Орен, сильные пальцы порхали над клавиатурой. Я не сошла бы с места, даже если бы театр загорелся, прекрасная музыка потрясла меня, пронзила насквозь. А потом она закончилась, Орен оглянулся и увидел меня.

Он смущённо отвёл взгляд, провёл рукой по затылку, возвращаясь к реальности. Я медленно поднялась на сцену и остановилась позади фортепиано. Он смотрел на меня, наклонив голову.

— Это было прекрасно, — сказала я. Слова неожиданно позабылись. — Я... я не знала, что вы играете.

Орен провёл по шее и уронил руку на колени.

— Я... эээ, нет. Очень мало. — Он старался не смотреть мне в лицо. — Что вы здесь делаете? В библиотеке какие-то проблемы?

— Одно из окон течёт, — кивнула я. — Дальнее, в компьютерной комнате.

— Звонили Уиллу Редферну? — Он покачал головой. — Если бы вам удалось его найти, вы не пришли бы сюда, так?

— Простите, я знаю, что у вас здесь много дел, — сказала я, — но Уилл появился и ушёл, так что я и оглянуться не успела, а на выходные нельзя оставлять текущее окно.

— Да, нельзя. Пойду посмотрю, — он встал. — Мне нужно кое-что взять с собой.

— Пойду обратно, — сказала я. — Там увидимся.

По дороге в библиотеку я даже не застёгивала плащ. Уилл не звонил и не появлялся. Ничего удивительного. Не успела я повесить на место куртку, как пришел Орен. Он направился в компьютерный зал, проходя мимо щитка, поднял руку, приветствуя Ларри. Течь теперь стало меньше, просто капало.

— Похоже, это шов, — сказал Орен.

— Ларри так же думает, — ответила я.

Орен кивнул.

— Пойду возьму лестницу и посмотрю снаружи.

Я внимательно рассматривала оконную раму в надежде, что проблема лишь в отогнувшимся кусочке металла или отошедшем уплотнении.

— Кэтлин, — позвала Мэри.

Я обернулась.

— Тебя Эверетт Хендерсон.

Я кивнула и указала в сторону кабинета, чтобы она перевела туда звонок. Прикрыв за собой дверь, я сняла трубку.

— Алло, Эверетт.

— Здравствуйте, Кэтлин. Лита сказала, вы хотели поговорить со мной.

Я рассказала про Уилла и ремонт, изо всех сил стараясь не показывать своего огорчения.

— Орен сейчас снаружи, на лестнице. Пытается найти место протечки. Я оставила Уиллу два сообщения и не хочу, чтобы всё так и продолжалось.

На другом конце провода помолчали. Наконец, Эверетт сказал:

— Мне так жаль, Кэтрин. Лита очень не советовала нанимать Уилла, — он тихо вздохнул. — Я ходил в школу с отцом Уилла, воспоминания о прошлом повлияли на моё решение.

Я постаралась аккуратно выбирать слова.

— Эверетт, вы не виноваты, что Уилл так организует работу.

— Вы очень добры. Я должен уехать из города по делам. Вернусь в понедельник, и вечером заеду, чтобы обсудить, что делать дальше. Согласны?

— Согласна.

— Хорошо. А вы уверены, что не травмировались? Врачу показывались?

Я потеряла плечо, вздрогнув, когда коснулась больного места.

— Все нормально, Эверетт. Рома отлично справляется и с двуногими пациентами.

— Я рад, — сухо ответил он.

— А после обеда я заеду в клинику. Я в порядке.

— Думаю, вы не осознаёте, даже если это не так. Если вам что-нибудь нужно...

— ... звоните Лите, — закончила я. — Так и сделаю.

— Нет ли поблизости Орена? Я хотел бы поговорить с ним.

— Одну минуту, — я вышла из кабинета, как раз когда Орен входил в здание.

— Это уплотнение, — крикнул он, — я могу его починить.

— Отлично, — сказала я. — Звонит Эверетт, он хотел бы поговорить с вами.

Орен, похоже, не удивился.

— Ладно, — сказал он, вытирая руки о рубашку.

Телефон на стойке выдачи был к нему ближе. Пока Орен разговаривал с Эвереттом, я снова обошла леса. Мне совсем не хотелось, чтобы они простояли тут все выходные, но вряд ли Уилл, Эдди или хоть кто-нибудь сегодня снова появится. Орен повесил трубку и подошел ко мне.

— Эверетт попросил починить окно.

— Спасибо.

— Он также попросил разобрать леса, если парни Уилла не вернуться до конца дня, — он внимательно на меня посмотрел. — Сказал, с них что-то упало прямо на вас.

— Вон тот рулон, — я показала на полиэтилен, так и стоявший у стойки.

— Ничего страшного? — спросил Орен,

— Только плечо болит, — кивнула я.

— И чем только Уилл думает...

Я сказала бы, но это анатомически невозможно.

— Тогда я начну работать, — сказал он.

Я подошла к Мэри, разбиравшей стопку книг.

— Перерыв.

— Уверена? — спросила она.

— Ты работаешь сверхурочно, тебе положен перерыв, — я посмотрела на часы. — Где Джейсон?

— Наверху.

Мэри встала, и я заняла ее место.

— Скажи Джейсону, пусть тоже отдохнет.

— Конечно, — ответила она, поднимаясь по лестнице в комнату для персонала.

Я работала за стойкой, пока не вернулась Мэри, потом пошла к себе, чтобы напечатать копию бюджета библиотечных переделок и актуальный список того, что закончено и что ещё надо дорабатывать. Надо закончить с покраской, и компьютерный зал не готов, не говоря уж о конференц-зале. Имелось и ещё не меньше дюжины мелких незавершённых работ. Если бы Уилл прекратил бездельничать, мы могли бы уложиться в график. Большое «если бы»...

Пока принтер печатал, я проверила почту. Одно сообщение от Лизы. Тема — Истон. Я щёлкнула по сообщению.

Грегор Истон — урождённый Дуглас Грегори Уильямс.

Всё страньше и страньше. Лиза. Дуглас Грегори Уильямс. Я записала это имя в синий библиотечный блокнот. Итак, Истон сменил имя. Зачем? Может, поэтому я не смогла найти ничего о его прежней жизни? Да, «всё страньше и страньше». Пока у меня были только вопросы. Кем на самом деле был Грегор Истон? Почему он оказался в библиотеке после закрытия? С кем он встречался? Что с ним произошло? И самое важное — как он умер?

Лиза очень хорошо умела добывать информацию. И я надеялась, что она сможет рассказать мне больше про этого Истона-Уильямса. И теперь, когда детектив Гордон относится ко мне не так подозрительно, может, я смогу узнать, как Истон — я не могла называть его иначе — умер на самом деле.

В открытую дверь постучали. Я подняла глаза. На пороге стоял Орен.

— На данный момент течь я залатал. До завтра окно просохнет, и я смогу сделать постоянную заплатку. Остальные окна я проверил и проблем не нашёл, но на всякий случай оставил ведро и тряпки.

— Спасибо, что пришли на помощь.

Он пожал плечами, кивнул.

— Я вернусь в конце дня, чтобы разобраться с лесами. — Он поколебался, потом сделал пару шагов вперёд. — Вы сделали здесь большую работу, Кэтлин. Мальчишкой я проводил в этом здании много времени, зарывшись в книги — гонялся за пиратами, разгадывал тайны, отправлялся на сафари. Видеоигр тогда не было. — Он улыбнулся. — Это было самое моё любимое место. Пока вы не приехали, здесь всё постепенно приходило в упадок — и здание, и книги. Вы снова сделали библиотеку тем необычным, особенным местом.

Это самая длинная речь, какую я слышала от Орена. Я просто не знала, что сказать.

— Спасибо. Для меня это... очень важно.

Орен замялся.

— Ну, значит, я ещё вернусь. — Он бросил взгляд на мой стол, на блокнот с нацарапанным в нём настоящим именем Истона. Орен коснулся блокнота указательным пальцем. — Истон был не очень хороший человек.

Он откашлялся и покачал головой.

— Я лучше пойду, — сказал он, и ушёл прежде, чем я смогла спросить, откуда он знает, что Дуглас Грегори Уильямс и Грегор Истон — одно лицо.

Змея ползёт вниз

Орен знал настоящее имя Грегора Истона. Откуда? Они были знакомы?

Я опустила на угол стола. Орен знал Грегора Истона, другого объяснения нет. У меня засосало под ложечкой.

Что если Орен и Истон встречались здесь, в библиотеке? Причастен ли Орен к смерти Истона? Нет. Я не могу поверить, что это Орен ударил Истона. Ни за что не поверю.

Онемение в плече сменилось пульсирующей болью, и я выудила из ящика стола пару таблеток ибупрофена. Уже пора было отправляться в клинику. Что же делать с Ореном? Сказать детективу Гордону? Нет. Поговорить с Ореном? Не уверена.

Я не могла представить, что Орен ударил кого-то, даже случайно. Тому, что он знает Истона, должно быть какое-то логическое объяснение. Надо только выяснить какое.

Я пошла на приём к врачу. Плечо оказалось ушиблено, но не сломано. Доктор прописал приложить лёд, тот же совет давала и Рома, что ещё раз подтвердило, какой она хороший доктор. По дороге я зашла к Эрику за китайским салатом с курятиной и огромным брауни — за сегодняшний день я заслужила огромный брауни. Когда я вернулась в библиотеку, Абигайль бросила сортировку книг для распродажи и сидела за стойкой. Леса исчезли. Я посмотрела на потолок холла — никакого медальона. Значит, ни Уилл, ни Эдди и его бригада точно не возвращались. Но я всё же спросила Абигайль.

Она только усмехнулась.

— В пятницу вечером? Это вряд ли.

— Да я и не рассчитывала.

Я поставила пакет с едой на стойку.

— Как твоё плечо? — спросила она.

— Ничего не сломано, просто сильный ушиб.

— Рада это слышать, — улыбнулась Абигайль. — Да, — она выдернула из-под левого локтя блокнот, — электрик просил тебе передать, что закончил всё, кроме подключения у окна, а с этим придётся подождать, пока Орен устранил течь. Он вернётся в понедельник.

Вверх ногами письма Абигайль казались помесью наскальной живописи и кириллицы. Я перегнулась через стойку и посмотрела под правильным углом. Ничего не изменилось.

— Как ты это читаешь? — поинтересовалась я.

— Это шифр, — сказала она, отбрасывая косу за спину.

— Seriously, это какая-то стенография?

— Seriously, это шифр.

— Не понимаю.

— В этом и смысл, — она положила блокнот на стойку и развернула ко мне. — Кэтлин, у меня пять старших братьев. Пять, — она выставила пять пальцев. — Когда мне было восемь, они сделали моей Барби ирокез и татуировку. Татуировка «Укуси меня» не очень-то подходит Барби.

— Да уж, — сочувственно согласилась я.

— У меня не было никакой личной территории, вот я и придумала шифр. В то время я как раз читала «Пеппи Длинныйчулок» и книжку про пиратов. — Она засмеялась. — Сначала было сложно, я никак не могла запомнить все правила, но со временем выработала

нечто среднее между стенографией и собственным тайным языком. Я не кажусь тебе чокнутой? — искоса глянула она на меня.

— Вовсе нет, — я вернула ей блокнот. — Абигайль, мои родители — актеры. Когда они входят в роль, то становятся совершенно другими людьми, и так двадцать четыре часа в сутки. Так что создание своего языка меня совсем не удивляет. — Я взяла со стойки пакет с едой. — Буду у себя.

Вечер закончился быстро, а дорога домой по Маунтин-роуд показалась длиннее, чем обычно. Плечо болело, и проблема того, что делать с моим знанием об Орене, от которой мне удалось ненадолго отвлечься, снова начала меня мучить.

Коты ждали меня у двери в кухню.

— Привет, ребята, — сказала я. — У меня был паршивый день. А вы как?

Геркулес замаякал, но его тут же заглушил Оуэн — он выл громче.

— Ладно, ладно, тут вам не конкурс.

Я сделала для нас тост с арахисовым маслом, пристроила пакет со льдом между плечом и спинкой кресла и стала рассказывать котам про течь, моё плечо, e-мейл Лизы и про Орена. Коты внимательно слушали — может, из-за тоста у меня в руке — но никаких советов не давали. Я приняла душ и легла в постель.

Утром плечо стало болеть поменьше. Правда, когда я, как цирковой акробат, попыталась разглядеть свою спину в зеркале в ванной — выглядело оно хуже. На правой лопатке был лилово-чёрный синяк размером с ладонь. Это зрелище заставило меня снова разозлиться на Уилла Редферна и на себя — за то, что была с ним добренькой дольше, чем следовало.

Пока я одевалась, расчёсывала волосы и, как обычно, горестно вздыхала, глядя в зеркало на свою неудачную стрижку, коты повсюду следовали за мной.

Я покормила Геркулеса и Оуэна, и когда я собралась выйти из дома на встречу с Мэгги, они уже ждали у задней двери.

— Я ненадолго, — пообещала я котам. — Оставайтесь во дворе. Не ходите к Ребекке кланчить угощение, — я сердито посмотрела на Оуэна. — Или что ещё.

Мэгги уже ждала меня у Эрика, за столиком у окна. Прежде чем я успела опуститься на стул, появилась официантка с нашим кофе. Эрик помахал мне из-за стойки, и я махнула в ответ.

— Как твоё плечо и почему ты мне не позвонила? — возмущённо спросила Мэгги.

— И тебе доброе утро, — ответила я. — Ничего, спасибо. И да, чудесное сегодня утро.

Я положила в кофе сахар и сливки и отхлебнула.

Мэгги махнула рукой, будто отгоняла муху.

— Да ладно. Доброе утро. Я в порядке. Как твоё плечо?

Я поставила чашку.

— Ничего. Большой синяк, но перелома нет. Меня Рома осматривала, и я ходила в клинику, сделала рентген. Всё хорошо, — последние два слова я театрально прошептала.

Мэгс повернула чашку на блюдечке.

— Почему же ты мне не позвонила?

— Хотелось поскорее лечь в постель, — я глотнула ещё кофе. — Кстати, откуда ты узнала?

— Мэри сказала Сьюзен. Сьюзен — Эрику. А Эрик — мне.

— Понятно, — усмехнулась я. — Информация из рук в руки.

Подошла официантка принять у нас заказ. Пока Мэгги раздумывала, с чем она хочет омлет, я огляделась. За столиками в основном сидели семьи, завтракавшие до или после поездки на фермерский рынок. Расспрашивать людей, приехавших на фестиваль? Не особенно удачная мысль. Ходить от столика к столику: «Доброе утро. Это не вы убили мистера Истона?»

Мэгги наконец остановилась на помидорах и спарже. Пока мы ждали еду, я рассказала ей, что случилось в библиотеке.

— Хорошо, что ты поговорила с Эвереттом, — заметила она.

— Давно надо было.

— Уилл всегда был из тех, кто поздно начинает и рано заканчивает. Можно подумать, он не хочет, чтобы реконструкция завершилась.

— Сьюзен сказала то же самое. Но у него нет причин хотеть, чтобы с реконструкцией ничего не вышло. Единственный, кто от этого пострадает — это сам Уилл.

Мэгги передвинула свой стул на солнце.

— Уилл всегда был из тех, кто выбирает легкий путь, но не всегда был таким беспечным. Он ленивый, но не безответственный.

— Может, у него кризис среднего возраста, — я огляделась в поисках официантки.

— Может, ты и права, — ответила Мэгги. — Он подкрашивает усы.

— Да ну?

Она кивнула.

— Откуда ты знаешь?

В этот момент подошел Эрик с кофейником. Он намного серьезнее своей жены. Они со Сьюзен могли бы послужить иллюстрацией к выражению «противоположности притягиваются».

— Привет, Кэтлин. Как ты? — поинтересовался он, наполняя мою чашку.

— Все нормально, Эрик. Я должна тебе за завтрак, который ты посылал в отель для мистера Истона.

— Я не посылал, — покачал головой Эрик. Волосы цвета «соль с перцем» были коротко острижены, и стрижка ему шла. — Я заглянул в отель — мы готовим для них континентальный завтрак — хотел узнать номер Истона. Мне сказали, что он ушёл прошлой ночью и не возвращался. А потом я услышал — он умер. Так что ты мне ничего не должна.

— Ну ладно, — согласилась я.

— Ваш заказ будет через минуту, — сказал Эрик, переходя к другому столику с кофе.

Выходит, после библиотеки Истон в отель не возвращался. Значит, он сразу пошел в театр? Один? К моему списку добавились новые вопросы. Я снова переключилась на Мэгги.

— А откуда ты знаешь, что Уилл красит усы?

Она отпила чай.

— Руби видела, как он покупал коробку краски «л'Ореаль Экселланс» номер сорок шесть в «Уоллгрин».

— Может, это для жены, — предположила я, добавляя сливки к кофе.

— Сорок шесть — это медно-красный, а жена Уилла — блондинка. Он красит усы, Кэт. Волосы у него не совсем такого цвета. И он продал свой пикап, чтобы купить огромную машину, на которой теперь ездит. Что это по Фрейду? Кризис среднего возраста, — она легко хлопнула руками по столу, чтобы подкрепить своё мнение.

Нам принесли завтрак, и мы наконец смогли оставить разговор о кризисе среднего

возраста Уилла Редферна, реальном или нет. После завтрака мы пошли на фермерский рынок, через улицу от отеля. Вообще-то он работал всю неделю.

Рынок был кооперативный, как и объединение художников, в котором состояла Мэгги — овощи, фрукты, мелкая бакалея, мясник, крошечная сырная лавка. Если погода позволяла, по субботам рынок расширялся на парковку. Фермеры продавали товары прямо из своих пикапов. Мэгги искала швейцарский мангольд и молодую картошку, а я хотела купить морковь для салата и, может быть, маффины.

— По-моему, картошка вон там, — сказала Мэгги, указывая на дальний конец парковки.

— Ладно, я подойду через минуту, — мне показалось, что с задней дверцы старого «форда» продают джем из ревеня.

Я пыталась выбирать между джемом из ревеня и ревенево-клубничным, когда слева кто-то сказал:

— Доброе утро, мисс Поулсон.

Я обернулась. Прекрасно.

— Доброе утро, детектив Гордон.

В джинсах и серой майке он выглядел иначе. Плоский живот, широкие плечи, которые я не замечала раньше, и... О чём это я думаю?

— Ищете, чем полакомиться? — спросил он.

Я тут же вспомнила Эндрю, поддразнивавшего меня за привычку класть во всё джем. Эндрю, который женился на девушке, которую знал всего две недели. Что сказал бы детектив Гордон, если бы знал, как много раз я ела джем по ночам в тёмной гостиной, прямо из банки.

— Эмм... нет. — Я закашлялась и отдернула от баночки руку. В глубине пикапа лежали толстые пучки красной редиски. — Я искала редис.

И зачем я это сказала...

—Позвольте, я достану для вас пучок. — Он перегнулся через край кузова и вытащил связку крупной круглой редиски, каждая размером с леденец.

— Вот спасибо, — сказала я.

— Рад помочь.

Я ждала, когда он уйдет, а я смогу вернуть редиску обратно. Но он только стоял и улыбался.

— Думаю, вы можете заплатить прямо здесь, — он указал на другую сторону прилавка.

— Да, отлично.

Я отдала деньги за редиску и сунула её в сумку, к горошку и пучку моркови. Потом обернулась.

— Хорошего дня, детектив Гордон, — сказала я с не слишком искренней улыбкой.

— И вам, мисс Поулсон.

Я стала пробираться через парковку. Он не пошёл за мной. Я отыскала Мэгги, которая нашла наконец свою картошку.

— Взяла свой джем? — спросила она.

— Нет, я... я передумала. Вот. — Я вытащила из полотняной сумки редиску и сунула Мэгги.

— Ты купила редиску вместо джема? — удивилась она. — Зачем? От неё такая отрыжка.

— Просто заberi ее.

— Ладно, — пожала плечами Мэгги.

Мы ещё ходили по рынку. Обе купили в бакалее по паре багетов хрустящего французского хлеба, а Мэгги вступила в долгую беседу с одним из продавцов о предстоящем урожае местных яблок, в которые, как она уверяла, я должна просто влюбиться. Мы с ней вышли на улицу и распрощались.

Я поднималась на холм, чувствуя вкусный запах хлеба из сумки на плече, и ругала себя за то, что не купила джем. У Эндрю теперь новая жизнь, и у меня тоже.

Во дворе не было ни следа котов. Я постояла на заднем крыльце. Во дворе Ребекки их тоже не видно. И как-то ужасно тихо. Я вошла в дом, оторвала кусок багета, потом разложила продукты. На майку налипли коричневые крошки с хрустящей корочки. Страхивая их, я обнаружила пятно мармелада от завтрака. Я поднялась вверх, переодеться и собрать бельё в стирку. Загрузила машинку и пошла обратно на кухню.

Наверху лестницы ждал Геркулес. Я взяла его на руки.

— Привет, клубок шерсти. Ты где был?

Кот потянулся и лизнул мой подбородок.

— Что? — засмеялась я. — На майке был мармелад, а на подбородке, наверное, омлет?

Я вынесла кота на крыльцо, посадила на скамейку и уселась рядом, потирая подбородок на случай, если там есть ещё остатки от завтрака. Почесала пушистую щечку Геркулеса.

— Что же мне делать с Ореном? — спросила я кота. Он потёрся головой о мою руку. — Ты тут не поможешь.

Он помотал головой, спрыгнул на пол, подошёл к двери, обернулся и посмотрел на меня.

— Хочешь зайти?

Геркулес поскрёб лапой низ двери.

— Эй! — сказала я.

Глядя зелёными глазами прямо мне в лицо, кот поднял лапу и стал скрести когтями порог.

Я открыла рот, чтобы опять прикрикнуть на него, но мне пришло в голову, что кот пытается что-то сказать.

— Что? — спросила я. — Я не понимаю.

Кот шлёпнул лапами по двери, она открылась, и Герк чуть не провалился внутрь. Он отряхнулся и с важным видом отошёл, задев меня хвостом. Было бы гораздо легче, если бы его суперспособности заключались в умении не проходить сквозь стены, а говорить. Я потёрла переносицу.

Я боялась, что Орен как-то связан со смертью Грегора Истона, и сомневалась, что детектив Гордон вычеркнул меня из списка подозреваемых. Кроме того, коты вели себя странно. Даже более странно, чем когда проходили сквозь стены и становились невидимыми.

Едва я вошла в кухню, зазвонил телефон. Я бросилась в гостиную, в сотый раз думая, что надо бы купить беспроводной телефон.

— Алло, Кэтлин. Это Рома.

— Привет, Рома.

— Как твоё плечо?

После завтрака я почти не вспоминала о плече. Я осторожно подвигала им вперёд и назад. Оно с трудом гнулось и немного болело, но в целом ничего.

— Гораздо лучше, — сказала я. — Ужасный синяк, но ничего не сломано.

— Рада слышать, — сказала Рома. — Понимаю, что получилось без предупреждения, но не могла бы ты пойти со мной в Вистерия-Хилл сегодня после обеда? Моему помощнику пришлось отказаться.

Остаться дома, убирать и терзаться сомнениями или помочь Роме, а заодно, может быть, узнать что-нибудь про котов?

— Да, — согласилась я.

— Отлично. Я заеду за тобой в два.

— Я буду готова.

— Кэтлин, я понимаю, что жарко, но нужно надеть длинные брюки и куртку с длинными рукавами.

— Хорошо, я подыщу что-нибудь.

— Тогда увидимся в два, — сказала Рома и повесила трубку.

Мне надо было закончить стирку, найти одежду и приготовить обед. Я вытащила из машинки чистое бельё, загрузила следующую партию и пошла к бельевой верёвке, толкнув входную дверь корзиной с мокрыми простынями и полотенцами. И из-за этого чуть не споткнулась об Оуэна, появившегося на пороге с бумажным пакетиком в зубах.

Наклонный полёт

— Оуэн! Ты опять! — я бросила на крыльцо корзинку с бельём.

Кот пристально смотрел на меня, не двигаясь с места. В зубах он сжимал коричневый пакетик. Интересно, есть ли программа «двенадцать шагов» для котов-клептоманов? На пакете я разглядела надпись «Бакалея «Вкусно и полезно».

— Оуэн, в пакете Весёлый Цыплёнок Фред? — спросила я.

Лохматая серая морда осталась непроницаемой.

— Дай посмотреть, — я присела перед котом.

Он сел, но пакет не выпустил. Я протянула руку.

— Я всё равно отберу, вот увидишь.

Оуэн помедлил, потом бросил пакет в протянутую ладонь и я его развернула. Я догадалась правильно. Внутри бумажного пакетика лежал жёлтый цыплёнок с кошачьей мятой.

Оуэн сунул нос в пакетик.

— Эй, подожди минутку, — я отняла у него пакетик, и кот громко мяукнул в ответ. — Я не забираю, я хочу вынуть его из пакета, для тебя.

Наконец, Весёлого Цыплёнка Фреда удалось достать из пакета, несмотря на то, что Оуэн всё время меня толкал. Он мгновенно выхватил цыплёнка из моих рук. Я встала и открыла для него дверь.

— Не разбрасывай обрывки цыплёнка по всей кухне.

Оуэн со знакомым радостно-остекленевшим взглядом пробежал мимо. Уверена, он не слушал.

Я снова взяла корзину с бельём. Когда я уже развешивала последнее выстиранное полотенце, из-за живой изгороди вышли Ребекка и Вайолет. Я сложила руки на груди.

— Ребекка, ты портишь мне кота, — я улыбнулась, показывая, что на самом деле не сержусь.

— Прости, Кэтлин, — улыбка у неё была почти как моя, — но это не я. Это Эми. Она любит животных, и Оуэн ей ужасно нравится. — Она поправила на носу очки. — И думаю, ему она тоже нравится. Он ходит за ней по пятам.

— Это потому, что он попрошайка, — я бросила прищепки в пустую корзину.

— Сколько у тебя котов, Кэтлин? — спросила Вайолет.

— Два. Оуэн и Геркулес. Оуэн — фанат кошачьей мяты.

— Они из старого поместья Хендерсонов, — сказала Ребекка.

Я кивнула.

— Они были маленькие. И просто увязались за мной.

— Рома проводит много времени в Вистерия-Хилл, заботится о кошках, которые там остались. Ей удалось выловить и стерилизовать всех, так что котят там больше не будет, — сказала Ребекка, потирая больное запястье.

Я облокотилась о перила.

— Я собираюсь пойти с ней сегодня, может, сумею чем-то помочь.

— Не забудь про брюки и длинные рукава, — улыбнулась Ребекка. — Там всё сильно заросло, особенно вокруг флигеля.

— Не забуду, — улыбнулась я в ответ.

— Кэтлин, я пригласила Ребекку и Рому на ужин, — сказала Вайолет, сама элегантно в бледно-зеленой блузке и юбке в цветочек. — Присоединяйся к нам.

— Спасибо, Вайолет, с радостью.

— Сможешь найти мой дом?

Вайолет жила в двухэтажном историческом особняке в центре города, Лин-хаусе. Я кивнула.

— Да, я проходила мимо пару раз. Не терпится взглянуть, как там внутри.

— Напомни тогда, чтобы я провела для тебя экскурсию, — улыбнулась Вайолет. — Увидимся вечером, часов в шесть.

— Скажи Роме, чтобы не задерживала тебя в Вистерия-Хилл допоздна, — сказала Ребекка.

— Ладно.

— Увидимся позже.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я подобрала корзинку и пошла в дом. Оуэн блаженно валялся с закрытыми глазами на полу посреди кухни. Пол вокруг него был усыпан обрывками тушки Весёлого Цыплёнка Фреда. Цыплячья голова лежала у него на животе, жёлтый пух ярко выделялся на белой меховой шкурке. Оуэн громко урчал. Я молча переступила через него. По крайней мере, пока отрывает головы цыплятам — не полезет в соседскую мусорную корзину.

К тому времени как подъехала Рома, всё выстиранное бельё висело на верёвке, я пообедала и переделалась в хлопковую майку с длинными рукавами, заляпанные краской брюки и джинсовую бейсболку. Оуэн занимался головой своего цыплёнка, а Геркулес спал на перилах крыльца.

— Я взяла садовые перчатки, — сказала я. На случай, если... ну, на всякий случай.

— Хорошая мысль.

— И ещё большой термос. Я сделала лимонад

— Ты имеешь в виду растворимый, из порошка, а не газировку в бутылке? — Рома удивлённо смотрела на меня.

— Нет. Лимонад — лимоны, сахарный сироп, холодная вода, лед.

— Шутишь?

Я покачала головой.

— Рома, моя мать умеет готовить две вещи, не считая тостов, которые, — я предупреждающе подняла палец, — не считаются, потому что почти всегда она либо забывает нажать на рычаг, и хлеб не жарится, либо забывает про сам хлеб, и он подгорает. — Я не могла не улыбнуться, вспоминая мамины попытки готовить. — Однако она делает самый лучший лимонад — настоящий, из лимонов — и очень вкусное печенье на соде.

— В общем, у тебя мама-праздник. Думаю, она бы мне понравилась.

Я улыбнулась. Подходящее определение для моей матери.

Рома махнула головой в сторону заднего сиденья.

— Я захватила воду со льдом в термосе. Но лимонад намного лучше.

— Сколько ты уже ходишь в Вистерия-Хилл? — спросила я.

— Чуть больше года, — она помахала рукой женщине, выгуливавшей крупного черного лабрадора.

Лицо знакомое, но я никак не могла вспомнить имя. Она все время брала в библиотеке этнические кулинарные книги, в последний раз — индийскую.

— Я работала в группе спасения бродячих котов в Де-Мойне, — сказала Рома.

— Ты жила в Де-Мойне?

— Много лет. Я вернулась всего полтора года назад.

— А почему вернулась? Можешь не отвечать, если вопрос слишком личный.

Она улыбнулась, не отводя взгляда от дороги.

— Я не против. Думаю, в основном из-за тоски по дому.

Мне знакомо это чувство. С другой стороны, я буду о многом скучать, если уеду из Мейвилл-Хайтс... точнее, когда уеду.

Мы подождали, пока проедут две легковушки и пикап, вероятно, направлявшиеся в город, и Рома свернула налево, на дорогу, ведущую к старому поместью.

— Не пойми меня неправильно, — сказала она. — У нас маленький городок, и кажется, что все всё про тебя знают. Но также все знают и тебя. Когда кто-нибудь спрашивает «как дела?», ему и правда интересно. Это не пустая любезность. Мне этого не хватало. — Она опустила окно на пару дюймов. — И потому новость о том, что Джо Росс выходит на пенсию, показалась мне божественным провидением. Я продала свою клинику, купила эту, и вот я здесь.

На этом участке дороги не было домов, только деревья, огромные старые деревья. За исключением асфальта, вероятно, все выглядело примерно так же, как при жизни матери Эверетта.

— Вистерия-Хилл давно заброшен? — спросила я.

— Давно, — Рома объехала останки дохлого скунса, одновременно закрывая окошко. — Должно быть, лет двадцать пять.

Меня это удивило.

— Двадцать пять лет? Но почему? Почему Эверетт забросил дом на двадцать пять лет?

— Да, это вопрос, — Рома затормозила и включила поворотник у дорожки к старому дому. — Честно говоря, сначала дом был не совсем покинут.

Мы начали подпрыгивать на разбитой грязной дорожке, и я вцепилась в дверцу машины.

— Эверетт ведь закрыл этот дом после смерти матери, да? — спросила я.

— Да, — ответила Рома, — всё, кроме задней части дома. Там жил сторож, присматривал за вещами и, полагаю, за котами тоже.

Мы въехали в открытые ворота перед домом — я смотрела во все глаза, как и в первый раз, весной, когда наткнулась на поместье.

Старый дом выглядел заброшенным. Он казался... одиноким. Окна заколочены досками, веранда справа провалилась. Двор ещё сильнее зарос высокой травой и сорняками, колючими розами и древесной порослью — новые деревья пускали корни, к дому медленно подбирался лес. Я подумала об остатках английского сада за домом. Некоторое время кто-то заботился о Вистерия-Хилл.

— Что же случилось? — тихо спросила я. — Как можно...

— Честно говоря, не знаю, — вздохнула Рома. — Никто не знает. — Она смотрела на дом. — За ним присматривали Джордж и Клара Андерсон. Они какие-то дальние родственники Литы, секретаря Эверетта. А потом они решили переехать в Мичиган, поближе к дочери и внукам. Незадолго до того, как я сюда вернулась. — Она дотянулась до бейсболки на заднем сиденье и надела её. — Эверетт проводил большую часть времени в Миннеаполисе, а домой приезжал только на выходные. Когда уехали Джордж и Клара, все

думали, что он наймёт кого-то другого. Но нет. Он перевел сюда свой бизнес и переехал сам, а дом оставил пустым. Если он и приезжал сюда — никто его не видел.

— Как же Эверетт мог бросить здесь котов? Я понимаю, он бизнесмен, занятой человек, но его нельзя назвать жестоким.

— Он не бросал, — сказала Рома. — Никто не знал, что здесь остались коты. — Она опять потянулась на заднее сиденье, на этот раз за тёмным полотняным рюкзаком. Рома открыла дверцу и вышла, я за ней. Она посмотрела на дом, потом, вверх машины, на меня. — Когда Андерсоны уезжали, они забрали с собой четырёх котов. Клара была из тех, кто даже жука вынесет на улицу, не раздавит.

Как Эми, подумала я.

— Она не смогла бы бросить котов. Когда я только неделю была здесь, один человек принёс раненого кота — на него, похоже, койот напал. Тем котом был Десмонд. — Рома хлопнула по стволу дерева.

— Не знала, что Десмонд был бродячим, — я помогла ей вытащить из машины две большие переноски для животных и несколько одеял.

— Ты думала, он просто злой? — усмехнулась Рома.

— Вовсе нет.

Десмондом звали кота Ромы. А вернее, это животное в её клинике было чем-то вроде сторожевой собаки. У чёрного лоснящегося Десмонда оставался только один глаз и была оторвана половина уха. Кот был очень крупный, а из-за своей внешности и замашек казался ещё больше. Я видела в клинике, как он свирепо смотрел на золотистого ретривера, тьявкающего из-под стула. Но он вполне дружелюбно сидел рядом со мной в комнате ожидания, пока стерилизовали Оуэна и Геркулеса.

— Я и не догадывалась, что Десмонд тоже из котов Вистерии-Хилл.

Рома сунула под руку одеяла, в другую взяла переноски, я подхватила оставшиеся, и мы направились к дому.

— Дес был почти взрослым, когда Маркус его принёс. Он приучился терпеть людей, но так ни к кому и не привязался — как Геркулес и Оуэн привязались к тебе — хотя ты ему нравишься больше всех.

— Маркус? — остановилась я.

Рома обернулась.

— Ага. Маркус Гордон, детектив, занимающийся делом Истоны, — она направилась дальше, на задний двор, и я поспешила за ней. — Даже раненым свирепый Десмонд смог расцарапать Маркусу руки и лицо, — улыбнувшись, продолжила Рома. — Так что ты не первый мой двуногий пациент, Кэтлин.

Рома раздвинула локтем кусты ежевики и пропустила меня вперёд.

— Кого-нибудь другого такая встреча с Демондом заставила бы ненавидеть кошек. Но не Маркуса. На самом деле, это он тот помощник, что не смог сегодня прийти.

Перед большим флигелем Рома опустила переноски на землю. Флигель был больше гаража, но гораздо меньше сарая.

— Что это за здание? — спросила я. — Для сарая слишком маленькое.

— Это была конюшня. А теперь здесь живут коты.

Она взяла у меня рюкзак, опустила на траву и открыла.

— А как же зимой?

Ромы вытащила пару газетных листов и постелила в переноски.

— Мы заботимся о котах всю зиму, так же, как и в остальное время. — Она поднялась, оглядела запущенный двор. — Мне потребовалось шесть недель, чтобы понять, сколько в этой колонии котов. Было девять самцов, три кошки и пять котят. Мне только с четвёртого раза удалось выловить всех для стерилизации.

— Не понимаю, почему ты вернула их сюда, — из-за длинных штанин и рукавов я уже немного вспотела.

— Потому, что они дикие. Они не привыкли к людям и плохо переносят жизнь с ними. — Рома подняла руку. — Знаю, знаю. Оуэн и Геркулес другие, и я не могу это объяснить. Я даже не уверена, что они были в этой стае. А насчёт Десмонда — я не думаю, что он дикий. Думаю, он был домашний, и его бросили.

— А есть разница?

Рома кивнула.

— Брошенный кот — бродячий — в конечном итоге пойдет на контакт, если его кормить. Дикий кот может привыкнуть и доверять тому, кто его кормит, но навсегда останется пугливым. — Рома присела и стала складывать газеты, чтобы уложить на дно переносок. — С хранителями котам в этой колонии — в их семье — неплохо.

Я села рядом и тоже стала сворачивать газеты.

— «Хранители»? Что ты имеешь в виду?

— Примерно то, что и сказала. Мы отлавливаем и стерилизуем котов, следим, чтобы они были здоровы. Из исходной девятки один оказался слишком болен, чтобы возвращаться сюда, и один котёнок умер спустя несколько месяцев.

— Значит, теперь здесь семь котов, — я уложила сложенную газету на дно клетки, как Рома.

— Точно. Мы организовали место для кормления, куда раз в день приходит волонтер. Зимой Гарри чистит дорогу.

Она отряхнула руки и встала, я тоже.

— А как коты спасаются зимой от холода?

— У нас есть для них укрытия, кошачьи дома. Ребекка сделала их из трех пластиковых контейнеров с теплоизоляцией и соломой внутри.

Я несколько не удивилась.

Рома снова порылась в рюкзаке и вынула банку тунца и вилку.

— Готовишь для нас ланч? — с улыбкой спросила я.

— Точно, — сказала Рома, поднялась и подхватила клетку. — Если только ты сможешь сюда залезть.

Я подняла вторую переноску и пошла по траве за Ромой в тень перед конюшней.

— Но если все кошки стерилизованы, зачем мы здесь?

Рома поставила свою кошачью ловушку у ствола клёна.

— Маркус был здесь вчера. Он заметил, что Люси — одна из старых кошек — хромает. Судя по его описанию, думаю, у неё нога сломана.

Рома взяла у меня вторую клетку и установила в нескольких футах от первой.

— Но как мы поймаем только одну кошку?

Рома открыла банку тунца.

— Для этого мы и взяли несколько ловушек. А Люси... она самая смелая и выйдет первой, я надеюсь.

— Выйдет?

Она показала на конюшню:

— Видишь ту дыру возле дверного проема?

Справа от двери в сарай деревянная стена прогнила или проломилась, образовав маленькое отверстие с рваными краями.

— Кошки лазят через эту дыру. Мы пользуемся дверью. Внутри есть кормушка, и там кошки спят.

Я кивнула.

— Положим тунец в ловушку, а когда кошка залезет за ним, она наступит на спусковой механизм и дверца захлопнется, — закончила за меня Рома, нажала на пластинку, и дверца упала ей на руку. — И скрестим пальцы, чтобы попалась правильная кошка.

— Довольно просто.

— Ага. Но до того как мы закончили отлов и стерилизацию, парочка из них все поняла, — она слегка поправила газеты.

— Одну кошку я смогла выманить только на куриную грудку, запеченную с розмарином и чесноком, и то, не поверишь, она пыталась ухватить цыпленка лапой и вытащить.

— А Оуэну хватило бы одного Веселого Цыпленка Фреда с кошачьей мятой.

— Ребекка все еще их покупает? — улыбнулась Рома.

— Сегодня это была Эми, — сказала я, смахивая с шеи жука, — но подозреваю, что без Ребекки не обошлось. Зайдя в дом, я обнаружила Оуэна с глупым видом валяющимся на спине и с цыплячьей головой на груди.

Рома засмеялась.

— Замени цыплячью голову на коробку шоколадного мороженого, и получится мой обычный вечер пятницы.

Теперь засмеялась я. Рома размяла тунца вилкой.

— А зачем одеяла, — поинтересовалась я. — Вряд ли мы собираемся пойти полежать в тенёчке.

— Нет, мы накроем ими клетки, так кошки ведут себя спокойнее. Но поваляться в тени тоже неплохая идея.

Она положила немножко тунца у задней стенки клетки, а потом выложила дорожку из маленьких кусочков до дыры в стене. Потом проделала то же самое со второй клеткой.

— А теперь давай ждать, — сказала она, вытирая руки о штаны.

Мы отошли к дому и уселись на облезлые ступеньки, откуда видны были конюшня и ловушки. Рома прислонилась к перилам, вытянула ноги.

— А что за теми деревьями? — спросила я, показывая за сарай.

— Другие деревья, — ответила она. — А за ними самый красивый луг, что ты видела в жизни. Приходи как-нибудь снова, и я отведу тебя туда.

— Это что, взятка? — я оперлась локтями на колени.

— Предпочитаю называть это поощрением, — усмехнулась Рома.

— Я с радостью как-нибудь опять помогу тебе, если получится, конечно, — улыбнулась я. — Но я не против поощрений.

— Буду иметь в виду, — Рома слегка сдвинулась влево, чтобы видеть обе ловушки и дверь конюшни.

— Рома, а что будет с котами, если Эверетт решит что-нибудь сделать со своей недвижимостью?

Она провела рукой по горлу.

— В часе езды отсюда есть ферма. Она принадлежит паре, много помогающей бродячим кошкам. Думаю, я постараюсь пристроить котов к ним.

— Коты отправятся на ферму? — я состроила гримасу. — Когда мне было шесть, некоторое время мы жили по соседству с Бартлетами, у которых был маленький черный пес Фарли. Фарли попал под машину, и они отвезли его к ветеринару. Миссис Бартлет сказала, что после того, как Фарли станет лучше, он будет жить на ферме, где сможет бегать, не опасаясь машин, — я подозрительно уставилась на Рома. — Это же не такая ферма, да?

Смеясь, Рома покачала головой и вытянула ноги.

— Нет, уверяю тебя.

— Ты всегда хотела стать ветеринаром?

— На самом деле нет, — ответила она. — Мне подсказал это направление один хороший учитель. А ты?

— Я хотела жить в библиотеке с того самого дня, как узнала, что там держат книги.

— Скучаешь по Бостону, Кэтлин?

Я откинула волосы со вспотевшего лба.

— Иногда. Особенно, когда говорю с родными или друзьями. С другой стороны — взгляни на это небо.

Над нами не было ничего, кроме бесконечной синевы.

— Иногда, когда я в своём кабинете, солнце светит в окно и играет на озере. И я думаю, что для работы нет места прекраснее.

— Подожди до января, — она наклонилась вперёд и, не отводя взгляд, дотянулась и похлопала меня по ноге. — Смотри. У двери.

Я села, подавшись влево, чтобы лучше видеть. Из дыры выбралась маленькая трёхцветная кошка.

— Да! — прошептала Рома.

— Это Люси? — спросила я.

Она кивнула.

Я смотрела, как кошка осторожными шажками подошла к ближайшей клетке и понюхала воздух. Она определённо хромала.

— Ну, давай же, — прошептала Рома, — иди.

Люси подбиралась всё ближе к клетке и наконец дошла до дверцы, обнюхала маленький кусочек тунца, положенный Ромой, потом съела.

— Хорошая девочка, — тихонько сказала Рома.

Тут кошка развернулась и двинулась прочь. Рома застонала. Люси остановилась, подёргала ушами. Я задержала дыхание. Маленькая кошка огляделась, опять понюхала и пошла к другой клетке. От волнения Рома схватила себя за волосы. Люси подошла к ловушке. Она опять обнюхала кусочек тунца у дверцы, потом съела. Мы с Ромой не шевелились. Люси сунула голову в клетку и съела ещё кусочек, ступила внутрь одной лапой, потом другой. Я догадывалась — остался ещё один шаг. Я не ошиблась — Люси наступила на пружину, и ловушка захлопнулась. Кошка взвыла от ужаса и бросилась к дверце. Рома направилась к ловушке, ласково уговаривая кошку. Развернув одеяло, она набросила его на клетку, но Люси продолжала выть и бросаться на дверцу.

— Так она поранится, — сказала Рома и пошла к машине. — Возьму свою сумку, надо дать ей что-нибудь.

Я не знала, что делать. Присев на корточки так, чтобы Люси меня не видела, я мягко

заговорила с ней, так же как с Оуэном и Геркулесом, когда их надо везти к Роме в клинику. Я сказала ей, что все будет в порядке. Не уверена, что кошка меня слышала. Но внезапно она затихла. Перестала выть, перестала кидаться на прутья клетки. Я понадеялась, что не испугаю ее, и отогнула краешек одеяла. Она прижималась к полу, зрачки были просто огромные.

— Все хорошо, — мягко сказала я и продолжила разговаривать с ней, пока не появилась Рома.

Она уставилась на меня, качая головой.

— Ты или доктор Дулиттл, или Заклинатель кошек. И кто же именно?

Иголка на дне морском

На стойке стояла бутылка вина, в СД-плеере — диск Барри Манилова, чёлка чудесным образом убрана с моего лица. Всё шло отлично, по крайней мере, в данный момент, в моём маленьком уголке этого мира. Правда, не для Оуэна. Он прятался под кроватью — сидел там с тех пор, как раздались первые ноты «Я сочиняю песни». Геркулес ходил по краю кровати и старался заглянуть под нее.

— Брось, — сказала я. — Ты же знаешь, какой он. Не вылезет, пока я не сниму этот диск. — Я подхватила Герка и закружилась, подпевая музыке. Из-под кровати донёлся приглушённый вой.

Мы с Геркулесом дотанцевали до шкафа, и я посадила кота на пол.

— Ну, что мне надеть? — спросила я его.

Кот чихнул на первое, что я выбрала, зевнул на второе. Мой третий выбор, белый топ и синюю юбку, он приветствовал двумя лапами. Ну, на самом деле он просто оглядел одежду со всех сторон и пошёл прочь, что означало либо «Отличный выбор», либо «Ты безнадёжна, ничего тут не поделаешь».

Дом Вайолет стоял в центре города, рядом с рынком и сообществом художников — большой, двухэтажный, в колониальном стиле, с прекрасным двором и перестроенной конюшней позади. По обеим сторонам дорожки, ведущей к двери, цвели белые и розовые бальзамины. Лужайка казалась зеленым ковром — наверное, за двором Вайолет ухаживал Гарри. Никто другой не сделал бы этого так тщательно, разве что, сама Вайолет. А я с трудом могла представить, как она подстригает траву вокруг дорожки с триммером на плече.

Дверь открыла Ребекка:

— Кэтлин, проходи, Вайолет в кухне.

Я вошла в холл, так же тщательно ухоженный, как и всё вокруг дома. Похоже, паркетный пол и широкие декоративные панели были оригинальные, но тщательно восстановленные и отполированные. Люстры под потолком сверкали хрусталём и латунию.

— Ух ты! — шёпотом сказала я Ребекке.

Она похлопала меня по руке и улыбнулась как ребёнок.

— Правда здорово?

— Прекрасно.

Всё выглядело идеально — от картины с подсолнухами до маленького антикварного столика у винтовой лестницы, ведущей на второй этаж.

— Погоди, ты ещё увидишь рояль, — заговорщически сказала Ребекка, наклоняясь поближе.

Она провела меня в большую комнату справа от холла. У окна стоял массивный концертный рояль.

— Как же его сюда втащили? — спросила я.

— Не знаю, — нахмурилась Ребекка. Он стоял здесь, ещё когда Вайолет была маленькой.

За роялем я увидела камин. Ещё в комнате стояло два дивана, покрытых тканью глубокого синего цвета, а также несколько удобных кресел.

— Привет, Кэтлин, — сказала Вайолет за моей спиной.

Я обернулась.

— Привет, Вайолет. У тебя прекрасный дом.

— Спасибо, — ответила она. — Я не забыла, что обещала тебе экскурсию.

— Жду с нетерпением.

Поверх жёлтой блузки и юбки цвета загара на Вайолет был зелёный фартук в цветочек. А по ней не скажешь, что она когда-нибудь хотя бы заходила на кухню. Случалось ли этой женщине спешить? Бывает ли она взъерошенной или неаккуратной как мы, все остальные?

— Как дела в Вистерия-Хилл? — спросила Ребекка.

— Отлично, — ответила я. — Рома думает, что одна кошка сломала лапу. Нам удалось её поймать.

— Хорошо.

— Садитесь, пожалуйста, — Вайолет показала на диваны.

Мы с Ребеккой сели на диван, а Вайолет — в кресло.

— Значит, кошка сломала лапу? — спросила Вайолет.

— Рома не была уверена, — сказала я.

— Я рада, что она вернулась, — продолжала Ребекка. — Боюсь даже думать, что было бы без неё со всеми этими кошками.

— Замёрзли бы насмерть или попались бы первой же зимой, — сказала Вайолет.

Я взглянула на неё.

— Попались?

Она кивнула.

— Коты не раз обращали в бегство тех, кто околачивался вокруг старого дома. Вот и болтают, что этих котов надо переловить и усыпить ради их же блага.

Ребекку передернуло.

— И как же убийство живого существа может пойти ему на пользу?

Зазвонил дверной колокольчик.

— Извините, — поднялась Вайолет.

Я повернулась к Ребекке.

— Рома говорила, ты помогала устроить зимнее убежище для кошек.

Она расправила рукав, прикрывающий повязку на руке.

— Не могла думать, что бедным животным негде согреться, — она оглянулась. У двери стояла Вайолет, впуская Рому. Ребекка наклонилась ко мне. — Скажу по секрету, это Ви купила те пластиковые контейнеры, которые мы использовали для домиков. Хотела, чтобы никто не знал. Она на самом деле очень добрая.

Я приложила палец к губам.

— Я не выдам твой секрет.

Из холла вошли Рома и Вайолет.

— Привет, — сказала Рома, поднимая руку, потом глубоко вздохнула. — Вайолет, как вкусно пахнет.

— Значит, мне пора пойти проверить, как там наш ужин, — улыбнулась Вайолет. — Садись, Рома. Я сейчас, — добавила она уже через плечо и исчезла в глубине дома.

Рома шлёпнулась в кресло на место Вайолет. Казалось, она чем-то встревожена.

— Как Люси? — спросила я. — Кошка, — добавила для Ребекки.

— Лапа сломана. Нужна операция.

Я вздохнула.

— Завтра из «Лесного Озера» выезжает Дэвид Торнтон, ветеринар, специалист по

мелким животным, он мне поможет.

У него большой опыт, он использует новую технику лечения. Люси должна поправиться.

— Если понадобится моя помощь, когда настанет время везти её назад — дай мне знать.

— Ладно, — она повернулась к Ребекке. — Похоже, Кэтлин умеет ладить с животными. Люси запаниковала в клетке, а Кэтлин поговорила с ней, и она успокоилась.

— Кэтлин со всеми находит общий язык, — улыбнулась Ребекка.

В двери появилась Вайолет.

— Как насчёт бокала вина? Кто-нибудь за рулём?

— Я пешком, — сказала Ребекка. — Так что выпью бокал, спасибо.

— Меня подбросит Эми. Мне тоже чуть-чуть, пожалуйста.

Вайолет взглянула на меня.

— Я тоже пешком, — сказала я и показала полтора дюйма большим и указательным пальцами. — Мне полбокала, пожалуйста.

— Я сейчас, — сказала Вайолет.

Я обернулась к Ребекке.

— Какие новости насчёт фестиваля? Эми не сказала, уже приняли решение?

— Его же не собираются отменять? — спросила Рома.

Ребекка подвинулась, чтобы видеть нас обеих.

— Если комитет не найдёт замены дирижёру, придётся закрыть фестиваль. А возможно, его отменят, даже если замена найдется, — вздохнула она.

— Почему? — спросила я.

— Потому, что без дирижёра тире руководителя некому проводить репетиции.

— Вообще-то есть кому.

Мы все обернулись к Вайолет. Она, улыбаясь, шла к нам по сверкающему дубовому полу.

— Правление фестиваля попросило меня продолжить репетиции.

Она принесла деревянный поднос с четырьмя бокалами. Вайолет предложила его Ребекке, та взяла бокал и улыбнулась.

— Прекрасная новость, Вайолет. Эми мне не говорила.

— Она не знала, — Вайолет обернулась ко мне с подносом в руках. — Мне позвонили только час назад.

— Рада, что ты займёшь эту должность, — я взяла бокал, — я много слышала о фестивале. Обидно, если он так закончится.

Вайолет протянула бокал Роме, а последний взяла себе. Рома пригубила вино.

— Прекрасно, — она откинулась на спинку кресла. — Вайолет, почему тебя просто не назначат директором фестиваля?

Вайолет сделала глоток из своего бокала, потом опустила его на круглую стеклянную подставку на кофейном столике.

— Потому что никто не знает, кто я.

— Это смешно, — сказала Ребекка. — В Мейвилл-Хайтс все знают, кто ты. Ты же читала лекции в Мичиганском университете и в Институте музыки в Кливленде.

Рома оглянулась на рояль.

— Я слышала, как ты играешь. Ты очень талантлива.

— Спасибо, — подняла руку Вайолет. — У меня прекрасная работа и множество

возможностей, но нет ни имени, ни признания.

— А они нужны для привлечения людей. Для продажи билетов это так же важно, как и музыка, — сказала я.

— Именно так, — кивнула Вайолет.

— Но на фестиваль должны приходить из-за музыки, не из-за личностей, — сказала Рома. — И не из-за дирижёра, который плавает нагишом у особняка «Плейбой».

— Грегор Истон плавал голым? — удивилась я.

— Нет, Циния Янг, — сухо сказала Рома.

— Откуда ты знаешь? — спросила Вайолет.

Рома порозовела, как блузка Ребекки.

— Я кое-что про это читала в «Голливудском вестнике».

— «Голливудский вестник»? — Ребекка попыталась остаться невозмутимой, но не смогла.

— И не говори мне, что никогда не брала журналы в супермаркете, Ребекка, — сказала Рома.

— Только ради новостей, — бесстрастно ответила Ребекка.

Рома засмеялась и пригубила вино. Я тоже наконец сделала глоток. Вино было лёгкое, чуть сладкое, согревающее, как солнечные лучи. Я отпила ещё немного и повернулась к Вайолет.

— Это вино Руби?

— Да, — она снова подняла бокал.

— Очень хорошее. — Я наклонила бокал так, что прозрачная жидкость закружилась. — Но потихоньку пьянеешь.

Вайолет изучала содержимое своего бокала.

— Я тоже заметила. — Она поднялась на ноги. — Прошу прощения. Ужин будет подан совсем скоро.

— Кэтлин, ты сказала, что вино сделала Руби? — спросила Рома.

— Ага. — Я поставила бокал на подставку на кофейном столике.

— В этом есть смысл, — кивнула Рома. — Я ходила в школу с Келли, матерью Руби. Её отец, дед Руби, был местным бутлегером.

— Хочешь сказать, делал...

— Нет, нет, — перебила Рома. — Не делал. Продавал. Вернее, перепродавал.

— Обычно у него в деле были три-четыре бочки свича, — сказала Ребекка. Так что технически — делал.

— А что это — бочки свича?

Ребекка поправила сползшие на кончик носа очки.

— Это дубовая бочка для выдерживания виски или другого спиртного. Люди покупают подержанные бочки, наливают в них воду, со временем в неё просачивается алкоголь и получается бочка свича. Знаешь, и отец и дед Орена делали бочки для Союза винокурен.

— Летом Орен обычно помогал деду, — сказала Рома.

Ребекка кивнула.

— Да. Но Орен не просто столяр, он художник. Это у него от отца.

— Что стало с теми скульптурами? — спросила Рома, ёрзая в кресле.

— Надеюсь, они ещё во дворе. Может, Орен убрал их в сарай.

Я переводила взгляд с одной на другую, пытаюсь понять, о чём это они. Ребекка

заметила моё замешательство.

— Ой, извини, Кэтлин. — Мы говорим о незнакомых тебе людях и событиях, — она поправила подушку за спиной. — Дай-ка я объясню.

Я снова взяла свой бокал и откинулась на спинку дивана.

— Карл, отец Орена, был плотник и маляр. Он работал на Гаррисона Тейлора — Старого Гарри — а также делал бочки для винокурни. Видела лестницу на откосе Вайлд-Роуз? Это работа Карла. Но в свободное время он делал потрясающие скульптуры из металла. Очень большие. К сожалению, мало кто может их увидеть. — Должно быть, она заметила удивление на моём лице. — В те дни молодой человек из Мейвилл-Хайтс в Миннесоте никак не мог стать художником, как бы он ни был талантлив.

Я подумала о солнце, которое сделал Орен для входа в библиотеку.

— Ты в последнее время не заходила в библиотеку, Ребекка, — сказала я. — И не видела солнце, вырезанное Ореном, оно прямо за дверью.

— Орен сделал солнце? — спросила Рома.

Она ковыряла ноготь на безымянном пальце левой руки, и я задумалась, не волнуется ли она за больную кошку больше, чем хочет показать.

Я кивнула.

— Я не знала. Наверняка оно красивое.

— А ещё он сделал новые кованые перила для лестницы.

— Умение и талант у него в крови, — сказала Ребекка. — Карл-старший, отец Анны, был кузнецом.

— Анна? — удивилась я. — Мать Эверетта?

— Да, — кивнула Ребекка. — Мать Эверетта и дед Орена были братом и сестрой.

В дверях появилась Вайолет.

— Ужин готов. Пожалуйста, захватите свои бокалы.

Окна столовой выходили на задний двор. Я ожидала увидеть чопорный интерьер, но комната оказалась очень уютной. Стол покрывала кремовая скатерть в тон кремовым с голубыми цветочками салфеткам. Вокруг стола — шесть чёрных кресел, обитых кожей. Усевшись, я обнаружила, что они очень удобные. Вайолет расположилась во главе стола, слева от неё Ребекка, справа Рома.

На ужин был палтус с овощами, рисом и крошечными морковками и салат с горчичным соусом. Вайолет изумительно готовила. Когда она снова наполнила бокалы, я задумалась, откуда у нее вино Руби. Они обе любили музыку, но я понятия не имела, что они дружат. Рома явно задавалась тем же вопросом.

— Вайолет, а откуда у тебя домашнее вино Руби? — спросила она.

Вайолет опустила вилку.

— Верно, я же вам не сказала. Руби собирается переехать в квартиру над гаражом. — Она обернулась ко мне. — Может, ты заметила гараж в конце подъездной дорожки?

— Да, заметила.

— Там на втором этаже есть помещение. У меня там давно не было арендаторов, но я решила, что неплохо было бы, чтобы кто-то жил рядом.

— Когда она переезжает? — спросила Рома.

— В конце месяца. А если фестиваль закроют, то немного раньше.

Рома подцепила вилкой морковь.

— Как ты думаешь, что случилось с Грегором Истоном?

Вопрос прозвучал непринуждённо, но я заметила, как крепко она сжала вилку.

— Я думаю, он был развратный старый козёл, который ввязался во что не следует с кем-то слишком молодым для него.

— Значит, ты считаешь, с ним случился сердечный приступ или инсульт?

— А ты — нет? — спросила Вайолет.

— Это наиболее вероятно, — медленно проговорила Рома. — Как я слышала, у него был ненасытный аппетит. Но если это просто сердечный приступ — почему полиция всё ещё занимается расследованием?

Я не стала говорить, что Истон умер совсем не от сердечного приступа, скорее всего, даже и не в результате несчастного случая. Мне хотелось посмотреть, куда зайдёт этот разговор.

— Потому, что Грегор Истон был своего рода знаменитостью. Он умер здесь, в Мейвилл-Хайтс, большинству людей это название ни о чём не говорит. — Вайолет подлила себе ещё немного вина. — Так почему бы полиции и не перестраховаться? К тому же, возможно, работу нашего «деревенского» департамента будут обсуждать. — Она взглянула на меня. — Кэтлин, ты раньше жила в Бостоне. Должно быть, жителю большого города наш городок может показаться немного скучным?

— Некоторым людям — да, — согласилась я.

— А как насчёт тебя? — усмехнулась Ребекка. — Наверное, мы для тебя похожи на кучу дровосеков, бегающих по лесу во фланелевых рубашках?

Она отщипнула кусочек рыбы и сунула в рот.

— Сначала я так не думала, — сказала я. — А потом, в мою первую неделю здесь, Сьюзен пришла утром на работу в отделанных мехом сапогах, шапке-ушанке и куртке в красно-черную клетку.

Вайолет и Ребекка рассмеялись.

— Я думаю, Сьюзен мерзнет, — сказала Ребекка. — Она такая худенькая.

— И прошлой зимой клетка была в моде, — добавила Вайолет.

— Значит, Сьюзен не оставила у тебя впечатления, что мы тут все деревенщины? — спросила Ребекка, положив нож и вилку на края своей тарелки.

Я положила в рот последний кусочек рыбы и сделала то же самое.

— Совсем нет. Мне случалось жить в маленьких городках, так что я в курсе.

— Я думала, ты выросла в Бостоне, — сказала Вайолет, встав, чтобы собрать тарелки.

— Нет, я жила в разных местах на Восточном побережье. Мои родители — актёры.

— Театральные? — спросила Вайолет.

— В основном. Отец много лет снимался в рекламных роликах. Но большую часть времени они играли на сцене.

Я поняла, что Вайолет умело увела разговор от Грегора Исто́на и его смерти. Почему? Считает, что это неподходящая тема для разговора за ужином? Или у неё есть другая причина?

Рома рядом со мной молча вертела в руках вилку.

— А ты не хотела играть? — спросила Ребекка, допив наконец своё вино.

— Нет, — решительно сказала я. — Прежде всего, я не унаследовала от родителей ни капли таланта. Роль запомнить могу, но на сцене я просто бревно.

— Не может быть.

— Может, и есть. Я думаю, актёрская игра мне неинтересна потому, что в ней нет

ничего необычного, неизвестного.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Вайолет, вернувшаяся с черничным пирогом на большом прозрачном блюде.

— Я знаю, какой трудной бывает актёрская жизнь. Я видела работу, неприятие, неопределённость. В этом нет ничего привлекательного. Не для меня.

Вайолет отрезала кусок пирога и передала Ребекке.

— А что насчёт остальных членов семьи? — спросила Ребекка, принимая тарелку. — У тебя есть братья или сёстры?

— Младшие брат и сестра. Двойняшки.

Вайолет протянула нам с Ромой тарелки с пирогом.

— Они играют на сцене?

Я покачала головой.

— Нет. Сара — сценарист и кинорежиссёр. Она сделала несколько короткометражек. Ещё она работает с гримом. В Бостоне и окрестностях снимается достаточно много фильмов, так что работы ей хватает. — Я подцепила вилкой кусок пирога — сочная черника, лёгкий крем и слоёное тесто. — Ммм, Вайолет, очень вкусно.

— Спасибо, — ответила Вайолет. — Это рецепт Ребекки.

— Значит, и тебе спасибо, — сказала я Ребекке через стол, поднимая вилку.

— На самом деле, это рецепт моей матери. Хотя, мне кажется, ты добавила к ягодам немного мускатного ореха? — она взглянула на Вайолет, разливавшую кофе.

— Да, добавила, — Вайолет подала мне чашку. — Ты рассказывала о семье. А кем работает твой брат?

— Он музыкант. Барабанщик. Преподаёт джаз, играет в группе «Горящие песчанки».

Рома чуть не поперхнулась кофе.

— «Горящие песчанки»?

— Ага. Итан играл в какой-нибудь группе всегда, еще с детства. Первую он собрал в детском саду. Называлась «Выше нос».

Все засмеялись.

— А ты, Вайолет? — спросила я. — Ты играла в группе, когда была младше?

— Нет, если не считать ритмической группы во втором классе. Я играла на среднем треугольнике.

— Играла, — подтвердила Ребекка. — Вайолет — виртуоз треугольника.

— Я участвовала во многих репетициях, когда была на первом курсе, — сказала Вайолет.

— А в каком колледже ты училась? — спросила я. Может, она знала Грегора Истона в университете?

— Оберлин-колледж. Это в Огайо. А ты?

Истон ходил в Университет Цицинати.

— В Хассоне, штат Мэн, — я улыбнулась от воспоминаний. — Может, у меня и не было стереотипов насчет Миннесоты, но о Мэне точно были. Я явилась туда в конце лета, в самую жару, с полным чемоданом свитеров. Слава Богу, моей соседкой по комнате оказалась Лиза. Я подумала о том, когда опять её услышу. Если кто и может нарыть информацию о Грегоре Истоне, так только она.

Когда мы закончили десерт, Вайолет предложила показать мне дом. Все комнаты были так же прекрасны, как гостиная и холл.

— Llŷn, — сказала я, когда мы снова вошли в гостиную. — Это валлийский?

— Да. Это значит «озеро», — кивнула Вайолет. — Родители моей матери были из Уэльса.

Рома смотрела на большую фотографию на стене — уличный снимок, сделанный в центре города, у озера, лет пятьдесят назад. Вайолет присоединилась к ней, стала показывать старинные достопримечательности. Я села на диван к Ребекке.

— Вайолет — отличный повар.

— Так и есть. Еще когда мы были девочками, она умела чуть изменить рецепт, придать ему собственный уникальный вкус.

— Вы давно дружите?

— Всю жизнь. С тех пор как пошли в школу. Вайолет мне как сестра. — Она откинулась на спинку дивана, сложила руки на коленях. — У меня два старших брата, они постоянно дразнились. А Вайолет — единственный ребёнок. Но она была бесстрашной. — Ребекка покачала головой, улыбаясь каким-то воспоминаниям. — Нам запрещали ходить на озеро, — сказала она, понизив голос, чтобы нас не слышали. — Но мы постоянно туда пробирались. Мой брат Стивен наядбедничал о нас. На следующее утро все его ботинки оказались полны мокрого песка — и те, что он носил в школу, и пара получше, для церкви. — Она засмеялась. — Это сделала Вайолет, и я до сих пор не знаю, как.

Я окинула взглядом гостиную.

— Трудно представить, что Вайолет была непослушным ребёнком.

Ребекка погладила диванную подушку.

— Понимаю, она кажется очень сдержанной. Некоторые считают её холодной, но это не так. Просто жизнь заставила казаться такой. — Она оглянулась. — Вайолет выросла в этом доме. Когда её мать и отец умерли через полгода один за другим, ей было всего двадцать пять. Десять лет спустя она осталась вдовой с двумя маленькими мальчиками. И если она кажется бесчувственной — что ж, это не удивительно. Но в глубине души она добрая и преданная. Я всегда могла на неё рассчитывать. Я сделаю для неё что угодно, как и она для меня.

— Это то, что моя мать называет сёстрами по сердцу, — сказала я.

Ребекка снова взглянула на Вайолет.

— Это мне нравится. — Она обернулась ко мне. — У тебя очень интересная семья, Кэтлин. А как ты попала в Мейвилл-Хайтс?

В памяти внезапно возникло лицо Эндрю — широкая улыбка, бездонные синие глаза, светлые волосы, спускавшиеся кольцами на ворот, когда он запаздывал со стрижкой. Может быть, дело было в любопытстве Ребекки, а может — в двух бокалах вина Руби. Так или иначе — я ответила честно:

— Я сбежала.

Глаза Ребекки расширились в удивлении.

— От чего?

— От той своей жизни. От семьи — я их люблю, но иногда мне не хватало воздуха рядом с ними.

Ребекка понимающе кивнула.

— И от мужчины, с которым я надеялась провести остаток своих дней.

Я на минуту отвела глаза. Вайолет и Рома рассматривали фотоальбом.

Ребекка наклонилась ко мне, сжала руку.

— Извини. А ты не против, если я спрошу, что случилось?

Я покрутила ремешок часов, не глядя на неё.

— Он женился на другой.

— Тогда, возможно, тебе лучше быть подальше от него.

— Моя подруга Лиза так и сказала. А ещё — назвала его никчёмным мерзким слоновьим дерьмом.

Ребекка немного помолчала.

— Думаю, мне бы понравилась твоя подруга Лиза, — наконец сказала она, едва заметно улыбнувшись.

— Всё немного сложнее, — сказала я.

— Я слушаю.

— Эндрю — так его зовут — хотел, чтобы я оставила работу и посмотрела страну. Всю страну. Вместе с ним.

— Я так понимаю, что ты этого не хотела.

— Нет, не хотела, — я потёрла ноготь кончиком пальца. — Ребекка, когда я росла, мы жили во многих местах. Маленькие города, большие города, и всё, что между. Большую часть страны я уже видела. Я хочу оставаться на одном месте. Хочу быть частью чего-то — как ты, Вайолет и Рома. — Я взглянула на гостеприимную комнату Вайолет. — Вайолет выросла в этом доме. Вы с ней дружите почти всю жизнь. А я точно не знаю, в каком количестве разных мест жила, и всё моё детство помещается в кладовке, в Бостоне, в одной картонной коробке. — Я покрутила часы на запястье. — Мне просто хотелось принадлежать к чему-то.

— Твой Эндрю этого не понял.

Я оглянулась через плечо на темнеющую улицу.

— Да, не понял. Когда я сказала «нет», он пошёл в двухнедельный поход по штату Мэн. А вернулся женатым.

— Через две недели?

Я кивнула, пытаюсь справиться с комом в горле.

— Женатым. На следующее утро после того, как он вернулся, я пошла на работу, увидела объявление Эверетта и написала заявку. — Я вытянула руки. — И вот я здесь.

Ребекка внимательно смотрела на меня.

— Но ты ещё скучаешь по нему.

— Иногда. Но с этим покончено. Время движется только в одном направлении — вперёд. Так что, как бы мне иногда ни хотелось что-то изменить, ничего не поделаешь.

Взгляд Ребекки стал отсутствующим.

— Есть в первой любви что-то особенное, — сказала она. — Но ты права, важно двигаться вперёд. И потеря твоего Эндрю стала нашим приобретением, — она улынулась. — Я надеюсь, ты начинаешь чувствовать себя принадлежащей этому месту.

Я не успела ответить, из столовой выглянула Рома:

— Ребекка, помнишь, что было на углу напротив рынка?

— Андерсон, — не раздумывая ответила Ребекка. — Они продавали ткани. Он был портной.

Рома похлопала себя по виску.

— Андерсон. Конечно. Спасибо. — Она снова вернулась к альбому, который они с Вайолет до сих пор рассматривали.

Ребекка взглянула на меня.

— Хочешь посмотреть, каким был Мейвилл-Хайтс в добрые старые времена?

— Конечно, — согласилась я.

Мы подошли к Вайолет и Роме. Чёрно-белое фото в рамке было замечательно чётким и подробным. Ребекка провела меня по улице на старом снимке, показывая на каждое здание и рассказывая связанные с ним истории о себе и Вайолет.

— Знаешь на самом деле центр города не сильно изменился, — сказала я. — Я узнаю гостиницу и вон те маленькие магазины.

— Это потому, что старые дома строили на совесть, — сказала Ребекка.

— Как насчёт ещё чашечки кофе? — предложила Вайолет. — Он без кофеина.

— Давай, — сказала Рома, и я тоже кивнула.

— Ещё кусочек пирога с черникой?

— Маленький, — Рома показала пальцами.

— Кэтлин? — Вайолет взглянула на меня.

— Не заставляй меня есть в одиночестве, — сказала Рома. Её улыбка казалась немного натянутой.

— Маленький-маленький кусочек, — согласилась я.

Ребекка взяла у Вайолет альбом.

— Почему бы не отнести его в гостиную? — спросила она. — Я скоро к вам присоединюсь.

— Тебе помочь? — спросила Ребекка.

— Покажи Роме и Кэтлин другие старые фото. А я принесу кофе.

Мы устроились на диване по обеим сторонам от Ребекки с альбомом на коленях.

— Вот, — она показала фото девочки с серьёзным лицом и в тёмном платье с белым воротничком и манжетами. — Это Вайолет, старший класс средней школы. Узнаёте, это здание, где сейчас Центр Искусств? Мы учились там в старших классах.

Я подвинулась, чтобы рассмотреть.

— Она выглядит такой серьёзной.

— Посмотрите сюда, — Рома тронула пальцем фото на соседней странице. Вайолет в нарядном платье, с сумочкой и с очень неудачной пышной причёской.

— Интересная причёска, — сказала Рома, стараясь не рассмеяться.

Ребекка засмеялась, прикрывая рукой рот.

— Подумать только, я и забыла. Это был первый раз, когда я сделала Ви причёску.

— И он чуть не стал последним, — сказала Вайолет, вошедшая с кофейным подносом.

Я поднялась, взяла у неё поднос и поставила на кофейный столик.

— Не так уж и плохо вышло, — сказала Ребекка. — Может, чересчур пушисто.

— Она начесала мне всю голову и вылила целую банку лака.

— Ну, мне не хотелось, чтобы моя работа выглядела плоской.

— В ночь той вечеринки было ветрено и дождь, — сказала Вайолет, наливая кофе. — Ветер чуть не сорвал с петель дверь, а моим волосам хоть бы что.

— Значит, хорошо, что я использовала много лака, — Вайолет улыбнулась ещё шире.

У меня было чувство, что всё это они уже много раз говорили раньше. Я забрала у Ребекки альбом, чтобы она смогла взять свой кофе. Рома уже приступила к своему ломтику пирога, который на самом деле вовсе не был крохотным.

Я полистала фотографии. Вайолет была на них такой юной. На многих она улыбалась, даже смеялась на некоторых, и я удивилась, что когда-то она выглядела как девчонка.

Больше всех мне понравилась картинка, где Вайолет и другая девушка стояли у воды, обнимая друг друга за плечи и широко улыбаясь.

— Ребекка, это ты? — спросила я.

Она поставила чашку и повернула альбом к себе.

— Боже мой, да. Это как раз перед тем, как Вайолет уехала в Оберлин.

— Это первый снимок, где я вижу вас обеих, — сказала я.

— Я не слишком люблю фотографироваться, — пожалала она плечами.

— Ты так хорошо здесь получилась.

— Спасибо, — сказала Ребекка, снова перетаскивая к себе альбом, чтобы я могла взять пирог. — Вспомнила — у тебя есть семейные фото? Я с удовольствием посмотрела бы как-нибудь.

— Есть. Напомни, я тебе покажу.

— Кэтлин, как идёт работа в библиотеке? — спросила Вайолет, усаживаясь в кресло с чашкой кофе.

— Немного медленнее, чем хотелось бы. Ларри Тейлор почти закончил делать проводку в компьютерном зале. Стойка выдачи закончена, и я надеюсь, через день-два полиция позволит нам вернуться к конференц-залу.

— А почему полиция в библиотеке? — спросила Рома. — Грегор Истон умер в Стрэттоне.

Я сделала глоток кофе — придётся многое сказать.

— Истон приходил в библиотеку тем же вечером, и возможно, он туда возвращался.

Рома закашлялась. Ребекка потянулась и похлопала её по спине.

— Принести тебе воды? — спросила Вайолет.

Рома подняла руку. Она кашлянула ещё пару раз, потом глубоко вздохнула.

— Всё прошло. — Она отпила кофе, ещё раз вздохнула. — Ягодка черники попала не туда. — Рома взглянула на часы. — Мне уже пора возвращаться в клинику, проверить кошку. Спасибо, Вайолет. Всё очень вкусно. — Она поднялась и посмотрела на меня. — Кэтлин, если я тебя не тороплю — мы могли бы полпути пройти вместе.

Она не сказала «пожалуйста» вслух, но я увидела, что ей хотелось.

— Да, — сказала я. — Надо посмотреть, как там Геркулес и Оуэн. Кто-то, — я обернулась и посмотрела на Ребекку, — опять дал Оуэну цыплёнка с кошачьей мятой. Наверное, сейчас у меня по всей кухне валяются клочья этого цыплёнка.

— Не смотри на меня, — сказала Ребекка, не поднимая головы от альбома. — Это Эми. Но я видела, что она улыбается.

Я поблагодарила Вайолет за ужин и за то, что поделилась своими фотографиями. Мы с Ромой пожелали всем спокойной ночи и вышли на улицу. Луна была почти полной, а звёзды сверкали так, как никогда не бывает в городе. Рома подождала, когда мы отойдём подальше от дома, потом заговорила.

— Кэтлин, могу я спросить тебя кое о чём?

— Конечно. Что такое?

— Ты сказала, Истон был в библиотеке до того, как умер.

— Верно, — я не понимала, куда она клонит.

— Ты уверена?

— Ага. У полиции есть доказательства. Почему ты спрашиваешь?

Мы свернули за угол и начали подниматься на холм. Она выдохнула и остановилась на

ступеньке.

— Потому, что я думаю, возможно, Орен причастен к смерти Истопа.

Маши руками как вентилятор

— С чего ты взяла, что Орен имеет к этому отношение?

— Сегодня днём с ним говорили полицейские.

— Полицейские со всеми говорят, — сказала я.

— Это уже во второй раз.

Я чуть было не сказала, что со мной они тоже говорили, и не раз, но вспомнила, что я вроде как тоже подозреваемая.

— И не только это, — добавила Рома. — Его не было на мясном рулете у Ферна.

— Тебе придётся это объяснить, — сказала я.

— Ты когда-нибудь ужинала у Ферна? Это такое маленькое местечко рядом с пристанью.

— Вроде закуской пятидесятих?

— Да, Ферн, — кивнула Рома. — Каждый вторник — ночь мясного рулета. Мясной рулет, картофельное пюре, летом зелёная фасоль, в остальное время морковь, коричневый соус и яблочный пирог.

— Звучит неплохо.

— Так и есть. Я ни разу не пропустила мясной рулет с тех пор, как вернулась в Мейвилл. А Орен, наверное, за двадцать пять лет ни одного не пропустил. — Она пнула камень так, что тот покатился вниз по склону.

— А в этот вторник Орен не пришёл? — спросила я.

— Именно.

Мы снова двинулись в гору.

— А тем утром, когда ты пришла в театр — его там не было?

— Нет, не было.

— Кэтлин, ночью во вторник Орен вообще не вернулся домой, — Рома заговорила тише, в голосе послышалась тревога.

Я отмахнулась от маленького облачка мошек, порхающих прямо у лица.

— Кинги купили дочери лошадь. Судя по цене, они решили, что это удачная сделка. А получили большое животное. Мне пришлось задержаться у них почти до пяти утра. Их задний двор выходит на задний двор Орена. — Она откинула голову и взглянула на небо. — Было полнолуние, ночь понедельника. Двор и дом Орена я видела почти так же ясно, как днём. Его пикапа там не было. Не было.

— Но это не значит, что он как-то связан с тем, что случилось с Грегором Истоном.

Плечо разболелось, но мне не хотелось тереть его при Роме.

— Если бы со смертью Истона всё было ясно, полиция не продолжала бы расследование. И не похоже, что у них много подозреваемых. Ты в курсе, что почти весь хор в тот вечер был в кафе у Эрика? На дне рождения.

— Не-а.

— Я знаю Маркуса, он профессионал.

Она права. Насколько я успела узнать детектива Гордона, он основателен и настойчив.

— Истон был в твоей библиотеке. Если он умер от естественных причин — какое это имеет значение?

Он не стал бы копаться в деле только для того, чтобы не выглядеть некомпетентным,

если вдруг явятся корреспонденты «Голливудского вестника».

Она вытянула руки.

— Ты считаешь, что полиция занимается расследованием потому, что там есть что выяснять, — сказала я.

— Кэтлин, Орен — часть моей семьи. Наши матери были кузинами. Я несколько не верю, что он мог ранить кого-то, но выглядит всё это плохо.

Я подумала о том, что Орен знал настоящее имя Грегора Исто́на. А как прекрасно он играл на пианино. Это не могло быть совпадением. Орен знал Исто́на. Откуда, и почему хранил это в тайне — мне неизвестно. Но я не верила, что он мог убить человека.

— Рома, — сказала я, — не знаю, что случилось с мистером Исто́ном, но я не верю, что Орен к этому причастен. — Я подняла палец прежде, чем она успела прервать меня. — Может, я здесь и недолго, но знаю Орена достаточно хорошо, чтобы понимать — он не мог сознательно причинить вред Исто́ну или, если уж на то пошло, кому-то ещё. У него нет мотива. А если бы в библиотеке или театре произошёл несчастный случай, он позвал бы на помощь, а не оставил человека умирать.

Рома отвернулась, и я подождала, пока она снова посмотрит на меня.

— Какова бы ни была причина отсутствия Орена ночью, она не связана со смертью Исто́на. Я уверена.

Рома посмотрела на меня, и я твёрдо встретила её взгляд, потому что верила в свои слова.

— Я рада, что Эверетт нанял тебя, Кэтлин, — сказала она. — Счастливо добраться до дома.

Она свернула влево, а я пошла вверх по холму. Я и вправду думала так, как сказала. Орен не мог никого ранить, но каким-то образом он связан со всем этим. Так же, как и я.

Я вошла в темноте через заднюю дверь, постояла на веранде. Прежде всего, мне нужно поговорить с Ореном. И этот разговор должен быть личным — хотя я не уверена, что знаю, о чем говорить. Что же мне делать? Постучать в дверь: «Привет, Орен. Я просто зашла спросить, не сделал ли ты чего с Грегором Исто́ном»?

А может, и так.

В кухне над плитой горел свет. Котов не видно. На стуле стояла корзинка для белья. Уходя, я всё бросила, а сейчас у меня не было сил прибираться. Уже так поздно. Может, лучше прогуляться, освежить голову? А если я случайно окажусь рядом с домом Орена — ну, было бы неплохо. Я нашла в чистом белье пару носков, чтобы сменить босоножки на теннисные кроссовки.

Я завернула несколько шоколадных пирожных — на случай, если вдруг встречу Орена. Раз уж я собралась упрекать его за то, что он что-то скрывает, так хоть угощу пирожными. Для пирожных пришлось взять дорожную сумку, иначе они растают в руках. Потом я пошла наверх, сменить юбку на брюки-капри.

Когда я спустилась, перед сумкой сидел Геркулес и заглядывал внутрь. Я погрозила ему пальцем.

— Нет-нет. Больше этого не будет

Кот положил лапу на край сумки.

— Не смей, — сказала я.

Он поднял другую переднюю лапу, посмотрел на неё, пару раз лизнул, потом влез внутрь и уселся поудобнее.

— Я иду к Орону. Тебе со мной нельзя. Вылезай, — сказала я.

Понятно, что он и не собирался двигаться. Я осторожно наклонила сумку вперёд и попыталась вывалить из неё кота. Он пригнулся и вцепился когтями в стенку сумки. Я тихонько потрясла её. Не помогло.

— Всё, хватит, — сказала я сквозь зубы, наклонившись к нему. — Оставайся в сумке, а я возьму что-нибудь другое.

Я положила пирожные в холщовый пакет для продуктов, схватила ключи и вышла на крыльцо за теннисными туфлями. Геркулес выбрался наружу через дверь, вслед за мной. Буквально — сквозь. Я потёрла ладонью висок. Краем глаза я увидела, как кот дёрнул ушами. Можно, конечно, отнести его назад, в кухню, но он же опять пройдёт через дверь. Похоже, Оуэн и Геркулес решили помочь мне, играя в детективов, каждый по-своему. Но я не собиралась ничего откладывать. Я обулась, медленно завязала шнурки на одной кроссовке, потом на другой.

Геркулес не смотрел на меня. Я не смотрела на него. Я выпрямилась, отряхнула брюки.

— Ладно, можешь идти. Полезай в сумку.

На этот раз он подождал, пока я открою дверь кухни. Потом залез в сумку, улёгся на дно и посмотрел на меня невинными зелёными глазами.

— Не задавайся, — сказала я ему, застёгивая сверху молнию. Я посмотрела на него через сетку. — И сиди тихо.

Повесив сумку на плечо, я заперла дверь и пошла вверх по холму. Чем ближе я подходила к дому Орена, тем глупее казалась мне мысль повидаться с ним. Едва показался дом Орена, Геркулес начал скрести верх сумки.

— Прекрати, — зашипела я.

Кот начал ещё сильнее царапать нейлон. С чего я взяла, что кот меня послушается? Он же кот, а не собака, которую научили подчиняться, и не дрессированная обезьянка в цирке. Он независимый и упрямый кот. И он может продрать мою любимую сумку. Я на пару дюймов приоткрыла молнию. Кот немедленно высунул наружу лапу.

— Нет-нет, — сказала я. — Не делай так.

Другой лапой он грёб внутри сумки. Отлично. Кто-то мог проехать мимо и увидеть меня, разговаривающую с сумкой, в девять часов воскресным вечером у дома Орена.

— Ладно, — прошептала я. — Можешь прогуляться. Но потом возвращайся в сумку и пойдём домой.

Я не стану больше пить вино Руби. Оно заставляет меня делать глупости. Я ещё немного приоткрыла молнию. Знаю, что мыши и тараканы могут просочиться в самую маленькую щёлку. Оказывается, кошки тоже так могут. Геркулес просочился сквозь крошечное отверстие, словно вода, рванул через двор Орена и растворился в темноте.

Вот чёрт!

Я прошла через лужайку перед домом Орена и споткнулась о нижнюю ступеньку веранды. Перед глазами мелькнул клубок шерсти, огибающий крыльцо. Я нащупала перила и пошла за ним, надеясь, что ловлю Геркулеса, а не пронырливого енота или заблудившегося скунса.

— Геркулес, — театральным шёпотом позвала я, понимая, что только зря сотрясаю воздух.

Дом Орена был перестроенным фермерским домиком, как и мой, с такой же крутой крышей и эркерным окном. Сбоку от фасада была пристроена крытая веранда, огибавшая

весь дом. Геркулес остановился у деревянной двери в пристройку.

— Ко мне, котик, — позвала я.

Он оглянулся на меня, посмотрел круглыми немигающими глазами. А потом прошёл сквозь дверь и исчез. Я облокотилась на перила, сказав слово, которое благовоспитанные библиотечарши обычно не произносят. И что мне теперь делать? Если Орен вернётся домой прежде, чем оттуда выйдет Геркулес, то я, можно сказать, напортачила. Как Геркулес попал в дом — мне Орену не объяснить. Разумного объяснения просто не существует. Не объяснить мне, и почему я оказалась возле дома Орена. Или зачем взяла с собой кота. В лучшем случае я покажусь ему очень странной, в худшем — чокнутой.

Я оглянулась. Ни людей, ни машин. Похоже, пока меня никто не увидел. Хорошо хоть, что у Орена фонарь не включается от датчика движения. Я опустила на колени у двери. Голова болела, плечо ныло, черничный пирог Вайолет прыгал в животе, как паром в Ла-Манше в штормовую погоду.

Я снова позвала кота. Он, конечно, не пришёл. Сняв с плеча ремень сумки, я поставила её на перила. Ничего не поделаешь, оставалось только ждать, скрестив пальцы, чтобы не стало ещё хуже. Я сидела, прислонившись к перилам и подтянув колени к груди, глядя на деревянную дверь.

Я думала о Грегоре Истоне. Что мне до сих пор удалось узнать? Он приходил в библиотеку после закрытия на встречу с кем-то, использовавшим моё имя, чтобы заманить его. С кем-то, у кого были ключи или доступ к ним. На виске у Истона была глубокая рана, а в библиотеке — кровь. Вероятно, Истона ранили там, но случайно или преднамеренно?

Орен знал Истона. Орена не было в Стрэттоне утром, когда я нашла тело, и на «ночном мясном рулете» в ту ночь. Самый очевидный вывод — Орен как-то связан со смертью Истона. Эта связь не укладывалась в моей голове. Я вспомнила прекрасное солнце, созданное Ореном. На него было потрачено столько сил, с такой любовью и старанием оно придумано и сделано.

Нет, не важно, как всё это выглядит, я верила только своим чувствам.

Я вдруг ощутила что-то ещё, мерцание в воздухе, такое же, как тогда, в библиотеке, перед тем как Геркулес появился из запертого склада. Наклонившись вперёд, я пристально смотрела на нижнюю панель двери. Решётка и толстое дерево за ней на мгновение как будто расплылись и зашевелились. Я затаила дыхание, изо всех сил надеясь, что это кот, а не землетрясение или короткое замыкание у меня в голове. Поверхность двери на минуту словно растеклась, а в следующий миг появился Геркулес. Он прошёл по веранде и взобрался ко мне на колени.

— Плохой, плохой кот, — сказала я. Это прозвучало бы более убедительно, если бы при этом я не обнимала его обеими руками. — Ты должен перестать так делать. А что, если бы Орен оказался дома? Вот если бы он был там? И у него была бы здоровенная слюнявая сторожевая собака с острыми зубами?

Геркулес поднял голову и остановил на мне взгляд зелёных глаз.

— Ну ладно, я немного преувеличиваю. Но там могла быть собачка, которая захотела бы поиграть с тобой, как с мячом.

Он положил лапу мне на запястье, боднул головой руку.

— Что ты утащил на этот раз? — я подставила коту открытую ладонь. Он выплюнул мокрый шарик скомканной бумаги.

Я осторожно развернула бумажку и разгладила на коленях. Похоже, это была верхняя

половина какой-то страницы, оторванная вдоль короткого края. Я поднесла листок к глазам, пытаюсь прочесть, что там написано. Никакого смысла. Кто-то нарисовал на бумаге ряд прямоугольников — пожалуй, они походили на маленькие зубы. На некоторых «зубах» стояли точки с номерами, на одних больше, чем на других. Под первым рядом шла другая полоса маленьких квадратиков с точками, и пронумерованы они были иначе.

— Это что такое? — спросила я кота. — Какой-то план или что?

И почему Геркулес выбрал именно это из всего, что есть в доме Орена, чтобы притащить мне? Это не похоже на план здания, какие мне случалось видеть раньше. Насколько удалось разобрать в тусклом свете, почерк напоминал руку Орена, но я не уверена.

— Нельзя это брать.

Вместо ответа кот слез с моих колен и повёл носом в сторону веранды. Сложив бумажку, я спрятала ее в карман брюк.

— Нам надо идти, — я расстегнула молнию на сумке и похлопала по дну. — Прыгай.

Кот потянулся. Зевнул. Провёл пару раз лапой по морде. И наконец, подошёл и влез в сумку.

— Спасибо, — сказала я, закрывая молнию.

Поднявшись, я накинула ремень сумки на плечо и пошла назад вдоль крыльца. У лица мелькнул мотылёк — надеюсь, не что-то другое — и я от него отмахнулась. Геркулес скользнул по моему боку. Я вышла по дорожке на улицу и не смогла удержаться от вздоха облегчения. У нас получилось. Никто нас не видел. Не надо никому ничего объяснять насчёт Геркулеса или зачем я прокралась к дому Орена тёмной воскресной ночью. Мы были чисты и свободны.

По улице проехала машина, остановилась перед домом. Через опущенное стекло пассажирского окна с места водителя, перегнувшись, выглянул детектив Гордон.

— Добрый вечер, мисс Поулсон.

Свободны и чисты? Может, и нет.

Шлёпни ладонью по лицу

Геркулес перестал вертеться. Я положила руку на сумку в знак предупреждения — сидеть спокойно и тихо. Гулять по городу воскресной ночью с котом в сумке — точно не преступление, но и не особенно нормально. Невинная улыбка — всё, что мне оставалось.

— Здравствуйте, детектив Гордон.

Я подошла к машине.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спросил он.

— Спасибо, нет, — ответила я. — Я вышла на прогулку и заглянула сюда, повидаться с Ореном, но его нет дома. Вот пирожные. — Я всё ещё держала в руках холщовую хозяйственную сумку с пирожными. — Я хотела угостить Орена — в благодарность за то, что вчера он починил протёкшее окно в библиотеке.

Вот — отличное объяснение, почему я оказалась во дворе Орена. Я наконец в безопасности.

— Садитесь, — сказал детектив Гордон.

Или нет.

— Простите?

Он наклонился чуть дальше и открыл дверцу пассажирского сидения.

— Я отвезу вас домой. Не очень хорошая идея — прогуливаться в одиночку так поздно.

Так поздно? Мне не хотелось открыто смотреть на часы, но по моим подсчётам, сейчас не больше одиннадцати. Плюс — у меня есть большой фонарик, перечный спрей, кот и шесть пирожных.

— Спасибо, не стоит, — сказала я.

— Мне будет спокойнее, если я увижу, что вы дома и в безопасности.

Я не могла понять — то ли он очаровательно-старомоден, то ли снисходительно-высокомерен.

— Обычно я не принимаю приглашений прокатиться с незнакомцем, — сказала я.

Он улыбнулся.

— Мы не совсем уж незнакомцы, мисс Поулсон.

Он прав. Ноги у меня устали, про плечо и говорить нечего. И я понятия не имела, сколько ещё Геркулес высидит спокойно, пока опять не откроется этот ящик Пандоры, вернее, сумка с котом.

— Вы правы, — сказала я.

Я села в машину, устроила Геркулеса под ногами. Детектив Гордон развернулся на дорожке у дома Орена и поехал назад.

— А что вы здесь делаете воскресной ночью? — спросила я.

— Полицейская работа.

— Грегори Истон?

Он не ответил и не отвёл глаз от дороги. Только слегка улыбнулся. Мне пришло в голову, что, возможно, детектив ехал повидаться с Ореном. Пора поговорить о чём-то безобидном.

— Не знала, что вы — кошатник, детектив.

Он вопросительно посмотрел на меня. Потом понял.

— Рома попросила вас помочь ей этим вечером.

— Так и есть.

— Вам удалось поймать Люси?

Он притормозил на углу, потом повернул вниз по Маунтин-роуд.

— Мы её поймали. И вы не ошиблись, лапа у неё сломана. Рома запланировала операцию на завтра.

— Хорошо. — Он притормозил за грузовиком, ожидавшим поворота налево. — Я не хотел, чтобы Люси...

Он не закончил фразу, но я поняла, о чём он.

— Рома сказала, это вы нашли Десмонда, — сказала я, борясь с желанием нагнуться и проверить, как там Геркулес.

— Да. На него напало какое-то другое животное. Он лежал на краю дороги. Я сначала даже не понял, кот это или чья-то выброшенная из машины куртка.

— Но как же вам удалось довести его к Роме? Как вы забрали его в машину?

— Да, это было непросто, — он притормозил, включил поворотник и свернул к моему дому. — Я не знал, что он дикий. — Он обернулся ко мне. — Я ничего не знал о диких котах. Десмонд сходил с ума, когда я подобрал его. Он выл, шипел, исцарапал мне все руки. К счастью, я был на полицейской машине с перегородкой между задними и передними сидениями. Мне как-то удалось засунуть его назад. — Он покачал головой. — Я набросил на него одеяло, и, кажется, это немного помогло. Потом помчался в клинику — с сиреной и мигалками.

— Вы спасли Десмонда, — я расстегнула ремень и потянулась за сумкой. — И из-за этого Рома узнала о котах из Вистерия-Хилл. Так что их вы тоже спасли.

Он тронул ворот рубашки.

— Котов спасает Рома, она взяла на себя львиную долю работы.

— Но всё же... — на этот раз я не закончила предложение. Я опять вспомнила про пирожные. Они съездили со мной к Орону и вернулись почти нетронутыми. — Вот, — сказала я, протягивая ему свёрток из фольги. — И спасибо, что подвезли меня домой.

Я вышла из машины, одной рукой прижимая к себе Геркулеса.

Детектив Гордон снова перегнулся через пассажирское сидение.

— Спасибо за пирожные.

Я посмотрела, как он уезжает, потом пошла к дому и зашла на веранду. Оказавшись внутри, я сразу открыла сумку. Геркулес свернулся клубочком на дне.

— Мы дома, — сказала я.

Он открыл один глаз.

— Давай, вылазь. У меня ещё осталось немного того вонючего печенья.

Это заставило его выпрыгнуть из сумки.

— И не думай, что я забуду, что ты сделал у Орона, — я погрозила ему пальцем.

Я щёлкнула кухонным выключателем. Из-за раковины на нас таранился Оуэн. Я засмеялась.

— Услышал, что я сказала, да? — я нагнулась и погладила его, — про «вонючее печенье».

Он тихонько мяукнул в ответ.

Я взяла стакан молока, насыпала каждому коту по маленькой кучке печенья с сардинами и сыром. Потом села за стол и вытащила бумажку, которую нашёл Геркулес. В том, что Оуэн и Геркулес, похоже, пытались помочь мне разобраться, что случилось с

Грегором Истоном, не было никакого смысла. Не может этого быть. С другой стороны — как и остальных их способностей. И я решила забыть о логике и разуме — по крайней мере, сейчас — пусть всё идёт, как идёт.

Я разгладила кусочек бумаги на столе. Теперь, когда я ясно видела эти значки и цифры, я надеялась, что они обретут какой-то смысл. Этого не случилось. И в самом деле, каковы шансы, что Геркулес смог найти ключ к разгадке того, как Орен связан с Грегором Истоном? А то, что я говорю с котами так, будто они меня понимают, вовсе не значит, что так и есть. Они же коты. Умные коты с некоторыми нереальными способностями, но всё же — коты. В данный момент у одного вся морда в крошках от печенья, а у другого — клубок пыли на кончике хвоста. Всё было бессмысленно. Я устала, расстроилась, и мне хотелось только нырнуть в пенную ванну, а потом в прохладную постель. Что я и сделала.

После ночи, наполненной причудливыми снами, я проснулась чуть позже, чем обычно в воскресное утро. В одном из моих снов Орен играл на пианино, а публика состояла из котов. Я резала фрукты на кухне, одетая в пижамные брюки и майку, когда в заднюю дверь постучала Ребекка. Без обычной тёмно-розовой помады она выглядела усталой и бледной.

— Извини, Кэтлин. Я тебя не разбудила?

— Нет, — сказала я. Я как раз собиралась приготовить блинчики. У тебя всё в порядке?

— Нет, — сказала она. — То есть, да. — Она потёрла пальцем висок. — Извини. Я немного не в себе. Эми в больнице. Ей уже лучше, но она совсем одна. Мне не хотелось тебя беспокоить, но не могла бы ты отвезти меня туда? — Она подняла перевязанную руку. — Я не могу водить — толком не могу — из-за этого.

— Конечно, отвезу, — сказала я. — Ты сказала, что с Эми уже всё в порядке, но что с ней случилось?

— Какая-то аллергия. Горло распухло, и она начала задыхаться. Она была у Эрика вместе с другими с фестиваля. Там оказался доктор, турист, ел десерт с женой. Какова была вероятность, что найдётся врач... — Она на мгновение прикрыла глаза, потом вздохнула. — Но врач нашёлся. И Эми спасли.

— Это самое главное, — сказала я.

— Ты права. Главное, что Эми в порядке.

— Дай мне минутку, чтобы одеться. — Я провела её на кухню, подвинула кресло. — Садись. Я сейчас.

Я сгребла фрукты в миску, прикрыла сверху тарелкой и поставила в холодильник. Потом подошла к Ребекке, тронула за плечо.

— Я сейчас. Вот кофе, если хочешь чашечку.

Она на мгновение накрыла мою руку своей.

— Спасибо.

Я сжала её плечо и пошла к лестнице. Надела шорты и майку, причесалась, заколов назад чёлку. Потом схватила сумку и спустилась вниз. Ребекка с кем-то разговаривала. Оуэн. Она откинулась на спинку кресла и говорила тихо, я не могла разобрать слов. Оуэн сидел перед ней, наклонив голову, и внимательно слушал.

— Я готова, — сказала я Ребекке. — Скоро вернусь, — Оуэну.

Коты уже накормлены, в мисках свежая вода. Я выключила кофеварку, заперла за нами дверь и пошла за Ребеккой через задний двор к её маленькой синей «тойоте». Она протянула мне ключи. Открыв для неё дверцу со стороны пассажирского места, я обошла вокруг к сиденью водителя. Потребовалась минутка, чтобы отрегулировать зеркало.

— В Ривервью? — спросила я Ребекку.

— Да. Знаешь, где это?

— Да.

Я выехала задним ходом и направилась по Хилл-стрит, стараясь выбрать самый короткий путь к больнице. Утром в воскресенье движение в Мейвилл-Хайтс не особенно сильное, так что, на самом деле, какой дорогой ехать — не так уж важно. Уже возле больницы я притормозила, пропуская белку, которая молнией пронеслась через дорогу. Я улыбнулась Ребекке. Всю дорогу она сидела молча и напряжённо. Ей удалось улыбнуться в ответ.

— Я знаю, Эми не моя внучка, но если бы и была — я не могла бы любить её больше.

Белка сделала последний рывок к обочине.

— Как вышло, что вы с Эми так сблизились? — спросила я.

— Я её стригла. — Краем глаза я видела, что она улыбается воспоминаниям. — Она была непослушным ребёнком. Родители Эми погибли, когда ей было четыре, разбились на машине. Бабушка Эми умерла задолго до её рождения, так что Эми растил дед и целая вереница нянек.

— Должно быть, её слегка избаловали, — предположила я.

Ребекка рассмеялась.

— Волосы у неё были, как у Маугли из «Книги джунглей», а сама Эми была дерзкой и грубой. Я сказала, что стану её стричь, когда она немножко научится манерам.

— А она?

— Она вернулась домой и подстриглась сама, садовыми ножницами, которые стянула из кладовой.

— Не очень хорошо, — улыбнулась я.

— Не очень. Няня снова привела её ко мне, чтобы исправить нанесённый ущерб. Девочка вела себя так же грубо и упрямо, как и в первый визит. Но мне нравился этот ребёнок. Она напомнила мне... того, кого я когда-то знала. — Она откашлялась. — Я сказала ей, если она хочет стричься сама, надо хотя бы научиться делать это правильно. В субботу утром она сидела у двери парикмахерской, когда я пришла ее открывать. А спустя несколько недель — сбежала из дома. Я обнаружила её завёрнутой в простыню, которую она стащила у кого-то с бельевой верёвки, спящей на садовой скамейке.

Я подъехала к больнице и нашла место для парковки справа от входа.

— Большое спасибо, Кэтлин, — сказала Ребекка.

— Я пойду с тобой.

— Не стоит.

— Не заставляй меня использовать кухонные ножницы в качестве аргумента, — сказала я с шутливой суровостью. — Хочешь, чтобы это было на твоей совести?

— Ладно, ты выиграла, — улыбнулась Ребекка.

Мы нашли Эми сидящей на кровати. Волосы у неё были прилизанные, кожа бледная, и выглядела она лет на двенадцать. Поймав взгляд Ребекки, Эми закусил губу. Ребекка обняла её, поцеловала в макушку.

— Ну, как ты? — она отстранилась, убрала волосы с лица Эми и внимательно посмотрела на неё.

— Я не могла... дышать.

Я заметила пару длинных царапин у неё на шее, как будто Эми рванула её ногтями.

Ребекка погладила её по щеке.

— Но теперь всё уже позади, мы узнаем, на что у тебя аллергия и как быть осторожнее. Всё хорошо, — она снова обняла Эми.

— Я так хочу домой, — Эми положила голову на плечо Ребекки.

Ребекка ласково похлопала её по спине.

— Мы и собираемся забрать тебя домой, и я ещё испорчу тебе остаток дня.

Эми оглянулась на меня.

— Привет, Кэтлин.

— Привет, — сказала я. Рада, что ты в порядке.

— Спасибо, что привезла Ребби. Я не знала, кому ещё позвонить, и не подумала, что водить она не может.

— Не беспокойся об этом, — сказала я.

— Дорогая, где твоя одежда? — спросила Ребекка, оглядывая комнату.

— Может, там, — Эми указала на узкий шкаф у окна.

Ребекка заглянула в него, вытащила прозрачный пластиковый пакет с вещами Эми. Верх пакета был завязан свободным узлом.

— Давайте я, — я развязала узел и протянула сумку Ребекке. Она встряхнула одежду Эми и разложила на кровати.

— Сможешь одеться сама?

Эми кивнула.

— Ладно. Я пока найду медсестру, узнаю, есть ли для тебя какие-нибудь предписания.

— Я думаю, меня направят к аллергологу, — сказала Эми. — Я собираюсь провериться, хотя доктор — здешний, не тот, что был у Эрика — уверен, что все дело в маковых зернах.

Ребекка на мгновение прикрыла глаза.

— Зёрна мака, — прошептала она. — Сейчас вернусь.

— Я подожду в коридоре, — сказала я Эми. — Крикни, если понадобится помощь.

К тому времени как Эми оделась, Ребекка вернулась со списком аллергологов и остальными бумагами Эми. Я отвезла их в маленькую квартирку Эми недалеко от Стрэттона.

— Кэтлин, поставишь машину ко мне? — спросила Ребекка.

— Конечно, — согласилась я. — Но как ты вернёшься домой?

— Могу пройтись, как всегда.

— Тебе не нужно оставаться, Ребби, — сказала Эми с заднего сидения, но выражение её лица говорило об обратном.

Мы с Ребеккой переглянулись.

— Прости дорогая, придётся тебе меня терпеть, — сказала она. — Как минимум пару дней.

Я увидела, как Эми с облегчением расправила плечи.

— Спасибо за всё, Кэтлин, — сказала Ребекка.

— Всегда пожалуйста, Ребекка, — сказала я. — Серьёзно, звони, если Эми что-то понадобится или захочешь, чтобы я отвезла тебя куда-нибудь.

Она кивнула, расстегнула ремень и вышла из машины.

— Спасибо, — сказала с заднего сидения Эми. — Я так рада, что ты поселилась рядом с Ребби.

— Я тоже, Эми, — ответила я. — Береги себя.

Я отвела машину Ребекки назад, к её дому, поставив так, чтобы в следующий раз было легче выехать. Ребекка забыла на спинке сидения свитер, он свалился на коврик, и я его подобрала. Внизу осталось грязное пятно. Я решила захватить его с собой и постирать. Заперев машину и сунув ключи в сумку, я пошла через двор к своему дому. На крыльце сидел Геркулес, глядя на окно. Он спрыгнул вниз, посмотрел назад, потом на меня, и замаякал.

— Ты что? — спросила я. — Если ищешь Ребекку — она с Эми, и с Эми всё в порядке.

Герк вслед за мной вошёл в кухню. Внутри, прямо перед дверью, сидел Оуэн.

— Ребекка у Эми, Эми в порядке, — сказала я.

Я бросила свитер Ребекки на спинку стула.

— Мне нужен кофе, — сказала я, не обращаясь ни к кому.

Как только кофеварка заработала, я полезла в холодильник. Может, сделаю французский тост с фруктами вместо блинчиков. Оуэн стоял на задних лапах, а передние положил на спинку кресла, куда я бросила свитер Ребекки. Он жевал рукав.

— Оуэн! Прекрати! — крикнула я.

Испуганный кот упал на все четыре лапы и теперь смотрел на меня с таким же глупым выражением, как во время жевания цыплёнка с кошачьей мятой.

— Да что с тобой такое? Это же свитер Ребекки.

Я подобрала кардиган, свернула и повесила на спинку кресла. Потом пошла к холодильнику за фруктами, которые резала, когда в дверь постучала Ребекка. Когда я обернулась, Оуэн подпрыгивал, стараясь зацепить свитер лапой.

— Эй! А ну перестань! — завопила я и схватила свитер прежде, чем коту удалось до него дотянуться.

Оуэн повесил голову. В дверях гостиной появился Геркулес. Я схватила свитер одной рукой, прижала к себе и нагнулась к Оуэну.

— Что же это с тобой такое? — спросила я, стараясь говорить спокойно.

Оуэн посмотрел на меня и сунул голову в смятый в клубок свитер. Прежде чем я успела его оттолкнуть, он выдернул голову и затряс ею. Если бы не знала, я могла бы поклясться, что в рукаве спрятан Весёлый цыплёнок Фред. Я смотрела на Оуэна, а он изо всех сил старался не смотреть на меня. Может, я не так уж и ошибаюсь. Я протянула руку и почесала кота за ухом.

— Всё в порядке. Я на тебя не сержусь.

Я поднялась, встряхнула свитер и поднесла к лицу. Он чуть заметно пах кошачьей мятой. Я наклонилась над Геркулесом, держа перед ним рукав. Он понюхал, поморщился и отодвинул голову — такая же реакция, как на цыплят с кошачьей мятой. Ребекка обещала больше не покупать их Оуэну. Должно быть, мята была в составе компресса на руке, догадалась я. Не знала, что кошачья мята помогает от артрита. Ничего удивительного, что Оуэн так странно себя вёл. Я поднялась наверх, наполнила тёплой водой раковину рядом со стиралкой, добавила мыло и замочила свитер.

Когда зазвонил телефон, я приканчивала последний кусок французского тоста. Я изо всех ног кинулась в гостиную, думая, что это мать или Ребекка. Но я ошиблась.

— Привет, Кэтлин, — раздался из трубки голос Лизы. — Отгадай, что я выяснила.

Удар одинокого лотоса

— Привет, Лиза, — сказала я. — Это насчёт Грегора Истона?

— Ага, — по голосу было слышно, что она очень довольна. Потом она снова зевнула.

— Ты ещё не ложились?

Муж Лизы был джаз-гитаристом и играл в клубах по всему Восточному побережью в окрестностях Бостона. У него был ненормированный рабочий график, а в выходные — и у Лизы.

— Лежу поперёк кровати, — сказала Лиза.

— Так что ты узнала? Я получила твой мейл.

Я представила её, растянувшуюся поперёк широкой кровати, с кучей подушек под головой.

— Как я уже сказала в письме, Истон родился Дугласом Грегори Уильямсом.

— Фальшивка? — я немного подвинулась, нога уже стала затекать.

— Ага. Так же, как и имя. Свой первый диплом он получил в маленьком университете во Флориде. И знаешь — это был диплом преподавателя.

— Истон собирался стать учителем?

— Вероятно, — сказала Лиза. — погоди, у меня тут подушка упала. — Послышался мягкий шлепок, и она вернулась. — Нет никаких сведений о том, как он провёл полтора года после диплома. Может, преподавал. В общем, он поступил в Оберлинскую консерваторию. И, кстати, в этот момент убавил пару лет своего возраста.

— погоди секунду. Истон отправился в Оберлинскую консерваторию?

— Ага.

Когда Лиза волновалась — теряла все манеры культурной речи. Вайолет уезжала в Оберлин. Моё сердце застучало чаще.

— Но я думала, у него диплом университета Цинциннати.

— Так и есть. Истон отправился в Оберлин, когда был ещё Дугласом Грегори Уильямсом. И пробыл там не больше года. Он его не окончил.

— Ух ты! — я поджала под себя ноги. — А ты знаешь, почему он бросил?

— А у медведя волосатая задница? — фыркнула она. — Да, я знаю.

Её глупая шутка напомнила мне ту восемнадцатилетнюю девчонку с севера штата Мэн, которую я когда-то встретила в колледже.

— И почему?

— Скандал. Секс, наркотики, рок-н-ролл.

— Что?

— Подожди минутку, — сказала она. — Да, дорогой, буду, чашечку.

Наконец она вернулась.

— В общем, как я слышала, наркотиков там не было, и не рок-н-ролл, а классическая музыка, а вот секс — это да.

— Лиза, а мне точно нужно это знать? — спросила я. Мне тоже ужасно хотелось большую чашку кофе.

— Не волнуйся, — засмеялась она. — Никаких пикантных подробностей у меня нет.

— А что есть?

Я услышала, как она отхлебнула кофе прежде, чем ответить.

— Две вещи. Первое — Истон сначала учился композиции с трудом, а потом внезапно стал очень-очень хорош.

— Смошенничал?

— К такому выводу пришли многие, с кем я говорила.

Я подняла руки над головой.

— Может он тосковал по дому, или ему просто требовалось время, чтобы приспособиться к учебной программе.

— Возможно. Но, похоже, никто так не считал. Он явно не развивался от хорошего к лучшему, он прошёл от бездарности к великолепному результату. — Я опять услышала, как она отхлебнула кофе.

— Значит, его вышвырнули за жульничество? — спросила я.

— Нет, — сказала Лиза. — Было много разговоров и полно подозрений, но никаких доказательств.

— А что ты говорила про секс?

Геркулес крутился рядом. Я протянула руку и погладила его.

— Истон сделал кое-какие фото одного студента — вернее, студентки. Ну, по сегодняшним меркам — довольно скромные, но тогда...

— Я понимаю.

— И были подозрения, что он оказывал давление на эту девушку.

— Значит, он поэтому оставил Оберлин?

Геркулес заурчал.

— Косвенным образом. Девушка была из богатой семьи. Деньги сделали своё дело, и Истон убрался прочь.

— Откупились или сбежал? — спросила я.

— В этом и вопрос, — сказала Лиза, громко зевнув мне в ухо. — Мне надо идти спать. Но есть ещё кое-что. Та девушка, которую фотографировал Истон. У меня есть её номер. Дать тебе его?

— Да, — я выбралась из кресла. — Сейчас возьму карандаш.

Я записала имя — Фиби Майклз — и телефонный номер, поблагодарила Лизу за щедрость, напомнила, что я ей обязана, и попрощалась. Геркулес терпеливо ждал. Я взяла его на руки и пошла в кухню. Лиза вполне подтвердила оценку характера Истона, данную Руби. Я вспомнила о Вайолет, кое-что подсчитала. Она должна была учиться в Оберлине в одно время с Истоном. Почему же она ничего не сказала? Она должна была его узнать. Может, она его убила? Но почему? В этом было столько же смысла, как в участии Орена.

— Пока мой выбор — Орен и Вайолет, — сказала я Геркулесу. — И мне это не нравится.

В дверь постучали. Я опустила Геркулеса на пол и пошла посмотреть, кто там. У задней двери стояла Абигайль с картонной коробкой в руках.

— Я не вовремя?

— Нет, — сказала я, — я как раз хотела выпить чашечку кофе. Заходи. Кофе будешь?

— Спасибо, Кэтлин, но я спешу. Просто хотела показать вот эти книги, — она прошла вслед за мной на кухню и поставила коробку на стол. — Я перебрала много всего для гаражной распродажи, — она открыла коробку, — и обнаружила вот это. Не хотела оставлять их в библиотеке, принесла тебе.

Я вытащила сверху «Алису в Стране чудес», в прекрасном состоянии.

— Это первое издание, — сказала Абигаиль.

Я чуть не выронила книгу.

— Ты не шутишь? Представляешь, сколько это может стоить?

— Теперь — да, — кивнула она. — Прошлой ночью я посидела в сети, изучая цены. — Она указала на коробку. — Только здесь книг на несколько тысяч долларов. Я не могла оставить их в библиотеке. Надеюсь, это правильно.

— Абсолютно, спасибо. Совету придется оценить все книги, но это должно стать отличной прибавкой к бюджету на покупку книг.

— Я очень рада, — сказала Абигаиль.

— Как думаешь, откуда они? — я снова взяла в руки «Алису», подумав, следует ли мне оформить эту книгу.

— Полагаю, они часть библиотечной коллекции, но, наверное, их пожертвовал кто-то, не знавший, что они собой представляют.

— Это твой секретный код? — я указала на боковую сторону коробки, где маркером, как курица лапой, были нарисованы иегоглифы.

— Я не хотела, чтобы кто-то знал, что в коробке, — улыбнулась Абигаиль, — и не хотела смешивать эти книги с другими, на продажу. Выглядит нелепо.

— Вовсе нет.

У меня появилась смутная идея.

— В понедельник я встречаюсь с Эвереттом. Я покажу ему эти книги, он договорится, чтобы их оценили и продали.

— Если найду ещё что-нибудь, дам тебе знать, — пообещала она.

Я проводила её до двери.

— Спасибо. Мне очень хотелось заказать некоторые детские книги, и теперь, похоже, мы сможем это сделать.

— Увидимся завтра, — улыбнулась Абигаиль.

В кухню снова вошёл Геркулес, исчезнувший при появлении Абигаиль.

— Ты необыкновенный, — сказала я ему. — И твой брат тоже.

Кот скромно склонил голову — а может, просто заметил на полу пару крошек от вонючих крекеров.

— Никуда не уходи, — сказала я.

Кусок бумаги, который Геркулес притащил от Орена, лежал на комод, там же, где и клочок, который Оуэн вытащил из мусорной корзины Ребекки. Я схватила обе бумажки. Геркулес ждал меня на столе. Я показала ему бумагу, которую он нашёл прошлой ночью.

— Видишь? Я думаю, это код. Только вместо букв и слов здесь ноты. — Геркулес изучал бумажку, словно пытался решить, соглашаться ли со мной. — Понимаешь? — я протянула ему листок, украденный когда-то Оуэном. — Это написал Грегор Истон. — Я указала на имя композитора в верхнем левом углу. — По крайней мере, считается, что это он написал. Но взгляни на первую строку нот, а потом на первую строку на втором листке. Рисунок тот же.

Герк на самом деле переводил взгляд с одного листка на другой. Я села, положив на стол обе бумажки. Идеи появлялись быстрее, чем я успевала с ними разобраться.

— Лиза сказала, Истона подозревали в жульничестве. Его музыка появилась неизвестно откуда, чуть ли не за одну ночь. — Я постучала пальцами по столу. — Орен не окончил университет из-за какой-то катастрофы. Что, если он тоже был в Оберлине? И музыка

Истона на самом деле принадлежит Орону?

Мне стало плохо. Если Истон крал музыку Орона — это же повод желать смерти дирижёра. Я поднялась и выпила стакан воды вместо новой чашки кофе. На стойке ещё лежал телефонный номер Фиби Майклз. Она была в Оберлине вместе с Истоном — на самом деле, Уильямсом — и Вайолет. Может, она ответит на мои вопросы.

Я посмотрела на часы. Уже не слишком рано для звонка.

— Что ей сказать? — спросила я у Геркулеса.

Но он занялся умыванием и ничего не посоветовал. Я вспомнила отца.

«Когда всё остальное не годится, Кэти, — любил говорить он, — просто скажи правду».

Я не раздумывая пошла в гостиную и набрала телефонный номер. Фиби Майклз ответила после четвёртого гудка.

— Доктор Майклз, я Кэтлин Поулсон. Прошу прощения, что беспокою вас утром в воскресенье, но я надеюсь поговорить с вами о Грегоре Истоне. Вы знаете его как Дугласа Уильямса.

— Вы приятельница доктора Тремейн, — сказала она.

Я мысленно сказала спасибо Лизе.

— Да. Вам известно, что мистер Истон мёртв?

— Да, — сказала доктор Майклз. — Это вы его убили? Если так, это не значит, что я не стану с вами разговаривать. Просто хотела бы знать.

— Нет, не убивала. Вообще-то, полиция пока не сказала, как он умер.

— Но не думаю, что естественной смертью.

Голос у неё был низкий и хрипловатый.

Я села на пуфик.

— Я не знаю. Я библиотекарь в Мейвилл-Хайтс, в Миннесоте. Мистер Истон был в моей библиотеке в ночь смерти, и это я нашла его тело в театре Стрэттон следующим утром.

— А, значит, вы подозреваемая, — сказала она.

— Похоже, что так. А то, что я здесь всего несколько месяцев, только ухудшает дело.

— Значит, вы хотите, чтобы я помогла вам, мисс Поулсон?

— Для начала, пожалуйста, зовите меня Кэтлин.

— Хорошо, Кэтлин, если вы будете называть меня Фиби. Доктор Майклз я только для своих студентов и для напыщенных коллег.

Я улыбнулась — она всё больше мне нравилась.

— Вы учились музыке в Оберлинской консерватории вместе с Грегором Истоном, который тогда был известен как Дуглас Уильямс.

— Училась.

— И каким он был?

— Симпатичный, обаятельный, циник, манипулятор. Не особенно талантливый.

— Ходили слухи, что он как-то жульничал со своими композициями.

— О, думаю, это были не просто слухи. Мне кажется, это правда.

— Почему? — я вытянула перед собой ноги.

— У него не было способностей, таланта композитора. Потом он внезапно стал нереально хорош. Он уверял, что просто страдал тревожностью.

— Вы ему не верили?

Я услышала короткий ироничный смешок.

— Не верила, — решительно сказала она. — Даг — Истон — был самоуверен до

наглости. Но музыка, что он начал выдавать за свою, была сложной, насыщенной чувствами, вдохновенной. Он ничем таким не владел. Не знаю, откуда она бралась, но уверена — он её не писал.

— Истон ушёл через год, — сказала я, пытаюсь подвести её к вопросу о фотографиях. Этого не понадобилось.

— Кэтлин, я уверена, доктор Тремейн сказала вам о тех фото.

— Сказала. Но мне не хотелось вас смущать.

— Ох, этот корабль давно уплыл, — засмеялась она. Потом голос снова стал серьёзным. — Да, он меня фотографировал. Сейчас в таком не нашли бы ничего особенного.

— Но не тогда.

— Да, — сказала она. — Тогда это казалось концом света. Мне было восемнадцать. И родители от всего меня защищали. Он был старше и выглядел таким искушённым и опытным по сравнению с мальчиками, которых я знала до тех пор. Они казались... ну, просто мальчишками. Я стала лёгкой добычей.

— Он заставлял вас позировать для тех фото?

— «Ты это сделаешь, если любишь меня», — сказала она. — Сколько женщин попадало на эту удочку. Он обещал, что это будет искусство. Но это просто были мои фотографии в белье, завёрнутой в какую-то прозрачную чёрную ткань, может даже в штору с окна.

— Без обнажения?

— Да. Только голые плечи или линия груди. Но проблема не в том, чем это было, а чем казалось.

— Простите, — я поудобнее устроилась на пуфике. — Я не понимаю.

— Он делал мне макияж — красные губы, черные стрелки на веках. Я определённо не выглядела как неопытная юная девушка из хорошей семьи.

— И что случилось потом?

— Он бросил меня, как только сделал те фото. Я плакала. Умоляла его. А он смеялся. И я ужасно боялась, что он покажет их всем, кого я знаю.

Я представила, какой униженной она себя чувствовала.

— Мне так жаль, что это произошло с вами, Фиби. Должно быть, было ужасно.

— В то время — да. Но всё сложилось удачно. У меня была мать, с которой можно поговорить, и отец с деньгами. Я на десять дней уехала домой. А когда вернулась, Истон ушёл.

— Ваш отец заплатил ему?

В её голосе послышалось сомнение.

— Знаете, я не уверена. Просто предполагала, что он это сделал. Мы никогда об этом не говорили. Я всегда считала, что отец забрал у Истона те фото и уничтожил.

— На самом деле нет?

— Нет. Однажды я просто нашла в почтовом ящике фотографии и негативы — как это обычно бывает, в простом коричневом конверте.

— И вы не догадываетесь, кто их прислал?

— Я не думаю, что стала первой девушкой, которую Истон так фотографировал. Или последней. Я всегда чувствовала, что была ещё одна девушка из нашего вторичного семинара.

— Почему?

— Истон всё своё время проводил с теми людьми.

— А в группе была девушка по имени Вайолет? — спросила я.

— Нет.

— Вы уверены?

— Уверена. Я ещё храню наши общие фото. Забавно, что их делал Истон. Вайолет в классе не было.

Она перечислила имена по памяти.

Значит, либо я ошиблась и Вайолет не училась в Оберлине, либо она не была знакома с Истоном. Я чувствовала облегчение, но всё это произошло давно, а мне хотелось быть уверенной.

— Фиби, не могли бы вы найти эту фотографию?

— Думаю, да, — сказала она. — Но на это потребуется время. Я немножко барахольщица.

— Это ничего, — сказала я.

— Дайте мне ваш e-мейл адрес. Если найду фото, я его отсканирую и пришлю.

— Ещё один, последний вопрос. Орен Кеньон. Был ли он в вашей группе? — скрестив пальцы, я думала — пожалуйста, скажи «нет».

— Орен Кеньон? Ему тогда было лет шестнадцать-семнадцать?

— Да.

— Да, был. Но, кажется, он посещал курс вольнослушателем, а не платным студентом.

— Спасибо, что поговорили со мной, — сказала я. — Не буду больше вас задерживать.

— Пожалуйста, Кэтлин, — сказала она. — Когда всё окончательно определится и вы, наконец, узнаете, что случилось, прошу, позвоните мне и дайте знать, как всё закончилось.

— Позвоню, — пообещала я, мы попрощались, и разговор закончился.

Я вернулась в кухню, где на столе всё ещё лежали бумажки. О чем бы я ни думала, мысли постоянно возвращались к Орону. Чем больше собиралось доказательств против Орена, тем сильнее я сопротивлялась идее о его причастности к смерти Исто́на.

— Я должна поговорить с ним, — сказала я пустой кухне, опять выключила кофеварку, поднялась вверх, причесалась и подкрасила губы.

Я смотрела на отражение в зеркале. Я ненормальная? Не стоит пытаться говорить с Ореном? Но мне нужно было узнать, имеет ли он хоть какое-то отношение к смерти Исто́на. Не становится ли всё это похоже на старый фильм, ужастик-мелодраму? А я — невинная юная героиня, которая слышит шум в подвале поздно ночью, там прячется злобный серийный убийца, оказавшийся на свободе. Тогда она встряхивает волосами, облизывает губы и идёт вниз вместо того, чтобы бежать со всех ног. Волосы у меня слишком короткие, чтобы встряхивать, а помаду слизывать не хочется — я только покрасила губы. Да и Орен — не злодей из второсортного голливудского фильма.

Я взяла ключи. Оба кота сидели на крыльце, я остановилась погладить их.

— Иду повидаться с Ореном, — сказала я котам, — скоро буду.

Дверь я заперла — по крайней мере, Оуэна это удержит.

Облака поредели, ветер унёс обрывки к озеру. Ещё один прекрасный день. Я вдруг поняла, что стала думать о Мейвилле как о доме.

Едва подойдя к дому, я увидела на дорожке перед ним пикап Орена, а потом и его самого — на веранде. Он красил что-то, напоминавшее деревянное корыто, но потом я поняла, что это оконный ящик для цветов. Орен оглянулся и приветственно помахал мне кистью. Я глубоко вздохнула, вытерла о край майки потную ладонь и пошла к нему.

— Доброе утро, Кэтлин.

— Доброе утро, — я показала на его работу. — Цветочный ящик?

— Для кафе Эрика, — кивнул он. — У старого дно прогнило.

Краска была глубокого синего цвета.

— Мне нравится.

— Это выбор Сьюзен.

Обмен любезностями только отвлекал от того, ради чего я пришла. Я откашлялась.

— Орен, могу я поговорить с вами о Грегоре Истоне?

Он посмотрел на свою кисть, потом на меня.

— Да, только уберу краску и вымою это. — Он сделал ещё несколько мазков, закрыл банку с краской и поднялся. — Одну минуту.

Я кивнула.

— Почему бы вам не войти, Кэтлин? — предложил он.

— Ладно.

Я зашла в пристройку, которая, очевидно, служила Орену мастерской — и буквально разинула рот. Я растерянно ахнула. Открытое пространство от пола до потолка заливал свет через высокие окна в задней стене. Свет из окон падал на длинный рабочий стол. С другой стороны располагалась стойка с раковиной и полками внизу. Инструментов оказалось совсем не так много, как я ожидала. Всё выглядело чистым, опрятным и прекрасно организованным.

Но сильнее всего остального в комнате внимание привлекали скульптуры, притягивая взгляд. С потолочных балок в задней половине комнаты, раскинув крылья почти на шесть футов, свисала огромная металлическая птица — летящий орёл, как я поняла, подойдя поближе. Я отчётливо разглядела перья, клюв и мускулистую грудь птицы, хотя скульптура представляла собой просто металлический каркас. Но каким-то образом я могла увидеть в нём птицу. Летящую птицу.

Внизу, поднявшись почти на восемь футов в воздух, стоял медведь, поднявший над головой лапы. И снова в изгибах металла я непонятно как видела мех, и когти, и медвежью силу. Но орёл влёл меня к себе. Я просто стояла под ним, задрав голову, и смотрела. Я услышала, как Орен позади меня закрыл в раковине воду, а через мгновение он уже стоял рядом.

— Орен, это потрясающе, — сказала я.

— Мой отец.

Мы подошли к огромному медведю, который вблизи впечатлял ещё больше. Я протянула руку, чтобы дотронуться до него — и тут же отдёрнула.

— Всё в порядке, — сказал Орен. — Вы ничего не сломаете.

Металл под пальцами казался шершавым.

— Ваш отец был нереально талантлив, — сказала я. Именно об этих скульптурах мне говорили Ребекка и Рома.

— Да, был, — кивнул Орен.

Я медленно поворачивалась, рассматривая другие скульптуры. За одной из маленьких абстракций стояло прекрасное... пианино? Нет, вряд ли. Я подошла ближе.

— Это ведь не пианино, да?

— Да.

— Клавесин?

— Верно, — улыбнулся он.

— Вы его сделали?

— Да, — кивнул он.

— Вы тоже очень талантливы.

Я сунула руки в карманы, боясь до чего-нибудь дотронуться.

— Спасибо, — Орен провёл по волосам. — У меня есть кофе. Хотите чашечку?

— С удовольствием, — кивнула я.

Кофеварка стояла на стойке у раковины. Орен подвинул пару стульев, налил нам кофе. Рядом с кофеваркой на подносе стояла маленькая коробка молока и блюдце с кубиками сахара. После того, как мы оба добавили их к кофе, Орен сказал:

— Вы хотели поговорить про Истона.

— Вы знали его, когда он был Дугласом Уильямсом?

Он кивнул, отхлебнул кофе и поставил кружку на стол.

— Я надеялся, тогда, у вас в кабинете, вы не заметили, что я узнал его имя.

— Вы учились в Оберлине в одно и то же время.

Он медленно кивнул, не глядя на меня.

Я выудила из кармана листок бумаги, который принёс Оуэн, и развернула на стойке перед нами.

— Это же ваша музыка, — разгладила листок, — Грегор Истон украл её.

Долгую минуту Орен не двигался и не отвечал. Наконец, сказал:

— Да.

Правда повисла между нами. Хотелось отмахнуться от неё, прогнать прочь.

— Почему же вы ничего не говорили?

Орен смотрел через моё левое плечо, на скульптуру, подвешенную к балкам.

— Кэтлин, мой отец был невероятно талантлив, — начал он.

— Так и есть, — я тоже обернулась и взглянула на орла.

— Он был художником. Но все вокруг видели в нём только плотника. — Орен посмотрел на свои руки. — Отец был хорошим плотником. А хотел быть художником.

Я кивнула, неуверенная, что разговор идёт в нужном направлении, но прерывать Орена не хотелось.

— Я начал играть на пианино в четыре года, — он снова посмотрел на меня. — Сочинял музыку в шесть. Тогда я не умел читать ноты и потому придумал свой способ записи.

Этот кусочек бумаги, найденный Геркулесом. Я не ошиблась — это код.

Орен взял кружку, отхлебнул кофе.

— Я мог — могу — сочинять почти для любого инструмента — фортепиано, гитары, контрабаса, мандолины. Могу играть на этом клавесине, — он поставил кружку обратно на стойку. — Родителям говорили, что я вундеркинд. Музыкально одарённый ребёнок. Мне достаточно было только раз услышать любое произведение, и я мог запомнить его и сыграть. Даже спустя много лет. — Он вытер рукой рот. — В шестнадцать меня отправили в Оберлин. К тому времени я давно перерос всех здешних учителей музыки, а может, и в штате. Я посещал семинары в группе, где учился Истон. Однажды я уронил свою музыкальную запись. К тому времени я уже знал ноты, но продолжал пользоваться своей системой записи, как и сейчас.

— И что произошло? — спросила я, хотя, кажется, знала, что дальше.

— Я объяснил систему записи. А он предложил помочь записать всё в обычной транскрипции. Для меня одного записей оказалось слишком много. К тому времени у меня накопились горы сочинений, но никто другой не смог бы сыграть их.

— Он присвоил ваши сочинения. — Я поставила свою кружку. — Почему же вы молчали? Ваши записи подтвердили бы, что автор — вы. А его выгнали бы из университета.

Орен вытер руки о штаны.

— Не знаю, имеет ли это смысл для вас, Кэтлин, но я не хотел кончить как мой отец.

— Простите, я не понимаю.

— Никто не знал, что я пишу музыку. Я записывал то, что приходило мне в голову — просто чтобы от этого избавиться. Уже то, что ко мне начали относиться как к какой-то музыкальной диковине, было достаточно неприятно. А если бы узнали, что я ещё и пишу свою музыку... — он не договорил. — Отец хотел дать мне возможность, которой у него никогда не было — стать художником. Но я-то хотел того, что у него было.

И тут я поняла, что он пытается мне сказать.

— Вы не хотели быть музыкантом, — я оглянулась на инструменты и мастерскую. — Вы хотели стать плотником.

— Люди считали это даром. Для меня это стало проклятьем. — Он играл с кофейной кружкой, медленно поворачивая её на стойке. — Самое смешное — в том, что он мне помог.

— Истон?

— Понимаю, звучит странно. Верно? Я сорвался. Он сказал моим родителям, что я далеко не так талантлив, как все думают.

— Орен, вы же знаете, что это неправда. Судя по тому, что я слышала, это Истону недоставало таланта.

— Мне это было безразлично. — Орен наклонился ко мне. — Его слова о том, что я не особенно талантлив, дали мне возможность жить так, как я хотел. — Он оттолкнул от себя кружку. — Прошли годы, прежде чем я узнал, что Даг Уильямс стал Грегором Истоном. Это произошло в музыкальном магазине, в Миннеаполисе — я услышал свою музыку. До этого я и понятия не имел. И подумав, я решил — а что в этом плохого? Я не хотел такой жизни, а он — да.

— Но что-то изменилось, — сказала я.

Орен соскользнул со стула и подошёл к клавесину. Легко пробежался пальцами по клавишам.

— Я работал в театре во время репетиции, на второй день после приезда Истона. Он играл тот кусочек, который вы как-то услышали в моём исполнении. — Орен воспроизвёл мелодию. — Это было... неправильно. Звучало совсем не так, как я задумал. — Он убрал руки с клавиатуры. — Я знал, какой должна быть эта музыка. Когда все ушли, я сел за рояль. Я не играл много лет. Но оказалось, что в театре остался кто-то ещё.

— Истон.

— Да. — Орен сел на табурет перед клавесином. — Он был не особенно порядочный человек, Кэтлин. И приехал совсем не для того, чтобы помочь на фестивале. Он хотел новых музыкальных сочинений.

— Ваших сочинений, — я облокотилась на стойку.

— Он говорил, что музыку должны слышать, она этого заслуживает, — он смотрел на широкие деревянные половицы. — В Стрэттоне уже много лет проблемы с деньгами. Я сказал Истону, что отдам остальные записи, пусть выдаёт их за свои, но половину

вырученных на этом денег он должен отдать театру. Он ответил, что должен подумать, посмотреть, что это за музыка, прежде чем решит, что делать. — Орен наконец взглянул на меня. — Мне уже не шестнадцать. Я знал, что он врёт, так ему и сказал. Сказал, что расскажу всем, что это моя музыка, не его.

— А он?

— Рассмеялся. Сказал, что это моё слово против его, и кто поверит психу вроде меня?

Мне самой захотелось прибить Истона.

— Вам многие поверят, Орен, достаточно услышать, как вы играете.

— Спасибо за добрые слова, — улыбнулся он. Но у меня были — и есть — доказательства. У меня есть оригинальные записи всех моих сочинений. Бумаги хранятся в сейфе, в Сент-Поле. По крайней мере, хранились.

— Вы всё сохраняли?

— Возможно, они значили для меня больше, чем я думал.

— Поэтому вы пропустили вечеринку с мясным рулетом. Поэтому не были в Стрэттоне на следующее утро. Вы уехали за доказательствами.

Орен подошел и встал передо мной, держа руки в карманах.

— Я думал, доказательства убедят его принять мои условия. Мне жаль, что я не был в театре утром и что вы нашли его тело.

— Вы его не убивали, Орен, вам не за что себя винить. — Я потянула руку, чтобы расслабить застывшее плечо.

— Болит? — спросил Орен.

— До сих пор немного тянет, — кивнула я. — Орен, а вы сказали детективу Гордону, где были?

Он молча кивнул.

— А кем Истон был раньше? И то, что вы знали друг друга?

— Нет, — тихо сказал он. — Мне нравится моя жизнь, Кэтлин. Не хочу терять то, что у меня есть.

Я встала со своего стула.

— Может, до этого и не дойдёт. Может, люди удивят вас — если вы им это позволите. — Я подождала, пока он не посмотрел на меня. — Думаю, вам нужно рассказать Гордону, кем был Истон на самом деле.

— Вы в самом деле думаете, что это как-то связано с его смертью?

— Да, — сказала я. — Орен, он встречался с кем-то в ночь своей смерти. — Я вспомнила рану на голове Истона.

Кто-то был с ним в Стрэттоне. Кто-то знакомый, сумевший усыпить его бдительность. Практически весь хор был у Эрика, на вечеринке в честь дня рождения. Истон знал здесь ещё кого-то, кроме вас.

Несколько мгновений Орен смотрел в окно.

— Вы читали «Посредника»?

Я кивнула.

— Прошлое — это чужая страна. Не думал, что когда-нибудь туда вернусь, — сказал Орен. — Но, возможно, пора.

Я глубоко вздохнула. Похоже, прошлое Грегора Истона подобралось слишком близко к его дому.

Отступи назад, оседлай тигра

В понедельник рано утром кто-то постучал в дверь. Я подумала, что это Ребекка, но на заднем крыльце стоял детектив Гордон, держа перед собой какую-то банку. И я не знала — щит это или предложение мира.

— Доброе утро, мисс Поулсон, — улыбнулся Гордон.

— Доброе утро, детектив. Вы здесь по делам полиции или зашли на завтрак?

У детектива хватило совести слегка покраснеть.

— Дела полиции. Можно войти?

— Конечно, — я отступила, чтобы он мог пройти на веранду, думая о том, говорили ли ему когда-нибудь «нет» в ответ на такой вопрос.

Я провела его на кухню, обошла вокруг стола, скрестила руки.

— Чем я могу вам помочь, детектив?

Я была совершенно уверена, что его приход связан со вчерашним визитом Орена в полицейский участок, но не собиралась выдавать себя.

— Во-первых, это вам, — он протянул мне банку джема. Клубнично-ревеневого, глубокого красного цвета. — Я подумал, может, вы изменили свое мнение.

Я представила вкус, терпкость ревеня и сладость ягод.

— Эмм... спасибо большое, — я наконец очнулась и вспомнила о манерах.

— Пожалуйста. И спасибо, что уговорили Орена Кеньона прийти к нам.

— Это он вам сказал?

— Да, — он неловко переступил с ноги на ногу. — Его сведения об Истоне — Дугласе Вильямсе — сэкономили нам время.

— Хотите кофе?

— Не хочется вас утруждать.

— Детектив, вы, наверное, заметили, как я люблю хороший кофе. Да и не-такой-уж-хороший тоже. Так что без проблем.

— Тогда хочу.

Я достала чашку, налила ему кофе, и себе тоже добавила. Поставив его чашку на стол, я выдвинула один из стульев в качестве приглашения сесть. Потом принесла тарелки, масло и пару ножей.

— Вы не обязаны кормить меня завтраком, мисс Поулсон. Кофе вполне достаточно.

Я положила в корзину для хлеба четыре мультизерновые булочки и тоже поставила на стол.

— Я знаю, что не обязана вас кормить, детектив, но вы, кажется, все время появляетесь во время завтрака. И раз уж мы с вами завтракаем вместе, не могли бы вы называть меня Кэтлин?

Я взяла банку с джемом. Крышка была завинчена очень плотно.

— Наверное, я просто ранняя пташка, Кэтлин, — улыбнулся он. — Когда мне было семь, я развозил газеты. А вы?

Я изо всех сил пыталась отвернуть крышку, стараясь, чтобы усилия не отражались на моём лице.

— Я? Мои родители актёры. Обычно они отправлялись в постель, когда все остальные уже встают. Думаю, я стала жаворонком в знак протеста.

Я начинала думать, что крышка приварена. Опираясь на стойку, я снова покрутила её, стараясь улыбаться и не рычать

Детектив Гордон откашлялся.

— Кэтлин, вы не сочтёте дискриминацией, если я предложу вам открыть банку?

От напряжения у меня на шее выступили капельки пота, я почти задохлась, а крышка не сдвинулась с места. Я молча передала ему банку, и он её открыл, совершенно без усилий. Как ему это удалось? Я чуть не открыла рот, чтобы спросить.

— Уверен, это вы её ослабили, — он протянул мне банку.

— Нет, не ослабила, — засмеялась я, поставила банку на стол между нами, села и потянулась за булочкой. — Итак, Орена не подозревают в смерти Истоны.

— И не начинали. Он есть на записях камер наблюдения в банке и на шоссе.

— А как насчёт меня? — Я намазала хлеб маслом и положила сверху толстый слой джема.

— Вы были не подозреваемой, а лицом, представляющим интерес для следствия.

— Думаете, у меня была связь с Истоном?

Он поднял большой палец.

— В его кармане лежала записка от вас. — Он добавил указательный. — Вы заказали завтрак в его гостиничный номер. — Средний палец. — Вы очень рано появились в театре. — И, наконец, безымянный. — И вы оба провели прошлый год в Бостоне, где могли близко познакомиться с Истоном на работе или у ваших родителей.

В его улыбке было что-то снисходительное.

Я подняла слегка вымазанный джемом большой палец.

— Я не писала Истоны, — указательный палец. — Я послала завтрак в качестве извинений, а не непристойного предложения. И, кстати, его так и не доставили, — средний палец торчал под каким-то странным углом. — В театре я искала Орена, а не Истоны. И наконец, — я подняла безымянный палец, — в Бостоне полно людей, и большинство из них мне незнакомы.

Вместо снисходительной улыбки я выгнула бровь. Затем подтолкнула к нему булочки и откусила от своей, слегка хрюкнув от удовольствия. Джем оказался отличным — сладкий, с правильной кислинкой ревения, наполненный фруктами, и очень-очень хороший.

— Очень вкусно, — я смахнула фруктовую крошку в уголке рта и улыбнулась через стол. — Спасибо.

Он откусил от своей булочки.

— Ммм, неплохо.

Я встала, чтобы взять кофейник.

— Что же случилось с Грегором Истоном, детектив? Как он умер?

Я наполнила обе наши чашки.

Он слизнул с пальца капельку джема.

— Пожалуйста, зовите меня Маркус.

— Ладно. И как он умер, Маркус?

— Эпидуральная гематома.

— То есть, от удара по голове? — я снова опустила на стул.

— Да. Удар по виску стал причиной мозгового кровотечения.

— Должно было пройти много времени.

— Похоже, мистер Истон не понимал, насколько серьёзно его ранение. А он ещё

принял аспирин, должно быть, от головной боли. Это антикоагулянт.

Я добавила в кофе сахар, помешала.

— Значит, он ходил, разговаривал — всё как обычно?

— Наверное, чувствовал себя нормально. Некоторое время.

Я смотрела, как он намазывает другую половинку булочки маслом и джемом.

— Когда он уходил из библиотеки, с ним всё было в порядке. Или, по крайней мере, он так думал.

— Возможно, — кивнул детектив.

— Значит, вы не знаете, кто его убил, — я хлопнула по столу, — вы даже не уверены, что кто-то пытался. Это мог быть несчастный случай. Истон просто мог упасть или удариться обо что-то головой. В библиотеке давно идет ремонт. Собственно, он вполне мог удариться и до того, как пришел к нам.

— Не думаю, — сказал детектив, снова поднимая свою чашку. — В библиотеке мистер Истон с кем-то встречался, а он не похож на человека, что явится на свидание с раной на голове.

— Может, хотел надавить на жалость.

— Не думаю, что мистери Истону требовалось ваше сочувствие.

Пришлось признать, что он, наверное, прав.

— Ну, пусть так, но вы все равно не знаете, что случилось в библиотеке.

Он откинулся в кресле и сложил руки на груди.

— Я знаю, что кто-то использовал ваше имя, чтобы заманить Истона на встречу. Знаю, что в библиотеке он был ранен и через несколько часов умер. Также я знаю, что кто бы это ни был, он пока не появился. — Он пожал плечами. — Другого толкования фактов я не вижу. — Он допил кофе и поднялся. — Спасибо за завтрак. Ещё раз.

— Спасибо за джем.

Я проводила его до двери. Он остановился уже на пороге.

— Чуть не забыл. Мы закончили работать в библиотеке. Помещение снова ваше. — Он улыбнулся профессиональной полицейской улыбкой. — Хорошего дня, Кэтлин.

Я вернулась на кухню. С одной стороны двери из гостиной маячила лохматая серая голова, с другой выглядывала чёрная.

— Можете заходить, — сказала я. — Он ушёл.

Оуэн пошёл пить, а Геркулес уселся у моих ног.

— Мурр, — сказал он, и потёрся головой о мою лодыжку.

Я намазала маслом маленький кусочек булочки и дала ему. Это заставило Оуэна пулей примчаться к нам. Я угостила и его.

— Вы едите слишком много человеческой еды, — заметила я.

Коты в ответ сердито посмотрели на меня — не говори глупостей.

Зазвонил телефон, и я пошла в гостиную, чтобы ответить.

— Привет, Кэти, — от теплого голоса матери в груди знакомо защемило.

— Привет, мам.

— Как дела в Миннесоте?

— Хорошо, — за исключением убийства, в котором я замешана, подрядчика, который не появляется, когда должен, и пары котиков-клептоманов с магическими способностями. — Как Бостон?

— Дождливо. Я звоню сказать, что папа будет сниматься в рекламе.

— Это хорошо, — я передвинула телефон, чтобы сесть. — Реклама банка? Он говорил, что собирается участвовать в прослушиваниях, потому что они планировали снять серию роликов.

— Нет, не банка, но режиссер — наш бывший студент. Он пригласил Джона на прослушивание.

Бывшие студенты моих родителей — довольно разношерстная компания. И почему это она не говорит, что за реклама?

— Это какой-то продукт от эректильной дисфункции? Папа будет сидеть полуголым в ванне на вершине горы?

Мама фыркнула.

— Конечно, нет. Ты же знаешь, он легко обгорает.

— Что тогда? Мазь от геморроя? Таблетки от простатита? Лак для волос?

Папа, может, и говорил о рекламе банка, и у него, определенно, положительный, вызывающий доверие внешний вид — высокий рост, серебряные волосы, классический профиль. Но в итоге он всегда оказывается в гораздо более красочных проектах.

— Очень смешно, Кэтлин, — в голосе мамы послышался легкий укор. — Он будет блохой, только и всего.

Я уставилась на трубку.

— Блохой?

— Это будет реклама нового средства от блох. Режиссер захотел снимать твоего отца, потому что он не соответствует типу.

— Есть какие-то типы блох?

Она проигнорировала мое замечание.

— Он хотел актера классической школы.

— Чтобы сыграть блоху?

— Очень, очень-очень хорошо оплачиваемую блоху, Кэти.

— А, вот оно что, — рассмеялась я. — Папа рядом?

— Ушел за рогаликами.

— Передай ему мои поздравления.

— Передам, — ответила она. — Есть новости о Грегоре Истоне? Похоже, его карьера катилась к закату. Сообщение о его смерти не попало даже на первую страницу раздела об искусстве.

— Особых новостей нет, — сказала я, положив ноги на пуфик. — Оказывается, он сменил имя.

— Серьезно? Ну, актеры часто меняют имена, почему бы и музыкантам этого не делать? Никто не выберет Лулу Мэй Крумхольц на роль девушки Бонда. И Грегор Истон продаст больше классической музыки, чем Буфорд Хорнсвэгл — она остановилась. — Истона же не звали Буфорд Хорнсвэгл?

Я рассмеялась.

— Нет, он урожденный Дуглас Грегори Уильямс. Отличное имя для дирижера.

— Дорогая, может он пытался от чего-то избавиться. Стеснялся своей семьи. Или ему не нравилось его имя. Ты тоже прошла через это.

— Я — нет.

— Да, да. Когда тебе было семь.

— Это не считается, — возмутилась я.

— Считается. Ты очень постаралась, написала официальное заявление о смене имени. Точнее, шесть заявлений. Пытаясь расплавить карандаш, чтобы сделать печать, ты чуть не подожгла занавеску в душе. Один документ ты вручила нам с папой, один своей учительнице, а остальные раздала соседям.

Я закрыла глаза и приложила руку ко лбу.

— Принцесса Аурелия Роузбад Найтингейл, — вздохнула я.

— Ага, ты помнишь.

— Еще бы. Джоуи Хиггинс отказался называть меня новым именем.

— И ты разбила ему нос.

— Мне пришлось остаться после школы и писать строчки. Это было долго — я умела только печатными буквами.

Мама рассмеялась.

— Ты спорила с директором, что строчки — это жестокое наказание, нарушающее конституцию, потому что школа еще не научила тебя писать.

— Ну, меня отпустили на полчаса раньше.

— Бедный мистер Кэмпбелл выпустил тебя, боясь, что иначе у него голова лопнет.

Я припомнила мистера Кэмпбелла — маленький тощий человечек с мышинным лицом и редкими волосами, напоминавший мне резиновую игрушку-тянучку — его рукава и штанины всегда были немного коротковаты. Помню, как была поражена много лет спустя, узнав, что мистер Кэмпбелл вбежал в горящее здание, спасая сына-подростка своей школьной подруги.

— Мне пора, — сказала мама.

— Ладно. Скажи папе, я позвоню ему вечером.

— Скажу. Я буду держать кулачки за ваш музыкальный фестиваль. Скоро еще поговорим. — Она чмокнула меня через телефон и повесила трубку.

Я осталась лежать, опершись головой на стул. Мой отец будет играть блоху в серии рекламных роликов. И к тому же высокоинтеллектуальную блоху. Может, мне ещё не поздно сменить имя на Принцессу Аурелию Роузбад Найтингейл?

Подстрели тигра

Утром по дороге в библиотеку я решила заглянуть в студию Мэгги. Перед встречей с Эвереттом я чувствовала неуверенность — он имел право прервать мой контракт, ремонт в библиотеке шел не слишком гладко, а я еще и оказалась замешана в убийстве.

Студия Мэгги располагалась на верхнем этаже Ривер-артс-центра. Подъем по ступенькам всегда напоминал мне о школе, и неудивительно — в этом кирпичном здании некогда и была школа. Мэгги, в белом топе и мешковатых синих хлопковых штанах, склонилась над рабочим столом, грызя карандаш.

— Мэгги, — окликнула я.

Она подняла глаза с тем же виноватым выражением, что напускал на себя Оуэн, когда я заставляла его за чем-нибудь неподобающим — кражей из мусорной корзины Ребекки, например.

— А что случилось с «больше никаких погрызенных карандашей»? — поинтересовалась я, подходя к столу.

— Этот проект, вот что случилось.

Мэгги грызла карандаши не хуже бобра — по крайней мере, раньше. Любой ее карандаш был покрыт отметинами зубов от кончика до ластика. Она и сама признавала — отвратительная привычка, негигиенично и не особенно полезно для зубов. Поэтому Мэгги пыталась завязать с погрызанием карандашей, используя заменители вроде ломтиков морковки.

— Как насчёт бананового хлеба на замену? — я подняла бумажный пакет с парой ломтей от булки, которую испекла прошлой ночью.

— А кофеина у тебя случайно не найдётся? — вздохнула она.

Я вытащила из-за спины другую руку.

— Вот, я взяла у Эрика большой чай. Не для тебя, правда, — я протянула ей чашку через стол.

— Как ты узнала, что я его хочу? — Она отхлебнула прямо из чашки-непроливайки.

— Себе я купила большой чёрный кофе. — Я сделала глоток и поставила чашку на стол. — Потому, что когда я зашла к Эрику, он сказал, что именно ты берёшь в первую очередь. Полагаю, ты уже готова ко второй чашке.

— Ты правильно поняла. Спасибо. — Она развернула бумажный пакет и заглянула внутрь. — Люблю банановый хлеб, — она отломил кусочек.

— Так что тебя тревожило прошлой ночью? Ты ведь не делаешь банановый хлеб просто так, верно?

— Не делаю.

— И?

— У меня сегодня встреча с Эвереттом.

— Ты же знаешь, он поддержит тебя.

Я поскребла пятнышко засохшей краски на столе.

— Он может просто разорвать со мной контракт.

Она потрясла головой.

— Ничего подобного. Следующая проблема?

— Мой отец будет блохой.

Мэгги чуть не подавилась.

— Он будет блохой, или у него будут блохи?

— Ха-ха-ха, как смешно. Отец сыграет блоху в рекламе, которую, наверное, будут показывать по всей стране.

— Да ладно, все не так плохо.

— Когда я училась на втором курсе, он снимался в рекламе хлопьев в качестве поющей и танцующей изюминки. — Она открыла рот, но я предупреждающе подняла руку. — Не вздумай петь эту песню, или больше никогда не получишь моих брауни. Никогда.

Она мудро сунула в рот еще кусочек бананового хлеба.

— Все ее пели. Пятеро моих друзей нарядились сморщенным изюмом на Хэллоуин. И угадай, какой подарок мне достался, когда мы устроили «Тайного Санту».

— Ты больше не в колледже.

— Давай сменим тему. Над чем ты работаешь? — я наклонилась над столом, чтобы получше разглядеть ее текущий проект, пусть и вверх ногами.

— Это коллаж для Ромы, в клинику. Я использую фото котов из Вистерия-Хилл. И раскрашиваю вручную. Я как раз просматривала свои старые работы, искала подходящий фон, но с компоновкой пока что-то не то. — Она наклонилась, изучая свою работу, разложенную на большом листе оргалита. Потом покачала головой и отхлебнула из чашки с чаем. — Да, думаю, ты слышала про Эми?

— Я отвозила Ребекку в больницу забрать ее, — кивнула я.

— Эрик жутко расстроен.

— Он не виноват, Эми и сама не знала, что у нее аллергия, — я выпрямилась, чтобы взять кофе.

— Я слышала об аллергии на арахис и морепродукты, но о маковых зернах — никогда.

Я вдруг вспомнила Эверетта, отказывающегося от моего маффина.

— А я слышала, — медленно произнесла я. — У Эверетта аллергия на мак.

— Это логично, — сказала Мэгги, кладя в рот еще кусочек бананового хлеба.

— Да?

— Конечно, ведь Эверетт — дед Эми.

— Что?

— Ну да. Ты не знала?

— Нет. Ребекка никогда не говорила.

Мэгги стряхнула с себя крошки.

— Эми из-за чего-то поссорилась с дедом месяцев семь-восемь назад, и, по слухам, с тех пор они не разговаривают.

— Печально.

— Да, — согласилась Мэгги. Эми — всё, что у Эверетта осталось от семьи. — Она взглянула на меня через стол и чуть улыбнулась.

— Хватит ухмыляться, — сказала я. — Я понимаю. Мой отец собирается играть блоху в рекламе. Ну и что?

Она демонстративно потерла руки.

— Ну, можно считать, моя миссия на этой земле исполнена. — Она сложила бумажный пакет маленьким аккуратным прямоугольничком и протянула мне. — Как твое плечо?

Я подняла и опустила локоть, как птичье крыло.

— Ничего. Синяк восьмицветный, и рука хуже гнется, но в остальном нормально.

Мэгги открыла и закрыла рот.

— Что? — спросила я.

— Меньше чем за неделю тебя чуть не убило током, а потом рулоном полиэтилена?

— Неудачное время и нерадивый подрядчик.

Я допила кофе.

Она возилась со своей кистью.

— Кэтлин, а ты уверена?

— О чём ты?

— Уверена, что это несчастные случаи?

— Да брось. Думаешь, кто-то нарочно старался меня травмировать? Говоришь как Сьюзен. И кто? Уилл? Эдди? — я покачала головой.

— Травмировать. Или напугать. Сначала я решила, что это Уилл пытается помешать реконструкции, но теперь мне кажется, он пытается помешать тебе. Смотри, как это происходит. Я не верю в такие совпадения.

— Ну, если кто-то пытается избавиться от меня, им надо было просто сказать. Оставить записку, голосовое сообщение, саморазрушающуюся пленку.. Может, повесить на лесах табличку. Все эти глупые ЧП только заставили меня думать, что Эверетт нанял не того человека.

Мэгги уставилась на стол в глубокой задумчивости.

— Вот именно, Кэтлин, — сказала она, подняв глаза на меня.

— Именно что?

— Последние инциденты — не единственные проблемы, что были у тебя в библиотеке. Помнишь мышей в твоём кабинете?

— Очень живо.

— Единственное место во всём здании, где возникли проблемы с грызунами. И только на одну ночь. Как будто их туда нарочно завезли. А ожог от батареи? — она постучала пальцами по столу. — Не знаю, как я раньше это не поняла. Это Уилл. Он пытается избавиться от тебя.

— Избавиться? Зачем? Он член какой-то подпольной группировки? «Остановим чтение вместе»?

Мэгги поставила локоть на стол и оперлась подбородком на руку.

— Я не знаю. Но помнишь, ты сказала, что он оказывается вне доступа, будто по какому-то расписанию? Может, так и есть. Может, он кое-что делает в это время.

Мне вдруг захотелось кофе, много кофе.

— Что за «кое-что» и при чем тут я?

— Я не уверена. Может, это имеет отношение к тому, что случилось в библиотеке с Истоном. Нам надо узнать, куда он направляется, когда уходит и ты не можешь с ним связаться.

— И как же?

— Проследим за ним.

— Проследим? Как? Покатимся на тележке для книг, как на скейте? У меня нет машины, а твой «жук» не такой уж неприметный.

— Найти машину не проблема.

— Ладно, — медленно сказала я. — И что я сделаю? Надену плащ и позвоню тебе по ботинку, когда Уилл появится в следующий раз?

— Кэт, ты не принимаешь это всерьез.

— Конечно, нет. С чего Уиллу желать мне зла? Я давала ему больше шансов, чем вообще следовало. А когда не отвечает на звонки, он, скорее всего, ошивается у стойки для подрядчиков в строительном магазине, попивая кофе.

Мэгги уперла руки в боки.

— Так давай узнаем точно. Когда он должен появиться?

— Ну, он не может игнорировать мои сообщения вечно. По крайней мере, не мог. Так что, скорее всего, сегодня после обеда. По утрам он обычно не приходит.

— Отлично. Как придет, позвони мне.

— И?

— И я за тобой заеду. Мы проследим за ним и узнаем, куда он направляется.

Я соскользнула со стула.

— Мне пора в библиотеку.

— Спасибо за чай, Кэт. И за банановый хлеб.

— Пожалуйста. Позже поговорим.

— Держи ботинок-телефон под рукой, — окликнула она.

Я даже не удостоила это грубым жестом.

Около двух Уилл Редферн без стука просунул голову в мой кабинет.

— Добрый день, Кэтлин. Не знаете, что случилось с лесами? Эдди сказал, мальчики их смонтировали.

— Вы получали сообщения? — поинтересовалась я.

— Сообщения? Когда? — он тут же поднял руку и продолжил. — Неа. Чертов телефон опять толком не работает. Извините, — пожал он плечами. — Что-то важное?

Я встала, но осталась за столом.

— Эдди и мальчики смонтировали леса и просто испарились.

— Перерыв на кофе, — во весь рот улыбнулся Уилл. — Профсоюзные правила.

— Они не вернулись, Уилл. Длинноватый вышел перерыв.

— Ну, Кэтлин, вы должны понять, вы у меня не единственный объект. Порой случается форс-мажор.

Ухмылка просто приклеилась к его лицу.

— Я понимаю, что проблемы бывают везде. Но, похоже, когда они случаются здесь, я не могу вас найти.

— Здесь было какое-то ЧП? — от него разило неискренностью, как от скунса.

— Кто-то оставил на лесах рулон полиэтилена, он упал, едва не попав мне по голове. Когда я стала искать вас, вас не было.

— Я сожалею, — сказал он. — Вы в порядке?

— Я — да, — сказала я, оперевшись обеими ладонями на стол для поддержки. — Но кто-то мог серьезно пострадать.

— Я поговорю с Эдди. Извините нас. — Он прислонился к дверному проему так, будто имел в распоряжении все время мира.

— Поэтому леса разобрали. Эверетт боялся, что кто-нибудь еще будет травмирован.

— Вы позвонили Эверетту из-за рулона изоляции? Не хочу вас обидеть, но вы слишком бурно реагируете, Кэтлин.

— Я не звонила Эверетту из-за полиэтилена. — Это правда, я звонила ему из-за Уилла. — Он зашел посмотреть, как продвигается ремонт. Услышав, что случилось, он

распорядился разобрать ваши леса. Я удивлена, что он не оставил сообщения, — я подняла руку и улыбнулась. — А, точно, ваш телефон. Вы не могли его получить. — Ну, от кого теперь пахнет неискренностью? — Кстати, Уилл, я вспомнила. Леса сложены сзади, под лестницей.

Надо отдать Уиллу должное, он быстро оправился.

— Это ломает всё сегодняшнее расписание работ. Мне очень жаль, Кэтлин.

Я боролась с желанием найти гаечный ключ и швырнуть ему в голову.

— Ничего страшного. Я этого и ожидала, Уилл, — сказала я со спокойствием, которого совсем не чувствовала.

— Постараюсь прислать сегодня Эдди, но может не получиться.

— Знала, что вы это скажете.

— Ладно. Ну, мне надо забрать кое-какие инструменты и проверить, все ли леса на месте, — он глянул на часы. — Не могу ничего обещать насчет Эдди, но попробую.

Как только он ушел, я схватила телефон и набрала Мэгги.

— Орел приземлился, — прошептала я в трубку. — Призрак выходит в ночь.

Ну невозможно было принимать всерьез весь этот шпионский бред.

— Кэтлин? О чем ты?

— Уилл в библиотеке, — сказала я нормальным голосом.

— На парковке, через пять минут. Коричневый пикап, — она понизила голос до шепота и повесила трубку.

Я выключила компьютер, закрыла кабинет и подошла к стойке. Абигайль говорила по телефону, а Сьюзен обслуживала двух женщин. Я подождала, пока она закончит.

— Кэтлин, Уилл нашел тебя? — спросила она.

— Да. Ему нужны какие-то инструменты из кладовки. Проверь, пожалуйста, чтобы после его ухода дверь была заперта.

— Не сомневайся, — она поправила на носу очки. В пучок волос на голове Сьюзен были воткнуты две соломинки для коктейлей.

— У меня встреча. Я ненадолго.

— Хорошо. — Она что-то записала в голубом библиотечном блокноте. — Как твое плечо? — спросила она, когда я повернулась к двери.

— Намного лучше. Думаю, теперь я буду лечиться только у Ромы.

Сьюзен засмеялась, и, помахав ей на прощание, я вышла на улицу, надеясь, что Мэгги уже здесь. В дальнем углу парковки стоял потрепанный пикап. Казалось, он не разваливается на части только благодаря налипшей грязи. Может он быть тем самым коричневым пикапом? Я подошла ближе. На водительском сидении скрючилась Мэгги. Пассажирское окно было открыто.

— Привет, — сказала я.

Она зыркнула на меня и прошипела:

— Садись.

Я огляделась. Уилла не видно, его пикап припаркован на улице. Пассажирская дверь застонала так, будто я собираюсь ее оторвать. Я забралась внутрь.

— Я не буду прятаться на коврик под сиденьями.

— Тебе не обязательно сидеть на полу, но можешь, по крайней мере, пригнуть свою огромную голову, — ответила она.

Я сползла как можно ниже.

Мэгги следила за улицей. На парковку въехала Рома. Я опустила еще ниже — не хотелось объяснять ей, с чего я прячусь в пикапе, держащемся на честном слове, грязи и изолянте.

— Вот он, — сказала Мэгги.

Я рискнула чуть приподняться. Уилл садился в машину, разговаривая по телефону.

— Поехали, Старски, — сказала я.

Она скорчила гримасу и повернула ключ. Ничего не произошло. Сжав зубы, она попробовала еще раз. Ничего. Удар по рулю тоже не помог.

— Давай, ты, ржавая железяка, — бормотала она.

Уилл завел пикап. Мэгги выглянула в окно и открыла дверь.

— Побежали, Кэт.

Я рванула за ней.

— Ничего не получится, — пыхла я, постыдно задыхаясь. — Он заметит, что мы бежим за машиной.

Она схватила меня за руку и подтащила к универсалу Ромы, подтолкнув к пассажирской двери. Мэгги забралась назад, а я села впереди. Рома смотрела на нас скорее озадаченно, чем удивленно.

— Рома, ты должна ехать за Уиллом Редферном, — сообщила Мэгги. — Туда.

Рома пристегнулась, завела машину и выехала с парковки. Уилл был у знака стоп в конце улицы.

— Вон он, — воскликнула Мэгги.

— Я вижу, — кивнула Рома.

Уилл продолжал ехать прямо по Олд-Мэйн-стрит. Рома пристроилась за ним, достаточно далеко, так что я надеялась, что он не заметит. Посмотрев в зеркало заднего вида и искоса взглянув на меня, она сказала:

— Привет, Кэтлин. Привет, Мэгги. Отличный денек для небольшой поездки, да?

— Я могу объяснить, — сказала Мэгги, слишком подаваясь вперед.

— Не сомневаюсь, — ответила Рома.

Мэгги тронула ее за плечо:

— Он поворачивает.

— Вижу, — ответила Рома. — Такое чувство, что у него один из тех пикапов с поворотниками.

Я прикусила язык, чтобы не рассмеяться. Рома плавно съехала на шоссе, оставив между нами и Уиллом одну машину. Я понятия не имела, куда мы едем, но точно не в строительный магазин. Мэгги откинулась назад. Рома снова глянула на меня.

— Вы собирались объяснить.

— Мэгс. — Я постаралась изобразить приглашающий жест, как телеведущая Ванна Уайт.

Мэгги быстро посвятила Рому в детали.

— Кэтлин, я и не знала, что ты столько раз травмировалась во время ремонта.

— Я тоже не замечала, пока Мэгги не сказала. Но мне трудно поверить, что Уилл подстраивал все это специально. Зачем? И если Уилл способен на насилие...

— Вот и узнаем, — вставила Мэгги с заднего сиденья.

— Куда бы он ни ехал, он торопится, — сказала Рома, посмотрев на спидометр. Она обогнала машину, ехавшую между нами и Уиллом — его уже почти не было видно за

ХОЛМОМ.

— У тебя отлично получается, — похвалила Мэгги.

— Это не первое моё родео, — с улыбкой ответила Рома.

— Слежка для тебя привычное дело? — изумилась я.

— Нет. Но в колледже я участвовала в гонках.

Еще через пару миль Уилл неожиданно свернул с дороги куда-то в лес.

— Куда это он? — спросила Мэгги.

Рома посмотрела в зеркало заднего вида.

— За нами никого. Я приторможу, ищите съезд.

Дорогу заметила Мэгги.

— Вон там, видите прогал между деревьями?

— Вижу. Сейчас развернусь, — сказала Рома. Она развернулась на подъездной дорожке, съехала к развилке, а потом в сторону, под деревья, по гравийной дороге. — Если мы собираемся продолжать, придётся идти пешком.

— Пошли, — сказала Мэгги, отстегиваясь.

— Здесь, наверное, стройплощадка, — предположила я. — Все, что мы найдем — это Эдди, почесывающего подмышку.

Мэгги остановилась.

— Кэт, если мы найдем там Эдди, почесывающего подмышку или... или еще что-нибудь, я куплю тебе самый большой контейнер замороженного йогурта.

Да, сдаваться она не собиралась.

— Ладно, — ответила я.

Мы все вылезли. Мэгги повела нас по дороге, держась у края, ближе к деревьям. Мы с Ромой шли позади, уворачиваясь от веток.

— Ты же поделишься йогуртом, Кэтлин? — поинтересовалась Рома.

— Думаю, нет, — ответила я.

— Мне кажется, до библиотеки отсюда далековато, — парировала она.

— Любишь клубничный? — не оборачиваясь спросила я.

— Обожаю. Как мило, что ты спросила.

Мэгги внезапно остановилась.

— Тсс.

— Что такое? — спросила я.

Тропинка вела к открытому пространству. Слева был припаркован пикап Уилла. Впереди на небольшом возвышении стояло маленькое недостроенное здание — четыре стены на фундаменте, квадратный деревянный каркас.

— Я ничего не вижу, — прошептала я на ухо Мэгги.

— Вон там.

Она потянулась и повернула мою голову слегка вправо. Уилл, стоя перед домом, целовал какую-то блондинку с него ростом. Рома высунулась из-за моей спины, откинулась назад, посмотрела на Мэгги, потом на меня.

— Это не Эдди, — сказала она. — Это Ингрид. Почему Ингрид целуется с Уиллом Редферном?

Шаг вперед и удар

— Ингрид? — переспросила я.

Мэгги помахала Роме.

— Это ведь не Ингрид, да?

— Это она. Волосы стали светлее, но это Ингрид.

Мэгги потянулась вперед для лучшего обзора.

— Ты права, — протянула она. — Это Ингрид.

— Ингрид? — снова спросила я, — Та самая Ингрид, что заведовала библиотекой до меня?

Уилл обнимал ту женщину — Ингрид — и их лица соприкасались

— Пошли отсюда, — сказала Мэгги, повернулась и слегка подтолкнула меня.

Вслед за Ромой мы вернулись к дороге, влезли во внедорожник, Рома развернулась и повела машину обратно, в город.

— Да, такого я не ожидала, — сказала она.

— Я тоже, — согласилась Мэгги.

— Я ничего не понимаю, — сказала я, — объясните, ради Бога.

— Да, это та Ингрид, и нет, ее не уволили, если ты так подумала, — сказала Рома.

Я так и подумала.

— Разве Уилл не женат?

— Ага, — кивнула Рома.

— Тогда что он делает с бывшей библиотекарем?

Мэгги посмотрела на меня, подняв брови.

— Ну ладно, я знаю, что он делает, но какое отношение это имеет к библиотеке или ко мне?

— Понятия не имею, — признала Мэгги. — Но это слишком большое совпадение, Уилл, встречающийся с женщиной, раньше занимавшей твою должность, и неприятности в библиотеке.

— Но если Ингрид не увольняли, с чего Уиллу злиться на меня? Я могла бы понять, если бы я была причиной того, что Ингрид потеряла работу. — Я старалась быть голосом разума. — Рома, ты уверена, что ее не увольняли?

Она кивнула, не отрывая взгляда от дороги.

— Абсолютно. Она подала заявление об уходе прямо перед утверждением планов реконструкции. Ее пытались уговорить остаться, пока не закончатся основные работы.

— Очевидно, она отказалась.

— Сказала, что у нее личные причины для ухода.

— Я тоже это слышала, — подтвердила Мэгги.

— Поэтому Эверетт был так рад тебе, — сказала Рома.

— Думаешь, ее личные причины как-то связаны с Уиллом?

— Не представляю, каким образом, — ответила Мэгги. — Непохоже, чтобы они сбежали вместе на Таити.

— Может, она жалеет об уходе, и Уилл рассудил, что если Кэтрин травмируется, Эверетт попросит Ингрид вернуться, — предположила Рома.

— Мэгс, это чушь. — Я потеряла плечо — похоже, оно начинало болеть сильнее, когда

долго остаешься в одном положении. — Может, Уилл вообще ни при чем, и все эти несчастные случаи — всего лишь несчастные случаи.

— Возможно, — согласилась она. — Но все они произошли из-за глупостей, совершенных самим Уиллом или его парнями. — Она подергала ремень. — Давай, Кэт, подумай. Радиатор, который они забыли отсоединить. Упавший рулон полиэтилена. Я не строитель, но в курсе — чтобы приделать к потолку гипсовый медальон, не нужна пароизоляция.

— Кэтлин, а как отреагировал Уилл, когда узнал о твоих несчастных случаях? — поинтересовалась Рома.

Я пожала плечами.

— Извинился, но как-то не особо искренне. Он как-то умудряется всегда выставить дело так, будто я ничего не понимаю в ремонте и не знаю здание.

— Он говорил что-нибудь о страховке или ответственности?

— Нет.

Рома свернула на Олд-Мэйн-стрит.

— Я согласна с Мэгги. Почему Уилл не волнуется об ответственности за все это? Может, конечно, он слишком поглощен своим романом. В любом случае, кто-то может пострадать намного серьезней, чем ты. Если этого уже не произошло.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Мэгги.

— В библиотеке что-то случилось с Истоном, — ответила Рома.

— Ага.

— Откуда нам знать, что это не еще один «несчастный случай», предназначенный Кэтлин?

— Думаешь, Уилл что-то сделал с Истоном? — изумилась я.

— Не знаю. Может, они с Ингрид были в библиотеке, и Истон наткнулся на них. Кто знает? Я просто прошу тебя быть осторожной.

— Ладно, — ответила я. — Вечером я встречаюсь с Эвереттом. Он знает кое-что из произошедшего.

— Тебе надо рассказать ему остальное, — сказала Рома.

— Я так и собираюсь.

Она притормозила и въехала на библиотечную парковку.

— Кэтлин, Мэгги, — она посмотрела на каждую из нас по очереди. — Это было захватывающе, но... вылезайте из моей машины.

Я откинула голову на подголовник сиденья и рассмеялась.

— Извини, Рома. Мы вроде как втянули тебя в это дело, и ты отлично справилась.

— Ну да, — согласилась она, — а теперь вылезайте из моей машины, — и улыбнулась, чтобы смягчить свои слова. — Я должна навестить пациентов. Четвероногие больные кусаются, когда я заставляю их ждать.

Мы вылезли.

— Спасибо, Рома, — сказала Мэгги.

— Чтобы он завелся, нужно дважды нажать на газ, — Рома указывала на старый коричневый пикап.

— Ты уверена? — спросила Мэгги, прикрыв глаза от солнца ладонью.

— Это же пикап Руби?

— Ага, — кивнула Мэгги.

— Точно, — сказала Рома. — Он раньше был мой. И коробка передач в нём никудышная. Она включила сцепление внедорожника и уехала.

Мэгги проводила меня до крыльца.

— Говорила же, Уилл что-то задумал.

— То, что у него роман, — если это роман, — не значит, что он пытается избавиться от меня или что-то сотворил с Грегором Истоном.

— Что? — фыркнула она. — Считаешь, тот поцелуй мог сойти за теплое рукопожатие?

— Ладно. Наверное, нет.

— Я просто прошу тебя быть бдительной.

— Буду, обещаю.

— Мне надо идти, — сказала она. — Позвони мне.

— Хорошо. Попробуешь завести пикап?

Она кивнула:

— Держи за меня кулачки.

Стоя на ступеньках, я смотрела, как она забирается в машину. Она завелась с первого поворота ключа. Мэгги выехала с парковки, держа обе руки на руле и с выражением предельной концентрации на лице.

Я вошла в библиотеку. В четыре позвонила Лита — Эверетт должен быть у меня дома около восьми тридцати. Я оставила Мэри за старшую и направилась домой в пять.

Геркулес лежал в шезлонге на заднем дворе. Теперь, когда я знала, на что он способен, находить его в неожиданных местах было не так тревожно. Он спрыгнул и пошел со мной к двери.

— Как прошел день?

— Мяу, — ответил он и, кажется, пожал плечами.

— Мы с Мэгги и Ромой играли в «Ангелов Чарли», — сказала я, открывая дверь Геркулес остановился на второй ступеньке. — Это долгая история.

Оуэн распластался на скамейке на крыльце. Увидев нас, он подскочил, и на пол спланировало желтое перышко.

— Молчу, — сказала я, направляясь в кухню.

Коты составляли мне компанию, пока я переодевалась и варила спагетти на ужин. Я рассказала им про Уилла и бывшую библиотекаршу.

— Мэгги считает, что Уилл что-то задумал. — Оуэн шлепнул меня по ноге. — Вечно ты соглашаешься с Мэгги, — сказала я ему. — Ты не беспристрастен.

Поймав злобный кошачий взгляд, я собрала тарелки в раковину. До встречи с Эвереттом оставалась еще куча времени. Я решила сделать рулеты с корицей — хотелось поблагодарить Рому за то, что согласилась с идеей Мэгги последить за Уиллом.

Раскатывая тесто, я думала о том, что собирался делать Эверетт и как отреагирует Уилл. Замышлял он что-то или нет, но обязательно разозлится. Когда рулеты уже стояли в духовке, я спустилась в подвал за новым мешком для пылесоса — надо было прибраться перед приездом Эверетта. Тут я заметила, что в раковине до сих пор мокнет свитер Ребекки. Вот чёрт! Я совсем про него забыла.

К счастью, он был хлопковый, а не шерстяной. Я прополоскала его в чистой воде и завернула в полотенце. Потом вытащила складную сушилку и расправила на ней кардиган. Я почувствовала запах рулетов — забыла выставить таймер — и кинулась открывать духовку. Рулеты не сгорели, но вышли очень хрустящими. И я слишком тесно уложила их на

противень — они соскользнули с него на кухонную стойку как один большой коричневый булыжник.

Герк и Оуэн исчезли. Я вытащила пылесос, превращая своё огорчение в энергичную погоню за каждой крошкой грязи на кухонном полу, пробираясь даже под печь и холодильник. Оба кота высунулись из гостиной, поглядели на меня и обменялись понимающими взглядами.

Закончив наводить ужас на клочья пыли, я вышла на крыльцо, проверить, как там свитер Ребекки, и надеясь, что от стирки он не сел до размеров зимней одежды Оуэна. Прямо перед дверью на дорожке стоял Уилл Редферн. Я подпрыгнула, задохнувшись от неожиданности.

— Боже мой, Уилл, — сказала я, прижимая к груди руку. — Вы меня напугали. Я не слышала стука.

— Вы пылесосили, — ответил он. — И вообще-то, я не стучал.

Сердце застучало в ушах, как барабан, задающий ритм в стереорежиме. Я скрестила на груди руки.

— Чем могу вам помочь, Уилл?

Я старалась не думать о подозрениях Мэгги. Не думать о том, насколько Уилл тяжелее, выше и сильнее меня. Получалось не очень хорошо.

— Убирайся обратно в Бостон, — сказал он.

— Слушайте, — сказала я, — понимаю, мы с вами не всегда ладили при реконструкции...

— Ты нездешняя, — перебил он. — Библиотекарем должна быть Ингрид. — Он пренебрежительно махнул рукой. — Мне известно, что ты про неё знаешь. Видел, как вы с приятельницами по тай-чи следили сегодня за мной.

Вот тебе и «Ангелы Чарли».

— Я думала, Ингрид уволилась.

«Просто говори с ним, — сказала я себе. — Говори, пока не появится Эверетт».

Уилл стиснул зубы.

— Это была ошибка. Тебе просто нужно уехать, ты все равно нездешняя. Тогда Эверетт предложит Ингрид вернуться, и все будет в порядке, — его голос становился громче.

— Простите, я не знала, что Ингрид хочет вернуть работу.

— Захочет, когда поймёт, как много людей в ней нуждается, — он продолжал сгибать левую руку, сжимая кулак.

— Не думаю, что Ингрид хотела бы, чтобы вы это делали, — я старалась говорить медленно и спокойно, но понимала, что мне его не убедить.

Может, попытаться удрать от него на кухню? Нет, вряд ли. Самое лучшее — продолжать разговор.

— Ты не знакома с Ингрид, а значит, не можешь знать, чего она хочет.

Я успокаивающе подняла руку.

— Вы правы. Но я видела вас вместе, кажется, она от вас без ума. — С другой стороны, — думала я, — ты, похоже, просто псих.

На челюсти у него играли желваки.

— Не морочь мне голову, Кэтлин. Думаешь, если тянуть время и увилывать, кто-то появится? — Уилл соображал лучше, чем я думала. — И не надейся. — Он кивнул в сторону дома Ребекки. — Старой девы нет дома, а твоя подруга-художница отправилась на ужин.

— Я не увиливаю, — сказала я. — Не знаю, чего вы от меня хотите.

Он так резко склонился ко мне, что от неожиданности я отступила назад.

— Я хочу, чтобы ты отсюда убралась, — рявкнул он. — Ты, Эверетт, тот дирижёр — вы все лезете в мои дела.

— Дирижёр? Вы про Грегора Истона? — Я запнулась.

— Он чуть было не разрушил всё, — сказал Уилл. — Мне надо было немного поработать с той розеткой на стене компьютерной комнаты. Не мог же я это делать, когда библиотека открыта, верно?

Мои ноги дрожали. Все эти несчастные случаи были совсем не случайны. Мэгги и Рома правы.

— Видишь, Кэтлин, что случается, когда оказываешься там, где не надо? — Он хлопнул в ладоши перед моим лицом, чуть не задел. — Ты оказываешься мёртвым. Вот что случился с тем самодовольным старикашкой.

Я зажала рукой рот. Уилл убил Истона? Уилл? Потому что тот не вовремя зашёл в библиотеку? Ерунда какая-то.

Уилл помахал рукой, будто прощаясь.

— Пока, Кэтлин. Уже пора.

Я судорожно вздохнула, ощущая за спиной дверной проём. Не выйдет. Я слишком далеко.

— Я не могу просто уйти. Эверетт будет задавать вопросы. Вы же знаете, какой он.

Уилл провёл рукой по лицу и оглянулся, словно ответы были где-то на стене веранды. Я сделала шагок назад, на этот раз рука нащупала косяк. Может, я смогу его отвлечь. Рвануться, проскочить через дом и выбежать на улицу через переднюю дверь

— Ты должна написать письмо, — внезапно сказал Уилл, сделав несколько шагов ко мне. Глаза у него налились кровью, лицо бледное, и давно пора побриться. Выглядел он ужасно. Если бы он не пугал меня до жути, я могла бы его пожалеть. Теперь он стоял слишком близко, сбежать не удастся.

— Идём, — сказал он. — Письмо. Найди, чем написать.

— У меня найдётся ручка и какая-нибудь бумага.

Уилл схватил меня за руку и почти поволок на кухню. Из ящика стола я вытащила ручку и маленький блокнот, который использовала для списков покупок. Он швырнул меня в кресло.

— Пиши.

Во рту у меня совершенно пересохло.

— Что мне писать?

Уилл снова потёр лицо. Он тяжело дышал.

— Пиши, что возвращаешься в Бостон. Что... что тебе не нравится Миннесота. — Его жёсткие пальцы вцепились в моё больное плечо. Я сжала зубы от пронзительной боли. — Напиши, чтобы было похоже на правду, — сказал Уилл.

Я писала медленно и аккуратно, стараясь выиграть время. Пальцы Уилла вжимались в мою кожу. Он наклонился через плечо и прошипел:

— Быстрее!

По запаху я поняла, что он пьян. Я закончила письмо и сложила руки.

Уилл прочёл и, похоже, остался доволен. Я прижимала кончики пальцев к крашеному дереву стола, чтобы руки не так дрожали.

— Пойдёт. — Он схватил мое плечо. — А теперь собирайся.

— Ладно, — сказала я. — Но сначала мне нужно позвонить Роме, попросить, чтобы она взяла моих котов.

Он дёрнул меня так, что мы оказались лицом к лицу. Спину пронзила боль, живот сжался. Он ткнул пальцем мне в лицо.

— Никаких звонков!

Я постаралась сделать пару глубоких вдохов.

— Никто не поверит, что я просто бросила котов здесь.

— А их здесь и не будет, — сказал он. — Слышал, ты их подобрала у старого дома. Вот туда я их и выброшу.

— Ты не можешь, — сказала я. — Оуэн и Геркулес не смогут выжить в диких условиях.

— Это же коты. Будут охотиться. — Он пожал плечами. — А если не смогут — ну, что ж, жизнь трудна.

Я чувствовала, как внутри разгорается гнев. Это чем-то напоминало ощущения от домашнего вина Руби. Уилл не смеет обижать моих котов. Он к ним не приблизится.

— Это точно, Уилл! — крикнула я, изо всех сил пнув его по колену. Ногу пронзила острая боль. Я попыталась достать его лицо, но он оказался быстрее и схватил меня за запястья.

— Ты об этом пожалеешь! — завопил он. Кожа у него покрылась пятнами, а глаза злобно щурились. Он дёрнул мою руку за спину.

Колени подогнулись, ушибленное плечо горело от боли. Я попыталась подняться, чтобы снова его пнуть, но он только крепче сжимал мои руки. В глазах начинало темнеть. На мгновение мне показалось, что начались галлюцинации — клубок серой шерсти.

Не галлюцинации. В воздухе появился Оуэн с оскаленными зубами и прижатыми к голове ушами. Он с воем приземлился Уиллу на голову и вцепился в неё когтями. Уилл закричал, бросил мою руку и схватился за голову. Я свалилась за стойку. Оуэн прыгнул на стол — шерсть дыбом, спина изогнута — и снова зарычал. Со лба Уилла потекла кровь. Он оскалился, обнажив зубы, как бешеная собака, и замахнулся, чтобы ударить меня.

Я теснее прижалась к стойке, ухватив что-то здоровой рукой. Это оказались мои неудавшиеся рулеты, склеившиеся и похожие на пахнущий корицей обломок скалы. Не успев даже подумать, я схватила их и изо всех сил, которые придал мне ужас, ударила Уилла по голове. Моя левая рука коснулась его лица. Рот Уилла открылся, с лица сбежала краска, глаза закатились, и он свалился на пол.

Минуту я слышала только собственное тяжёлое дыхание.

— Всё в порядке, — прохрипела я Оуэну. Он перегнулся через край стола и посмотрел на распростёртого на полу Уилла. — Надо отсюда выбираться, — сказала я. Я подхватила кота, осторожно обошла Уилла, выбежала из кухни на крыльцо и наткнулась прямо на Гарри Тейлора.

— Гарри, слава Богу, — выдохнула я. Он схватил меня за руку, я дёрнулась, и Гарри отпустил меня.

— Кэтлин, с вами всё в порядке?

— Нет. Да. — Я перевела дух. — В моей кухне Уилл Редферн, на полу — сказала я. — Если я поскорее не сяду, тоже свалюсь.

— Почему Уилл лежит у вас на полу? — спросил Гарри, подводя меня к скамейке.

— Я его ударила, — сказала я.

Я села и посадила рядом Оуэна. Ноги дрожали. У двери сидел Геркулес. Я подумала о том, что Уилл собирался сделать с моими котами. И о том, что он сделал с Грегором Истоном. Мне хотелось ударить его снова, и на этот раз чем-нибудь покрепче, чем комок неудачных рулетов с корицей. С другой стороны, не уверена, что найдётся много вещей твёрже этих рулетов.

— Оставайтесь здесь, Кэтлин, — сказал Гарри. — Я пойду взглянуть на Уилла.

Я кивнула. Как только Гарри ушёл, Геркулес прыгнул на скамейку, положил мне на колени передние лапы и заглянул в лицо.

— Со мной всё в порядке, — сказала я. Он положил морду на мою ногу. Оуэн залез ко мне на колени с другой стороны, положил лапы на грудь. Я погладила его шерсть.

— Поверить не могу, ты спас меня от Уилла. — Кот ткнулся головой мне в плечо. — Завтра куплю тебе самого большого и самого жёлтого Весёлого Цыплёнка Фреда, какой найдётся в магазине. Оуэн заурчал. Гарри вышел из кухни, лицо у него было серьёзное.

— Полиция уже едет.

Я взглянула за его спину, сердце снова застучало.

— Уилл?..

— Я привязал его к ножке стола своим ремнём, — сказал Гарри, вытирая рукой лоб. — Уилл пьян.

— Я знаю.

— Чем вы его ударили?

— Оуэн прыгнул на... Уиллу на голову, а я ударила его рулетами.

— Напомните, чтобы в следующий раз я отказался, когда вы предложите мне кофе и маффин, — сказал Гарри. Он протянул руку — на ладони лежал нож для гипсокартона с выдвижным лезвием. — Это было у него в кармане. Что он здесь делал?

Я прижала к себе ноющую руку.

— Хотел заставить меня уехать. Он... он связан с Ингрид.

— Ингрид? Прежняя библиотечка?

Я кивнула.

— Он решил, что если заставит меня уехать, она сможет вернуться.

— Чёртов идиот, — пробормотал Гарри, качая головой.

— Гарри, а как... что... Что вы здесь делали? — спросила я.

— Так это ваш кот, Геркулес? — он кивнул в сторону кота, а тот поднял голову, услышав своё имя.

— Я работал у Ребекки. И тут он появился, прямо перед газонокосилкой. Но не убежал. И выл как сирена. Я думал, это с котом что-то случилось, не с вами.

Я нагнулась и поцеловала Геркулеса в макушку.

— Значит, ты побежал за помощью.

Кот поглядел на меня, словно говоря «да не важно». Мне не хотелось думать о том, что случилось бы, если бы Оуэн не умел исчезать, а Геркулес проходить сквозь стены.

— Неплохо для пары котов, — сказал Гарри.

— Вы не представляете, насколько, — ответила я.

Патрульная машина и Маркус Гордон друг за другом въехали на мою подъездную дорожку. А вслед за ними Рома с Мэгги рядом, на переднем сидении. Гарри встретил полицейских у двери и повёл в кухню.

Маркус остановился передо мной.

— Как вы себя чувствуете, Кэтлин?

— Ничего, — сказала я. Теперь страх и дрожь сменились на гнев.

— Как здесь оказался мистер Редферн? — спросил он.

— Это моя вина, — к нам подошла Мэгги. — Мне так жаль, Кэтлин.

Похоже, она была готова заплакать.

— Нет, Мэгс, не твоя, — я покачала головой. — Ты была права насчёт Уилла. Ни один из несчастных случаев не был случайным. Он хотел заставить меня вернуться назад, в Бостон. И я думаю, признался в убийстве Грегора Истона.

Я наклонилась вперёд и сморщилась от боли в плече.

— Ты ранена, — сказала Рома, подошедшая за Мэгги.

— Я вызову скорую, — Маркус полез в карман за телефоном.

Я яростно затрясла головой.

— Нет. Пусть лучше Рома. Пожалуйста.

— Нам случалось делать это раньше, — сказала Рома.

— Ладно, — вздохнул детектив.

Рома склонилась надо мной и принялась внимательно осматривать. Она сдвинула вбок майку, поморщилась, увидев плечо.

Потом поглядела на руку. Запястье уже распухло и покраснело.

— Ну что, придётся тебе меня пристрелить?

— Нет, но думаю, хорошая порция рыбьего жира не повредила бы.

Я судорожно вздохнула и прикусила язык — Рома ощупала моё запястье.

— Я бы посоветовала приложить лёд и к плечу и к запястью, — сказала она.

— У меня в морозилке есть лёд.

— Можете принести? — попросила Рома Маркуса.

— Конечно, принесу, — сказал он. — Я сейчас.

Рома присела передо мной на корточки.

— Думаю, нет шансов, что ты согласишься на скорую помощь и рентген?

— Ни за что, — сказала я.

Она взглянула на Мэгги.

— Я говорила Кэтлин — вот поэтому я и стала ветеринаром. — Двухногие пациенты вечно возражают. — Она снова посмотрела на меня. — Как ты думаешь, Мэгги, может, посадить её в клетку для собак, которая у меня в машине, и отвезти в больницу?

— Тебе следует знать, что я кусаюсь, как и твои четвероногие пациенты.

— Я знала, что на этот раз не выиграю, — улыбнулась Рома, — но хотела бы, чтобы завтра ты пришла в клинику.

— Ладно.

— Пойду посмотрю, из чего сделать холодные компрессы, — Рома встала и вышла на кухню.

Мэгги обняла меня.

— Ты вся дрожишь, — она потянулась за свитером Ребекки.

— Он ещё не высох, — сказала я.

Рома вернулась вместе с Маркусом и двумя холодными компрессами. Один она приложила к моему запястью, второй к плечу, и помогла поудобнее откинуться на спинку скамейки.

— Она замёрзла, — сказала Мэгги, глядя на полицейского.

Он оглянулся на веранду, потом понял, что Мэгги хотела позаимствовать его спортивную куртку.

— Мне не холодно, — сказала я.

Но они меня не слушали. Маркус снял куртку и протянул Мэгги, она укутала меня. Стало намного теплее. Голова Геркулеса по-прежнему лежала у меня на коленях, Оуэн прижался к груди.

Маркус скрестил руки.

— Ну, ладно. Расскажите мне, что случилось.

И я рассказала, начав с того, как вышла на веранду и обнаружила там Уилла.

— Молодец, пушистик! — прошептала Мэгги, когда я дошла до того момента, как кот приземлился Уиллу на голову.

— Вы ударили его сковородкой? — спросил Маркус, когда я объясняла, что ударила Уилла коричневыми рулетами.

— Нет, просто рулетами, — сказала я.

Он потёр рукой щёку.

— Прошу прощения, — сказал он, — но трудно поверить, что можно свалить кого-то с ног пережаренным печеньем.

— Ну, у меня получилось, — сухо сказала я.

В этот момент в кухню вошёл Гарри.

— Извините, — обратился он к Маркусу. — Я вам ещё нужен?

Тот покачал головой.

— Нет. Можете идти.

Гарри взглянул на меня.

— Кэтлин, я могу ещё что-нибудь для вас сделать?

В первый раз за вечер я не знала, что сказать. Я проглотила комок в горле.

— Просто не знаю, как вас благодарить.

Он смущённо наклонил голову.

— Я очень рад, что оказался поблизости. Если что-то понадобится, вы знаете, как меня найти.

Он улыбнулся мне и ушёл.

Я закончила рассказывать, что случилось. Геркулес удостоился приветственного салюта, когда Мэгги услышала, как он привлёк внимание Гарри.

— Расскажите мне про эти несчастные случаи в библиотеке, — попросил Маркус.

— Про проблемы с розеткой вы знаете, — сказала я.

Я рассказала про рулон полиэтилена, свалившийся с лесов, о том, как чуть не сгорела из-за радиатора, и о мышках в моём кабинете. К концу я уже зевала — я устала и замёрзла, остатки адреналина улетучились.

— Для одного вечера достаточно, — сказал он.

Я подняла руку, чтобы остановить его.

— Вам следует знать ещё кое-что. Уилл видел Истона в библиотеке в ту ночь, когда тот умер. Я думаю, Истон заметил, как Уилл что-то делает с проводкой. Возможно, Уилл решил... заткнуть ему рот.

— Что? — вскрикнула Мэгги.

— Это вам Уилл сказал?

Я не могла разобрать выражение лица Маркуса.

— Сказал.

— Ладно, я это проверю. Я свяжусь с вами завтра. — Он открыл рот, словно хотел что-то добавить, но промолчал.

— Спасибо, что приехали так быстро, — сказала я, протягивая ему куртку.

— Это моя работа.

У двери он остановился.

— Сегодня вечером у вас больше не будет проблем, но всё же, если понадобится, — он вытащил из кармана карточку, написал что-то на обороте и, шагнув назад, протянул мне. — Это мой номер. Если что-то понадобится, пожалуйста, звоните.

Он махнул на прощание и ушёл.

— Ты ему нравишься, — сказала Мэгги.

— Не сомневаюсь, — сказала я, подняв бровь — единственное проявление сарказма, на которое хватило сил.

— Думаешь, это Уилл убил Истона? — спросила Рома.

— Похоже, что так.

Мэгги покачала головой.

— Потому что он оказался не в том месте и не в то время? Никогда бы не подумала. Тебе ещё холодно? — она потянулась за свитером Ребекки.

— Он не высох, — сказала я. — И это Ребекки.

— А как у тебя оказался её свитер?

— Забыла вчера, когда я возила её забрать Эми. Оуэн пожевал рукав, и я его постирала. Но это потому, что свитер пах кошачьей мятой.

— Кошачья мята?

— Я думаю, это от её компресса.

Мэгги пожала плечами.

— Возможно. Её обычно используют при порезах и травмах такого рода. По крайней мере, насколько я знаю. — Она протянула мне руку. — Я остаюсь на ночь.

Я не стала возражать. Остаться одной не хотелось, и я знала, что Мэгг станет суетиться вокруг меня, что, по правде говоря, было бы очень кстати.

Мэгги посмотрела на котов.

— Ладно, ребята, слезайте. Идём в гостиную.

Я поднялась на ноги, и пакет со льдом соскользнул с моего плеча на скамейку. Рома подхватила его.

— Мне нужно сначала прибраться на кухне, — сказала я.

— Конечно нет, — сказала Рома.

Я оказалась на диване в гостиной, Рома убрала на кухне, а Мэгги сделала мне какао и тост с арахисовым маслом. Как бы ни было тепло снаружи, я с радостью обхватила ладонями теплую кружку. Она даже сделала тост с арахисовым маслом для котов, порезала на мелкие

кусочки и подала каждому на отдельной тарелке.

— Этот пакет со льдом не держится на плече, — пожаловалась я Мэгги после того, как он соскользнул в третий раз.

Она сняла с шеи сиреневый шарф.

— Наклонись.

Мэгги обмотала шарф вокруг меня, как ленту мисс Америки, сунула лёд на место и завязала концы шарфа под ключицей.

— Так лучше?

Я осторожно пошевелилась — шарф и пакет льда оставались на месте.

— Да, спасибо. — Украшенные бусинками концы щекотали подбородок, и я отодвинула их в сторону. Ткань была необычайно мягкой.

— Это Эми его для тебя сделала? — спросила я.

— Да, Эми. Я сказала, как мне нравится шарф Ребекки, и на следующий день она подарила мне этот, — она поправила выбившуюся бусину. — Посиди спокойно, а я сделаю ещё какао.

Она отправилась обратно на кухню в сопровождении Оуэна и Геркулеса, вынюхивавших ещё по кусочку тоста.

Откинувшись на подушки, я думала про Уилла Редферна. Мне было его почти жаль. Потом я вспомнила о теле Грегора Истона, сгорбившемся за роялем в Стрэттоне. Вспомнила тот нож для картона в кармане Уилла и то, как он собирался выбросить котов в Вистерия-Хилл. Чувство сожаления ушло.

Весь остаток вечера Мэгги баловала котов и меня.

— Если они что-нибудь разобьют, придётся тебе взяться за швабру, — предупредила я, обнаружив, что она украдкой подкладывает им арахисовое масло. Но Мэгги только засмеялась. Она позвонила Эверетту и отложила нашу встречу, так что вечером мы смотрели какой-то глупый смешной сериал.

Пару раз я замечала проезжающую мимо дома полицейскую машину — Маркус Гордон, наверное. Иногда к нему трудно плохо относиться.

Я долго кисла в ванне и думала, что усну мертвым сном, как только голова коснется подушки, но не тут-то было. Плечо болело, ушибленное запястье ныло, а мысли разбегались и не утихали. Наконец, я вылезла из кровати, устроилась поудобнее в кресле у окна и открыла ноутбук.

Есть. Письмо от Фиби Майклз с фотографией семинарской группы Грегора Истона из Оберлина, на травке рядом с учебным корпусом. В письме Фиби перечислила все имена — по часовой стрелке на фото. Я увидела перед собой лицо. И ещё одно, которого не ожидала. Пришлось дважды проверить список имён.

На ручке кресла лежал шарф Мэгги. Я провела рукой по мягкой ткани, собирая вместе кусочки того, что узнала, один к другому. Я знала как. Я была совершенно уверена, что знаю почему. Я поняла, кто убил Грегора Истона. И это не Уилл Редферн.

Скрести руки

Утром я позвонила Сьюзен и попросила, если она может, открыть библиотеку и выйти вместо меня в утреннюю смену. Она уже знала о моём столкновении с Уиллом.

— Ты правда в порядке? — спросила она.

— Правда.

— Хорошо, — сказала Сюзан. — Не спеши приходить.

Убедить Мэгги уйти домой оказалось гораздо труднее.

— Я в порядке, — сказала я, в который раз за эту неделю. — А Уилл в тюрьме за нападение. Стоит выглянуть в окно — там полицейская машина. И у меня есть Оуэн и Геркулес, — я обняла Мэгги здоровой рукой. — А если тебе от этого станет легче, я испеку ещё рулетов с корицей.

Мы договорились, что она принесёт еду от Эрика, и мы поужинаем перед телевизором. Я уселась за стол с чашкой кофе, оба кота устроились у ног, и я рассказала им о своих догадках. Коты слушали — или притворялись, что слушают. Я думала, что мои рассуждения развалятся, если высказать их вслух. Но они по-прежнему имели смысл.

Я помыла посуду и долго возилась с волосами. Тянула время. Прежде чем выйти на веранду, я помедлила, вспомнив, как увидела там Уилла. Коты ждали у двери. Я сделала пару глубоких вдохов, потом ещё пару. Геркулес мяукнул — если не прекратить, случится гипервентиляция. Я расправила плечи и сунула ноги в садовые шлёпанцы.

— Идём, — и мы с Геркулесом и Оуэном вышли из дома. Напротив, во дворе Ребекки, в беседке, Ребекка, Вайолет и Рома пили кофе.

Я пошла через лужайку. Не так я собиралась это сделать, но, может, оно и к лучшему.

Ребекка помахала рукой, заметив меня. Рома встала. Я подошла к ступенькам беседки, и она вышла из-за стола навстречу.

— Как твоя рука?

— Побаливает, — призналась я. Понятно, что она не поверит, если сказать, что всё в порядке.

— Можно?

Я протянула руку. Рома отодвинула расстёгнутый манжет длинного рукава моей хлопковой рубашки и осмотрела синяки на запястье. Опухоль немного спала, и теперь синяки обрисовывали след, оставленный на моей руке пальцами Уилла.

— А как плечо? — спросила Рома.

— Нормально. Болит, но, похоже, выглядит оно хуже, чем ощущается. И да, я собираюсь в больницу.

Она улыбнулась и махнула в сторону стола.

— Садись на мой стул. Я принесу себе другой.

— Спасибо.

— Рома,хвати Кэтлин чашку из кухни, пожалуйста, — крикнула ей вслед Ребекка.

— Ладно.

Ребекка повернулась ко мне.

— Мы слышали про Уилла. Он поранил тебя?

— Всего парочка синяков. Я умудрилась ударить его... кое-чем.

— Рада, что ты в порядке, — сказала Вайолет. — А правда, что Уилл хотел заставить

тебя уехать из города?

Я кивнула.

— У него роман с бывшей библиотекаршей.

— Ингрид? — переспросила Ребекка.

— Да. Он хотел, чтобы она вернулась на работу.

Вайолет отхлебнула кофе.

— Но ее не увольняли, она сама ушла.

— Для Уилла это не имело значения. Он считал, что если заставит меня уехать, Эверетт позовет Ингрид обратно.

— В конце месяца Ингрид уезжает в Канаду. В Монреаль, — сообщила Вайолет.

Вернулась Рома со стулом и чашкой для меня. Ребекка налила мне кофе.

— Может, из-за этого Уилл вышел из себя, — предположила она. — Ингрид прекрасная женщина, но не из тех, кто заставляет мужчин...

— ...терять голову? — закончила Рома.

— Да, — согласилась Вайолет.

— Любовь и преданность доводят людей до того, чего никто от них не ждёт. — Я крепко обхватила чашку, чтобы остальные не заметили, как дрожат мои руки.

— Верно, — подтвердила Ребекка.

— Вот поэтому Грегор Истон и умер, — сказала я.

Вайолет посмотрела на меня.

— Прощу прощения?

— Любовь и преданность. Вот что убило Истона. — Я посмотрела на Вайолет. — Твоя преданность Ребекке. — Я обернулась к остальным. — И ваша любовь к Эми.

Ребекка сложила руки на коленях.

— Да, — сказала она.

Рома и Вайолет одновременно заговорили.

— Хватит, — перебила Ребекка. — Пора сказать правду.

Она выглядела очень спокойной.

— Как ты догадалась?

Я повернулась к Вайолет

— Грегора Истона звали Дуглас Грегори Уильямс. Ты была в его классе в Оберлине.

Она не ответила.

— На полу в Стрэттоне я нашла подвеску, серебряную нотку. Она твоя.

— Возможно, — сказала Вайолет.

— Я думала, нотка висела на серебряном кольце, но это буква «О» — Оберлин.

— Я потеряла подвеску, — согласилась она. — Не знаю, где.

— Проблема оказалась в том, что единственным, кого я смогла связать с Истоном и Оберлином, оказался Орен, — продолжила я, не обращая внимания на её слова. — Я поговорила с Фиби Майклз, и не нашла других связей. Казалось, это тупик, но потом она пообещала найти для меня фото учебной группы. Вчера Фиби прислала мне копию. Вместе со списком имён всех, кто есть на фото.

На минуту моё внимание сосредоточилось на Вайолет.

— Я должна была сделать выводы ещё в первый раз, когда Фиби назвала имена девушек из группы. Может, я догадалась бы, если бы увидела список на бумаге. Твой дом называется Лиин-Хаус. Это валлийский, как и твоё имя.

На лице Вайолет появилась тень улыбки.

— Ну да. Нельзя сказать, что это секрет.

— Но нельзя сказать, и что это всем известно, — сказала я. — Вайолет — твоё второе имя. Первое — Гинвафар.

Я вытащила из кармана свёрнутый листок бумаги и расправила на столе.

— Вот, — я показала на фото юной улыбающейся Вайолет.

Она наклонилась, чтобы рассмотреть поближе.

— Неужто мы когда-то были так молоды?

— А вот и ты, — показала я, оборачиваясь к Ребекке. — Подруга Гвин, как сказала Фиби.

— Да, это я, — подтвердила Ребекка.

— Ты встретила Истона у Вайолет.

— Он казался таким обаятельным и утончённым, — сказала она. — Но только казался.

— Я знаю, что он сделал, — сказала я. — Когда во вторник ты вернулась домой и обнаружила здесь Истона, которым в последнюю минуту заменили Цинию Янг. Он оказывал внимание Эми, и ты испугалась, что он каким-то образом этим воспользуется. Так же, как поступил с тобой. Я знаю, как ты её любила. Ты не могла такого допустить.

Ребекка выглядела очень сдержанной.

— Да, не могла, — согласилась она.

— Ты от моего имени назначила Истону свидание. Ты подслушала наш разговор с Мэгги о том, что случилось в библиотеке с Оуэном.

Ребекка положила руки на край стола.

— Мне очень жаль, что так вышло. Ты такая молодая и хорошенькая. Я знала, что он, с его-то самомнением, конечно, придёт к тебе. На встречу к пожилой леди он никогда бы не явился.

У Ромы был такой вид, как будто это её ударили по голове.

— Так вот откуда ты шла, — прошептала она.

Ребекка кивнула.

— Прости. Я не могла сказать тебе правду.

— Как ты попала внутрь? — спросила я.

— Я состою в комитете по празднованию столетия библиотеки, у нас офис в мэрии, куда есть доступ у всех членов комитета. Там хранится набор ключей.

— Ребекка ничего не делала с тем человеком, — сказала Вайолет.

Ребекка улыбнулась лучшей подруге.

— Все нормально, Ви. Мне это нужно. — Она налила себе кофе и добавила немного в мою чашку. — Я знала, что должна сделать, поэтому взяла ключ и оставила в отеле записку.

— Никто тебя там не видел. Как так получилось?

— Я пожилая женщина. Для молодых мы вроде мебели, все старухи похожи друг на друга. — Она запрокинула голову и изучила работу Старого Гарри над головой. — Он не помнил меня, — сказала она. — Я никогда его не забывала, но мне пришлось сказать, кто я такая.

Мои руки снова слегка задрожали.

— Он фотографировал тебя.

Она посмотрела на меня.

— Сейчас это была бы ерунда. Всего лишь голые плечи и спина, но в те дни...

Я вспомнила, что сказала Фиби Майклз. «Хорошие девочки не позируют для таких снимков».

— Не важно, насколько невинными были фотографии, — покачала головой Ребекка. — Он говорил, что я красива. И я была очень глупа.

— Что произошло в библиотеке?

— Он посмеялся. — Она провела пальцем по краю чашки.

— Истон был свиньей, — лицо Вайолет на мгновение исказилось от гнева.

— Он сказал, что никого не волнуют старые фотографии, — продолжила Ребекка, — и что я сама хотела позировать для него. Назвал меня кокеткой. — Она прямо взглянула на меня. — Я больше не та девочка из Мейвилл-Хайтс. Я сказала ему, что он просто грязный старикашка. Я сказала, что уверена, за все эти годы были и другие женщины, которых он обманом заставлял позировать, и не только. Я сказала, что если начну рассказывать об этом, возможно, меня поддержат и другие, — она помассировала перевязанное запястье.

— Он набросился на тебя, — сказала я. Плечо болело, пришлось передвинуться на жёстком стуле. — Этот компресс не из-за артрита, верно?

— Он схватил мою руку, и кольцо порезало запястье.

Другая кровь в библиотеке.

— Я оттолкнула его и бросилась бежать, — сказала она почти шёпотом. — Я не знала, что он ударился головой.

— И где-то по дороге домой ты встретила Рому.

— Я поднималась на холм, срочный вызов — собака подавилась куриной костью, — сказала Рома. — Никогда не применяли приём Гемлиха к немецкой овчарке?

— Ты перевязала запястье Ребекки.

— Да.

— С кошачьей мятой вместо антисептика. — Я сложила руки на груди, сунув пальцы под манжеты рубашки.

— Верно. У неё аллергия на неомидин, и мне не хотелось рисковать.

— Она не сказала тебе, как поранилась?

Рома всё ещё выглядела немного растерянной.

— Сказала, что споткнулась на подъездной дорожке.

— И ты поняла, что потеряла где-то шарф, — обратилась я к Ребекке.

— Да.

— Ты не нашла его потому, что тебя опередила Вайолет.

Вайолет невесело улыбнулась. Я опять полезла в карман и вытащила бусинку с шарфа Ребекки.

— Это было в библиотеке.

Ребекка взяла у меня стеклянный шарик и покатала в руках.

— Где был шарф? — спросила я Вайолет.

Она, ничего не говоря, пожала плечами.

— Ты нашла Истона в театре.

— Да. — Она, как обычно, выглядела спокойной и собранной и держалась прекрасно. Меня удивляло, как она вообще призналась, что встречалась с Истоном. — Он всегда упражнялся по ночам, чтобы никто не знал, как много ему приходится работать, чтобы выучить новую пьесу. Я знала, что он там будет. Леопард не меняет своих пятен. Я пошла сказать ему, чтобы убирался. Потом ушла домой. Вот и всё.

Во рту пересохло. Я отхлебнула кофе, уже совсем остывшего.

— Он даже не узнал тебя?

Она засмеялась, но в смехе не слышалось ни веселья, ни радости.

— Как и Ребекку. Он ударился головой в библиотеке, когда схватил Ребекку, и она вырвалась. Думаю, потерял равновесие и упал на разобранные леса. — Вайолет изящно пожала плечами. — Я точно не знаю, как это случилось. Выглядел он нормально.

Ребекка побледнела.

— Я не хотела причинять ему вред.

— Ты ничего не сделала, — сказала я. — Он тебя схватил, ты его оттолкнула. Ты защищалась. Он вдвое крупнее тебя.

— Кэтлин права, — вставила Рома. — Случившееся — не твоя вина.

Я обернулась к Вайолет.

— Ты промыла его рану.

Она чуть заметно кивнула. — За кулисами есть аптечка. Я могла ему немного помочь.

— И дала ему аспирин.

Она с минуту разглядывала ногти.

— Он пожаловался на головную боль. Возможно, что-то принял.

— Ты дала ему аспирин? — удивилась Рома. — У него же была травма головы. Возможно кровотечение в мозг.

— Ви, что ты сделала? — спросила Ребекка.

Вайолет улыбнулась ей через стол. По-настоящему улыбнулась.

— Только то, что я давно должна была сделать.

— Я не понимаю, — сказала Ребекка.

— В первый же день, как только вошла в аудиторию, я поняла, кто... что такое Истон. И должна была защитить тебя от него. А вместо этого разрушила твою жизнь.

Ребекка встала и обошла вокруг стола, к креслу Вайолет.

— Ты ничего не разрушала. Почему ты так думаешь?

— Ты пошла к Истону из-за Эми, — Вайолет взяла руки Ребекки в свои. — Ты любишь ее как родную внучку. Если бы не он и не я, она и была бы твоей внучкой.

Из глаз Ребекки полились слёзы.

— Нет, нет, Вайолет. Я потеряла Эверетта потому, что боялась сказать ему правду. Потому что не была уверена, что он любит меня так сильно, как говорит.

Ребекка и Эверетт?

Она сжала руку Вайолет, потом отпустила её и обернулась ко мне.

— Кэтлин, я так сожалею, что втянула тебя в это и ничего не объяснила. Надеюсь, ты сможешь простить меня.

— Могу и прощаю, — сказала я.

Она помолчала, подбирая слова.

— Знаешь, я видела те фотографии. Кто-то прислал их мне на почту. Не так уж они и ужасны. Надо было рассказать всё Эверетту. Я боялась, что недостаточно хороша для него. Моя мать работала уборщицей, я думала, это имеет значение.

— Совсем нет.

Мы все обернулись. На ступеньках беседки стоял Эверетт. Глаза были обращены к Ребекке. Я забыла, что Мэгги перенесла нашу встречу на сегодняшнее утро.

— Так из-за этого человека ты со мной рассталась? Из-за фото, где ты с голыми

плечами?

— Это случилось так давно, — Ребекка смахнула с глаз слёзы.

— И ты рискнула всем, чтобы защитить Эми.

— Это правда, — сказала она. — Я люблю Эми и сделала бы ради неё что угодно. —

Она сглотнула и натянула рукав на забинтованную руку. — Кое-что я не рассказала никому.

— На прошлой неделе я действительно ездила к врачу. Специалисту.

Вайолет побледнела и сжала губы, а Рома подалась вперед.

— Мне нужно было второе мнение. У меня на ноге опухоль, и я боялась... Я думала, что у меня может не быть другого шанса остановить Истона и защитить Эми.

— Я этого не допущу, — сказал Эверетт.

Он так смотрел на Ребекку, что у меня в горле встал ком.

— Скажи, что ты ничего с ним не сделала, — Ребекка снова обратилась к Вайолет.

— Я не делала ничего плохого, — ответила та. — Все случилось так, как должно было.

— У тебя есть телефон? — спросила я Рому.

Она кивнула.

— Можешь позвонить Маркусу и попросить приехать сюда?

Она заколебалась.

— Пожалуйста, позвони ему, Рома, — сказала Ребекка. — Хватит секретов. — Она не сводила глаз с Эверетта, совсем как в старой мелодраме.

Рома поднялась, вытасила мобильник и подошла к перилам. Вайолет позади меня встала с кресла и направилась к дальней стороне беседки, и я за ней. Эверетт и Ребекка подошли друг к другу.

— Ты отправила фотографии Ребекке и Фиби Майклз, — сказала я Вайолет. — Ребекка была твоей лучшей подругой, сестрой, которой ты никогда не имела. А Фиби была очень домашней, я думаю, ты её жалела. Ребекка говорила мне, что Вайолет глубоко преданна тем, кого любит. Думаю, Ребекка не сознавала, как далеко простирается эта преданность.

Я представляла Вайолет одиноким заброшенным ребёнком без родителей, молодой женщиной, овдовевшей вскоре после замужества. Во многих отношениях Ребекка была единственно неизменной в её жизни, единственной семьёй. Я сделала бы что угодно ради Сары и Итана. Так почему бы Вайолет не испытывать те же чувства к Ребекке?

— Полагаю, ничего страшного, если я расскажу тебе, — сказала Вайолет. — Да, это я.

— Как ты их получила?

— Получила. Не всё ли равно, как?

— Думаю, ты решила следить за Уильямсом — который стал Грегором Истоном — куда бы он ни отправлялся после того, как покинул Оберлин. Мне кажется, ты очень настойчивая. Ты ждала несколько месяцев, может, год. Ты его выследила и соблазнила.

Я лишь догадывалась, но выражение её лица сказало мне, что всё это правда. При мысли о том, что, должно быть, пришлось сделать юной Вайолет, чтобы втереться в доверие к Истону и выкрасть эти фотографии, по коже поползли мурашки.

— Думаю, чтобы заслужить его доверие, ты позволила ему фотографировать себя гораздо более откровенно, чем Ребекку и Фиби. — Я вспомнила фото, которые видела в её доме. — Ты ведь тоже интересовалась фотографией. — Вероятно, общий интерес уничтожил любые подозрения Истона относительно Вайолет.

Она расправила плечи, решительно вздёрнула подбородок, но больше ничего не указывало на то, что я права. Хотя, конечно, так оно и было.

— Очень увлекательная история, Кэтлин, — сказала она. — Но и только.

Я положила руки на перила.

— Думаю, ты намеренно дала Истону аспирин.

— Я уже говорила, он жаловался на головную боль.

— И поэтому ты дала ему аспирин. — Я крепко сжала перила. — Аспирина не было в аптечке. Полагаю, ты принесла его с собой, в сумочке. Моя мать каждый день пьёт кардио-аспирин, и ты, я уверена, тоже.

— Множество людей в моём возрасте пьют по таблетке в день, — сказала она ровным голосом. — Может, и мистер Истон пил.

— Сколько ты ему дала? — спросила я, повернувшись к ней, но оставив одну руку на перилах.

— Я не врач, Кэтлин. Я ничего ему не давала. Если он сам что-то принял, кто знает, сколько именно таблеток? Он был склонен к излишествам. — Она так и смотрела куда-то во двор.

— Ты ведь не сказала ему, кто ты? Иначе он бы тебе не доверился.

— Ты думаешь, ему не стоило мне доверять, Кэтлин?

Я провела рукой по перилам.

— Я думаю, ты убедила Истона не ездить в больницу. Наверное, сказала, что он выставит себя старым неуклюжим дураком. Его заносчивость легко обратить против него самого. Полагаю, ты дала ему аспирин и оставалась в Стрэттоне, пока он не потерял сознание. Ты ушла, только когда поняла, что его уже поздно спасать. Ты забрала у него шарф Ребекки, но твоя цепочка за что-то зацепилась, и подвеска упала.

Она обернулась ко мне с холодной улыбкой, которую я видела и раньше.

— Должна сказать, ты слишком много времени проводишь за книгами, Кэтлин. Я уже говорила, ты придумала занимательную историю. Но единственный, кто знает, что случилось — это я. — Она разгладила юбку. — И конечно, я с удовольствием расскажу её полиции.

— Ты оставила человека умирать, — сказала я. — Не имеет значения, что он сделал. Ты оставила его там умирать.

Она шагнула ко мне.

— Нет, Кэтлин, не оставила, — в её голосе слышалась ненависть. — Да, я дала ему аспирин. Да, я убедила его не обращаться в больницу. Но я не оставляла его умирать. — В её лице и улыбке было что-то, от чего сжималось сердце. — Я убедилась, что он мёртв, и только потом ушла, — прошипела она.

Она обернулась взглянуть на Эверетта и Ребекку, и выражение лица тут же изменилось, стало таким... довольным.

— Взгляни на них, — сказала она.

Мои руки дрожали.

— Видишь? Большой злой волк мертв, и все будут жить долго и счастливо, — она снова повернулась ко мне. — Мне жаль, Кэтлин. Но никто тебе не поверит. Я здесь выросла. Меня уважают. А ты здесь всего несколько месяцев. Никто не поверит твоим словам против моих.

Трясущими пальцами я вынула из кармана маленький диктофон.

— Думаю, поверят.

Заключение

Оуэн выглянул из-под стола, где жевал жёлтого цыплёнка с кошачьей мятой. Я нагнулась посмотреть.

— Не хочу вернуться, найти тебя среди обрывков и смотреть на это шоу ужасов, — предупредила я.

Кот развернулся и снова принялся жевать. Из гостиной вышел Геркулес, сел у ног и выжидающе посмотрел на меня. Я наклонилась почесать его за ухом.

— Я не могу взять тебя на руки. Не хочу, чтобы одежда была в кошачьей шерсти.

Он недовольно поворчал и отправился на крыльцо. Я взяла сумку, заперла дверь и отправилась в Стрэттон, на последний концерт музыкального фестиваля.

Все билеты были проданы — в концерте, как пианист и приглашённый консультант, участвовал блестящий музыкант Мишель Демарко. Я никак не могла понять, что происходит, когда Лита позвонила поблагодарить меня и передать маме — моей маме — спасибо за то, что уговорила Демарко приехать. Озадаченная, я позвонила в Бостон.

— Ты знаешь Мишеля Демарко?

— Да, — сказала она. — И ты тоже.

— Я?

— Ты помнишь дядю Микки?

Я порылась в памяти. Вермонт. Мюзикл Стивена Сондхайма. Блондин, похожий на Хью Джекмана, медленно танцевавший с моей мамой, пока отец не начал ревновать.

— Дядя Микки — это Мишель Демарко?

— Да.

— Ну ладно, спасибо, — сказала я. — Ты не обязана была это делать.

— Если это важно для тебя, Кэти, то и для меня тоже.

Работник театра показал моё место. Здание выглядело великолепно. Орен закончил работы всего несколько дней назад. По просьбе Эверетта он руководил всеми последними обновлениями библиотеки.

Место рядом со мной пустовало. Где же Мэгги? С другой стороны от прохода я заметила Ребекку и Эверетта. Ребекку не обвинили в причастности к смерти Грегора Истона. Как член организационного комитета, она имела право находиться в библиотеке, и конечно, она защищалась от Истона, когда ранила его. Никто не подумал, что Ребекка планировала убить этого человека, когда послала ему записку с приглашением на свидание, несмотря даже на то, что она подписалась моим именем.

Однако Вайолет арестовали. Все ждали, что она пойдёт на сделку, чтобы избежать суда. Очевидно, у Вайолет имелись серьёзные проблемы с психикой, и я надеялась, что она получит необходимую помощь.

Верхний свет начал меркнуть — пять минут до начала концерта. Чёрт возьми, где же Мэгги?

— Извините, — слышалось у прохода. Я оглянулась — там стоял Маркус Гордон, показывая на пустое сиденье. — Кажется, мне туда.

— Нет, — я покачала головой. — Нет, это место Мэгги. Она вот-вот появится.

— А я думаю, моё, — он показал билет. — Да, так и есть.

Я поднялась, чтобы дать ему пройти. Я убью Мэгги, точно убью. Мало того, что Мэтт

Лойер выиграл у Кевина Сорбо приз на шоу «Танцуй!», так она ещё пытается свести меня с Маркусом. Да, в этой синей рубашке с расстёгнутым воротником и бежевой куртке он смотрелся очень даже неплохо. И от него вкусно пахло. Но он не моего типа. Совсем нет.

— Как твоя рука? — прошептал Маркус, наклоняясь ко мне.

Когда я, наконец, добралась до больницы, оказалось, что запястье сломано. Так что теперь у меня был гипс от запястья до локтя.

— Это снимут через пару недель, — ответила я. — И, по крайней мере, не болит.

— Рад это слышать, — сказал Маркус.

У него приятная улыбка. А впрочем, мне без разницы. Не мой тип. И я проверила — у него нет библиотечной карты. Насколько мне известно, он ни разу не взял в библиотеке ни одной книги.

— Говорят, приезд на фестиваль этого дирижёра во многом твоя заслуга, — прошептал он мне в ухо, как раз когда погас свет.

— На самом деле я ничего не сделала, — так же шёпотом ответила я. И это была правда.

— И какие у тебя ещё суперсилы? — тихо спросил он. Даже в темноте я видела, что он улыбается. — Можешь проходить сквозь стены или волшебным образом исчезать?

Занавес раздвинулся, дядя Микки поднял дирижёрскую палочку. Я посмотрела на детектива, приложила палец к губам и улыбнулась в ответ.

Больше книг на сайте - Knigolub.net